

Московский городской педагогический университет

Всероссийское периодическое издание

**СИСТЕМНАЯ ПСИХОЛОГИЯ
И СОЦИОЛОГИЯ**

2019

№ 2 (30)

Выходит 4 раза в год

ISSN (print): 2223–6872

ISSN (online): 2223–6880

Москва

2019

Системная психология и социология: научно-практический журнал. М.: МГПУ, 2019.
№ 2 (30). 120 с.

ISSN (print): 2223–6872

ISSN (online): 2223–6880

Редакционная коллегия

Романова Евгения Сергеевна (главный редактор, Москва),
Рыжов Борис Николаевич (зам. главного редактора, Москва),
Арзуманов Юрий Леонидович (Москва), Бершедова Людмила Ивановна (Москва),
Волкова Елена Николаевна (Санкт-Петербург), Дочкал Владимир (Братислава, Словакия),
Дубровина Ирина Владимировна (Москва), Жданова Светлана Юрьевна (Пермь),
Иванов Денис Васильевич (Новосибирск), Карпова Наталия Львовна (Москва),
Левченко Ирина Юрьевна (Москва), Леньков Сергей Леонидович (Тверь),
Лех Витковски (Слупск, Польша), Лидак Людмила Валентиновна (Пятигорск),
Прюс Франц (Грайфсвальд, Германия), Шейнов Виктор Павлович (Минск, Беларусь)

Редакционный совет

Рыжов Борис Николаевич (председатель, Москва),
Абушкин Борис Михайлович (Москва), Ананишнев Владимир Максимович (Москва),
Аншакова Валентина Васильевна (Астрахань), Бакшутова Екатерина Валерьевна (Самара),
Волковская Татьяна Николаевна (Москва), Вяткин Бронислав Александрович (Пермь),
Георгиева Росица (София, Болгария), Забродин Юрий Михайлович (Москва),
Иванников Вячеслав Андреевич (Москва), Казак Тамара Владимировна (Минск, Беларусь),
Коган Борис Михайлович (Москва), Консон Григорий Рафаэльевич (Москва),
Лобанов Александр Павлович (Минск, Беларусь), Миронова Татьяна Ивановна (Кострома),
Рац Александр Яковлевич (Санкт-Петербург), Романова Евгения Сергеевна (Москва),
Рубцова Надежда Евгеньевна (Тверь), Рычихина Элина Николаевна (Москва)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций Регистрационный номер ПИ № ФС77–37716 от 29.09.2009 г.

Заключением Президиума ВАК Минобрнауки России № 13–6518 от 01.12.2015 г.
включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть
опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание
ученой степени кандидата наук и доктора наук

Учредитель: Московский городской педагогический университет

Подписной индекс издания в объединенном каталоге «Пресса России»: 80651

Зав. редакцией О. В. Чибискова

Адрес редакции: Москва, Петровско-Разумовский пр., 27

Тел.: +7 495 612 6716

E-mail: systempsychology@mgpu.ru

Электронная версия журнала зарегистрирована в Федеральной службе по надзору
за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций
Регистрационный номер ЭИ № АС77–37715 от 29.09.2009 г. <http://www.systempsychology.ru>

© ГАОУ ВО МГПУ, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Психологические исследования

- Коган Б. М., Дроздов А. З.** Системная взаимосвязь механизмов психологической защиты и личностных характеристик девушек с несуицидальным самоповреждающим поведением5
- Арзуманов Ю. Л., Коротина О. В., Абакумова А. А.** Личностные особенности людей с зависимостью от синтетического психоактивного вещества..... 13
- Валявко С. М.** О возможности формализации рисуночных методик в специальной психологии: проблемы и перспективы.....24
- Захарова Л. Н., Саралиева З. Х.-М., Леонова И. С., Заладина А. С.** Усталость как показатель социально-психологического возраста персонала.....36

История психологии и психология истории

- Романова Е. С., Рыжов Б. Н.** Борис Федорович Ломов — ученый, ставший воплощением своего времени53
- Ryzhov B. N.** Psychological Age of Civilization (перевод на английский язык Л.А. Машковой) 66

Социологические исследования

- Добринина О. А.** Социальные риски современности и угрозы идентичности: системный анализ концепции «культурной травмы» П. Штомпки..... 77
- Ткаченко А. В.** Системный подход в социологических концепциях Г. Лебона и З. Фрейда 88

Рецензии

- Aleksander T.** A Review about Old Age and Disability (с переводом на русский язык) 98
- Новлянская З. Н.** Психология, литература и кино в диалоге о человеке..... 107

Информация

- У Дмитрия Владимировича Гандера юбилей! 110
- Сведения об авторах журнала «Системная психология и социология», 2019, № 2 (30).... 111
- Требования к оформлению статей..... 116

CONTENTS

Psychological Researches

Kogan B. M., Drozdov A. Z. System Links between Psychological Defense Mechanisms and Personality Characteristics in Girls with Non-Suicidal Self-Damaging Behavior	5
Arzumanov Yu. L., Korotina O. V., Abakumova A. A. Personal Sphere Peculiarities in Persons with Synthetic Psychoactive Substance Dependence.....	13
Valyavko S. M. The Possibility of Formalization of Drawing Techniques in Special Psychology: Problems and Prospects.....	24
Zakharova L. N., Saralievа Z. H.-M., Leonova I. S., Zaladina A. S. Fatigue as an Indicator of Socio-Psychological Age of Personnel	36

History of Psychology and Psychology of History

Romanova E. S., Ryzhov B. N. Boris Fedorovich Lomov — a Scientist Who Became the Embodiment of His Time	53
Ryzhov B. N. Psychological Age of Civilization (translated into English by L. A. Mashkova).....	66

Sociological Researches

Dobrina O. A. Social Risks of Modernity and the Threats to Identity: Systematic Analysis of P. Sztompka's Concept of Cultural Trauma	77
Tkachenko A. V. A System Approach in G. Le Bon and S. Freud's Sociological Concepts.....	88

Reviews

Aleksander T. A Review about Old Age and Disability (translated into English by A. Diniejko and into Russian by O. Leszczak).....	98
Novlyanskaya Z. N. Psychology, Literature and Cinema in a Dialogue about a Man.....	107

Information

Anniversary of Dmitry Vladimirovich Gander!.....	110
Authors of the Journal «Systems Psychology and Sociology», 2019, № 2 (30)	111
Author Guidelines	116

УДК 159.9.07

DOI 10.25688/2223-6872.2019.30.2.01

СИСТЕМНАЯ ВЗАИМОСВЯЗЬ МЕХАНИЗМОВ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЗАЩИТЫ И ЛИЧНОСТНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ДЕВУШЕК С НЕСУИЦИДАЛЬНЫМ САМОПОВРЕЖДАЮЩИМ ПОВЕДЕНИЕМ

Б. М. Коган,

МГПУ, Москва,

KoganBM@mgpu.ru,

А. З. Дроздов,

НМИЦ ПН им. В. П. Сербского, Москва,

alex00582@yandex.ru

Под аутоагрессивным поведением в современной клинической психологии и психиатрии понимаются осознаваемые или неосознаваемые действия, направленные на нанесение самоповреждений как в физической, так и в психической сферах. В профильной литературе этот поведенческий феномен многие авторы рассматривают как деструктивный механизм психологической защиты. Более того, аутоагрессивные поведенческие акты могут фенотипически проявляться в самообвинении, вплоть до формирования комплекса вины и греховности; самоунижении, доходящем зачастую до синдрома невротического самобичевания; нанесении себе различной степени тяжести телесных повреждений, нередко являющихся суицидальными попытками; злоупотреблении алкоголем или другими психоактивными веществами; парафильных формах сексуального поведения; стремлении к участию в экстремальных спортивных соревнованиях; предпочтении опасных для здоровья и жизни профессий. Но проявления аутоагрессии, безусловно, нельзя интерпретировать только как симптом клинического мазохизма.

В статье приводятся результаты изучения иерархии механизмов психологической защиты и личностных характеристик 104 соматически и психически здоровых девушек, у большей части которых в анамнезе проявлено аутоагрессивное поведение для преодоления фрустрации, вызванной психоэмоциональным стрессом.

В заключение авторы обсуждают выявленные особенности применения девушками с несуйцидальным самоповреждающим поведением в анамнезе механизмов психологической защиты и их личностные характеристики в аспекте понимания этого антистрессорного действия как особой деструктивной стратегии преодоления стресса и патологической почвы для формирования и развития специфической аддикции.

Ключевые слова: несуйцидальное самоповреждающее поведение; механизмы психологической защиты; импульсивность; психические расстройства; соматические нарушения; аутоагрессивное поведение; личностные характеристики.

Для цитаты: Коган Б. М., Дроздов А. З. Системная взаимосвязь механизмов психологической защиты и личностных характеристик девушек с несуйцидальным самоповреждающим поведением // Системная психология и социология. 2019. № 2 (30). С. 5–12. DOI: 10.25688/2223-6872.2019.30.2.01

Коган Борис Михайлович, доктор биологических наук, профессор, заведующий кафедрой клинической и специальной психологии Института психологии, социологии, социальных отношений Московского городского педагогического университета, Москва.

E-mail: KoganBM@mgpu.ru

Дроздов Александр Зосимович, доктор медицинских наук, профессор, заведующий лабораторией Национального медицинского исследовательского центра психиатрии и наркологии им. В. П. Сербского Министерства здравоохранения РФ, Москва.

E-mail: alex00582@yandex.ru

**SYSTEM LINKS BETWEEN PSYCHOLOGICAL DEFENSE
MECHANISMS AND PERSONALITY CHARACTERISTICS
IN GIRLS WITH NON-SUICIDAL SELF-DAMAGING BEHAVIOR**

B. M. Kogan,

MCU, Moscow,

KoganBM@mgpu.ru,

A. Z. Drozdov,

The Serbsky NMRC PN, Moscow,

alex00582@yandex.ru

By auto-aggressive behavior in modern clinical psychology and psychiatry is understood as conscious or non-comprehensible actions aimed at inflicting self-harm in both the physical and mental spheres. In the profile literature, this behavioral phenomenon is considered by many authors as one of the destructive mechanisms of psychological defense. Moreover, auto-aggressive behavioral acts can phenotypically manifest in self-incrimination, including the formation of a complex of guilt and sinfulness, self-humiliation, often reaching the neurotic self-flagellation syndrome, inflicting varying severity of injuries, often suicidal attempts, alcohol abuse, or other psychoactive substances paraphilic forms of sexual behavior, the desire to participate in extreme sports competitions, the preference of dangerous for Hur and professions of life. But manifestations of auto-aggression, of course, cannot be interpreted only by a clinical masochistic interpretation.

The article presents the results of studying the hierarchy of psychological defense mechanisms and personal characteristics of 104 somatically and mentally healthy girls, most of whom used auto-aggressive behavior in the anamnesis to overcome frustration caused by psycho-emotional stress.

In conclusion, the authors discuss the identified features of the use of girls with non-suicidal self-damaging behavior in the history of psychological defense mechanisms and their personal characteristics in terms of understanding this anti-stress action as a special destructive coping strategy and pathological soil for the formation and development of specific addiction.

Keywords: non-suicidal self-damaging behavior; psychological defense mechanisms; impulsivity; mental disorders; physical disability; auto-aggressive behavior; personality characteristics.

For citation: Kogan B. M., Drozdov A. Z. System Links between Psychological Defense Mechanisms and Personality Characteristics in Girls with Non-Suicidal Self-Damaging Behavior // Systems Psychology and Sociology. 2019. № 2 (30). P. 5–12. DOI: 10.25688/2223-6872.2019.30.2.01

Kogan Boris Mikhaylovich, Doctor of Biological Sciences, Professor, Head of the Department of Clinical and Special Psychology at the Institute of Psychology, Sociology, Social Relations of the Moscow City University, Moscow, Russia.

E-mail: KoganBM@mgpu.ru

Drozdov Alexander Zosimovich, Doctor of Medical Sciences, Professor, Head of the Laboratory at the Serbsky National Medical Research Center for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russia.

E-mail: alex00582@yandex.ru

Введение

По данным ряда работ, примерно 7–9 % взрослого населения тем или иным образом наносит себе повреждения, а среди подростков самоповреждающее поведение распространено шире: так или иначе вредят себе 13–16 % молодых людей [16].

В современной литературе самоповреждающее поведение может обозначаться по-разному при сохранении единого психологического понимания этого аутоагрессивного деяния:

членовредительство (self-mutilationbehavior), намеренный самовред (deliberateself-harm), саморанение (self-wounding), несуицидальное самоповреждающее поведение (nonsuicidal-self-injury) [11–13; 18; 21].

В настоящее время под самоповреждающим поведением принято считать понятие, включающее в себя осознаваемые или неосознаваемые действия, намеренно направленные на физическое повреждение собственного тела. К таким действиям авторы относят порезы на коже конечностей,

нанесение ударов кулаком по туловищу или голове, битье головой о твердые предметы, прижигание различных участков тела, прикусывание губ и языка до появления крови во рту, уколы острыми предметами и/или расчесывание кожи и слизистых оболочек до обильного кровотечения и т. п. Согласно классификации DSM-5, наиболее распространенными вариантами самоповреждающего поведения являются порезы конечностей различными острыми предметами. Порезы со временем могут образовывать характерный паттерн шрамов, располагаясь на расстоянии 1–2 см друг от друга¹ [3].

Цель исследования — изучение личностных характеристик и ведущих механизмов психологической защиты девушек с несуйцидальным самоповреждающим поведением, поскольку известно, что они значительно чаще юношей демонстрируют аутоагрессивные реакции, а также то, что имеются половые и гендерные особенности формирования и развития различных девиантных вариантов поведения и психических расстройств [2; 4]. В то же время нет никаких сомнений в том, что аутоагрессивные формы поведения нельзя рассматривать изолированно, в отрыве от других личностных характеристик, формирующих единый системный комплекс [11: с. 76].

Теоретические представления о дезадаптивных формах поведения и механизмах психологической защиты личности

Теоретические представления об аутоагрессивном поведении разрабатываются специалистами разных наук: биологии, медицины, психологии, культурной антропологии, — но главным для понимания природы самоповреждений является клинический подход, в котором формулируются положения о связи самоповреждающего поведения с различными психическими расстройствами и соматическими нарушениями.

¹ Коган Б. М., Дроздов А. З., Дмитриева Т. Б. Механизмы развития соматических и психопатологических стрессовых расстройств (половые и гендерные аспекты) // Системная психология и социология. 2010. № 1. С. 106–121.

В основных положениях теории социальной адаптации саморазрушающее поведение рассматривается как форма дезадаптивных поведенческих реакций на различные неблагоприятные жизненные ситуации, вызывающие дистресс, фрустрацию и т. п. [14]. Психологически аутоагрессия выступает одним из основных дезадаптивных способов решения проблем, связанных с «нарушением интеграции отдельных сторон личности и функций личности» [6: с. 130], но в то же время самоповреждающее поведение указывает на его «совладающий характер», т. е. оно является и «способом избегания высокоинтенсивных негативных эмоций, и способом конфронтации, противостояния внутренним переживаниям или внешним обстоятельствам» [6: с. 140]. Можно согласиться с Н. А. Польской, что самоповреждающее поведение в большинстве случаев относится к доклиническим феноменам и свидетельствует о психологическом неблагополучии личности [5–7].

В психодинамических концепциях самоповреждение объясняется как активная агрессивная реакция, направленная на свое тело, что может трактоваться как следствие нарушения отношений или как одна из форм проявления агрессии нарциссической личностью [3]. Авторы, рассматривающие самоповреждающее поведение с позиции когнитивно-поведенческих моделей, пытаются объяснить это явление исходя из современных положений теорий научения и копинг-стратегий, т. е. как поведенческую активность, формируемую в результате взаимодействия индивидуальных личностных особенностей и социального окружения в стремлении разрешить субъективно значимую психоэмоциональную стрессогенную ситуацию.

В возникновении и формировании несуйцидального самоповреждающего поведения участвует большое количество факторов различного характера — социального, психологического, онтогенетического. Сочетание данных влияний в той или иной комбинации и определяет готовность индивидуума к самоповреждающему типу поведения. Надо указать на то, что эту форму поведения часто можно наблюдать и у психически здоровых лиц, преимущественно в подростковом

и юношеском возрасте. Как правило, следы самоповреждений объясняются ими случайными травмами или маскируются модификациями тела (пирсинг, татуировки и т. д.).

Следует отметить, что нанесение самоповреждений разными способами зачастую связывается с более сильной (тяжелой) психопатологией и суицидальными попытками. В случае употребления термина «самоповреждение» следует понимать, что он не ограничивается только рамками самоповреждающего поведения как варианта преодоления стрессогенной ситуации, но, что еще более тревожно, встречается также и в структуре суицидального поведения, но в представленной статье приводятся результаты, связанные только с несуйцидальным вариантом самоповреждающего поведения, для которого характерно наличие следующих признаков: целенаправленность, преднамеренность, повторяемость, с одной стороны, и чувство социальной неприемлемости, отсутствие суицидального намерения, тревожность, ощущение напряжения — с другой. При этом человек склонен испытывать чувство облегчения или, наоборот, беспокойства после акта самоповреждения [5; 6; 19].

Необходимо указать на то, что ряд исследователей, использующих понятие «самовред» и исключаяющих из него клинические варианты самоповреждающего поведения, подчеркивают, что причинение себе преднамеренного вреда зачастую осуществляется психически здоровыми людьми, являющимися в прошлом жертвами насилия, в период острого психологического дискомфорта или же в ответ на стрессогенную ситуацию [14]. Анализируя содержание понятия самоповреждающего поведения, авторы [5; 10; 16] указывают на наличие психологической и физической составляющих этого феномена, в котором под психологическим компонентом подразумевается стремление человека преодолеть психологическое неблагополучие, а под физическим компонентом — непосредственное причинение вреда телу. В основном индивид посредством физического компонента осуществляет ответ на психологический компонент, который доставляет ему страдания; таким образом, боль в некотором смысле актуализируется в новом

воплощении. Однако ряд авторов склонны рассматривать явление самоповреждающего поведения только с точки зрения причиняемого собственному телу физического вреда, вне зависимости от мотивов намерений — явных или скрытых [17; 20].

Современные теории механизмов психологической защиты включают в себя следующие параметры:

- а) адекватность проявляемой защиты, возможность восстановления после проявления того или иного вида защиты и способность проанализировать его;
- б) гибкость механизма защиты (использование различных механизмов в зависимости от сложившейся ситуации);
- в) преимущественное использование зрелой личностью комплекса механизмов психологической защиты, включающего в себя интеллектуализацию, сублимацию, подавление, рационализацию, смещение, без частого обращения к более примитивным защитным механизмам — проекции, отрицанию, интроекции [1; 8; 9].

Методы и методики исследования

Для решения поставленных в данной работе задач были обследованы 104 студентки Московского городского педагогического университета в возрасте от 19 до 24 лет, не состоящие на учете в психоневрологических диспансерах, среди которых 44 девушки, указавшие на частое использование ими самоповреждающих форм поведения (у 73 % — порезы являются доминирующей формой, у 26 % — нанесение себе ударов), составили группу, условно названную экспериментальной, а 60 девушек, не имеющих в анамнезе актов несуйцидального самоповреждения, — контрольную.

Представительницы обеих групп обследовались с помощью следующих методик: опросник Плутчика – Келлермана – Конте «Индекс жизненного стиля»; опросник отношений RSQ (Relationship Scales Questionnaire) Д. Гриффина и К. Бартоломью; опросник «Причины для жизни» (Reasons for living, RFL); личностный опросник для DSM-5 (PID-5);

опросник утверждений о самоповреждении (OYOC) (в англ. варианте — ISAS); опросник уровня импульсивности индивида Баратта. Достоверность различий между группами оценивалась по *U*-критерию Манна – Уитни.

Результаты и их обсуждение

Как видно из таблицы 1, у девушек, демонстрирующих аутоагрессивное поведение, выявляются существенные отличия в интенсивности защитных механизмов по сравнению с оппозитной группой. Так, у представителей экспериментальной группы (девушки с самоповреждающим несуицидальным поведением) статистически значимо увеличен уровень проявления таких механизмов защиты, как вытеснение, регрессия и общая напряженность на фоне снижения показателей по шкале отрицания по сравнению с контрольной группой. По остальным шкалам опросника достоверно значимых отличий не выявлено, хотя наблюдается очевидная тенденция к увеличенному использованию девушками с аутоагрессивным поведением проекции, компенсации и замещения при уменьшении интеллектуализации.

Результаты, полученные при использовании опросника RSQ для исследования преобладающего типа отношений и привязанности, показали, что амбивалентно-тревожный тип отношений и привязанности у девушек из экспериментальной группы статистически значимо ($p < 0,05$) проявляется чаще, а надежный тип отношений и привязанности и отвергающий

тип отношений и привязанности — достоверно ($p < 0,05$) реже, чем у их сверстниц из контрольной группы.

Результаты исследования, полученные при использовании опросника RFL, демонстрируют, что у девушек с актами аутоагрессии в анамнезе статистически достоверно ($p < 0,001$) снижены уверенность в необходимости самостоятельного преодоления трудностей, ответственность перед семьей, редуцированы мотивы, связанные с детьми. Важно подчеркнуть, что низкие показатели, отражающие моральные установки, противоречащие самоубийству, а также опасению относительно совершения самоубийства у девушек из экспериментальной группы, свидетельствуют в первую очередь о том, что суицидальные идеи в меньшей степени табуированы у девушек, склонных к аутоагрессивным реакциям, хотя они открыто не декларируют наличия у них суицидальных мыслей и намерений.

Уровень импульсивности представительниц указанных групп рассчитывался на основе шкалы Баррата (BIS-11). Статистически значимых различий между уровнем импульсивности экспериментальной группы и группы нормативной нет, однако необходимо отметить, что, согласно интерпретации результатов автора опросника BIS-11, значения, лежащие в интервале от 0 до 70, являются нормативными. Значения, лежащие в интервале от 70 до 75, представляют собой вариант патологической импульсивности. И, наконец, значения выше 75 указывают на расстройство контроля импульсивности. Основываясь на средних значениях, которые показали контрольная

Таблица 1

Механизмы психологической защиты ($M \pm m$)

	Отрицание	Вытеснение	Регрессия	Компенсация	Проекция	Замещение	Интеллектуализация	Реактивное образование	Общая напряженность защиты
Контрольная группа	58,3 ± 7,8	28,3 ± 5,3	46,6 ± 3,7	32,6 ± 9,4	46,1 ± 10,7	37,9 ± 11,2	53,3 ± 13,7	40,6 ± 13,2	42,8 ± 1,76
Экспериментальная группа	32,2 ± 7,61**	53,3 ± 5,6**	61,4 ± 10,8*	48,0 ± 11,5	61,5 ± 16,8	60,0 ± 11,6	37,7 ± 12,2	35,3 ± 10,4	49,0 ± 3,9**

Примечание: * — $p < 0,05$ по сравнению с контрольной группой; ** — $p < 0,01$ по сравнению с контрольной группой.

и экспериментальная группы, можно сказать, что, несмотря на небольшую разницу в полученных результатах, среднее значение нормативной группы составляет 61,6, а среднее значение экспериментальной группы (75,8) указывает на то, что представительницы экспериментальной группы показали результаты, свидетельствующие о расстройстве у них контроля импульсивности.

Импульсивность человека может зависеть от множества факторов, как биологических, так и социальных: в данной части исследования интересен был симбиоз импульсивности личностных характеристик и самоповреждающих паттернов поведения. Необходимо подчеркнуть, что в нормативной группе значения, лежащие в интервале от 0 до 70, получили 67 % от общей выборки, результаты, лежащие в интервале от 70 до 75 — 26 %, и, соответственно, результат выше 75 — 7 %. В экспериментальной же группе наблюдалась иная картина: нормативные показатели наблюдаются только у 17 % испытуемых, уровень от 70 до 75 баллов отмечается всего лишь у 7 %, а показатели выше 75 баллов отмечены у 76 % девушек, демонстрирующих самоповреждающее поведение.

Заключение

В соответствии с представленными данными можно сделать следующие выводы.

Имеются статистически значимые различия в иерархии ведущих механизмов психологической защиты у девушек с несуйцидальным самоповреждающим поведением и их сверстниц, не имеющих в анамнезе эпизоды самоповреждений. В группе девушек с аутоагрессивным поведением более выражен уровень проявления механизмов вытеснения, регрессии и общей напряженности защиты и менее выражен механизм отрицания.

Обнаружены достоверно значимые различия между ведущими причинами для отказа от суйцидального поведения у респондентов двух групп: девушки с самоповреждающим несуйцидальным поведением, по сравнению со сверстницами, не проявляющими аутоагрессивного поведения, менее уверены в том,

что нужно активно преодолевать трудности; у них снижена ответственность перед членами семьи; редуцированы мотивы, связанные с детьми, а также уровень моральных установок, противоречащих самоубийству.

Показано, что существуют различия личностных характеристик у девушек с несуйцидальным самоповреждающим поведением и представительницами контрольной группы. Так, в экспериментальной группе статистически достоверно повышены значения по таким шкалам, как привлечение внимания, очерствелость, избегание близости, безответственность, нарушение восприятия, мнительность, необычные ощущения и воззрения.

Очевидно, что вышеуказанные личностные особенности могут быть генетически связаны с феноменом самоповреждающего поведения, но в то же время нельзя не обратить особое внимание на тот факт, что у большинства девушек из экспериментальной группы параксизмы аутоагрессивного поведения теряют связь с психотравмирующей ситуацией и начинают становиться самостоятельными поведенческими феноменами, обладающими неодолимостью и повторностью, что сближает их с известными химическими и поведенческими аддикциями² [2], т. е. можно сделать предположение о том, что со временем самоповреждающее поведение детей и подростков трансформируется в очень опасную форму зависимого поведения, что необходимо учитывать их близким родственникам, а также педагогам, психологам и аддиктологам.

² Дмитриева Т. Б., Дроздов А. З., Коган Б. М. Периферические показатели метаболизма серотонина при психических расстройствах // Российский психиатрический журнал. 2000. № 4. С. 52–56; Ткаченко А. А., Дроздов А. З., Перегожин Л. О., Ковалева И. А., Коган Б. М. Содержание серотонина в плазме крови и тромбоцитах и показатели захвата серотонина тромбоцитами при нарушении половой идентичности у лиц с аномальным сексуальным поведением // Российский психиатрический журнал. 1997. № 3. С. 37–41.

Литература

1. **Карпов А. Б.** Механизмы психологической защиты и стратегии преодоления стресса в переходный период от подросткового к юношескому возрасту: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2006. 25 с.
2. **Коган Б. М., Дроздов А. З.** Катехоламиновые нейромедиаторные системы при психических расстройствах аддиктивного спектра // Вопросы наркологии. 2017. № 2–3. С. 139–154.
3. **Коган Б. М., Викторова О. А.** Гендерный аспект личностного развития на различных этапах подросткового возраста // Системная психология и социология. 2015. № 14. С. 25–31.
4. **Мак-Вильямс Н.** Психоаналитическая диагностика. Понимание структуры личности в клиническом процессе. М.: Класс, 2015. 480 с.
5. **Польская Н. А.** Предикторы и механизмы самоповреждающего поведения (по материалам исследований) // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 1. С. 96–105.
6. **Польская Н. А.** Акты самоповреждения у пациентов с пограничными психическими расстройствами // Экспериментальная психология. 2015. Т. 8. № 3. С. 129–144.
7. **Польская Н. А.** Феноменология и функции самоповреждающего поведения при нормативном и нарушенном психическим развитием: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 2017. 51 с.
8. **Романова Е. С., Гребенников Л. Р.** Механизмы психологической защиты: генезис, функционирование, диагностика. Мытищи: Талант, 1996. 144 с.
9. **Романова Е. С., Карпов А. Б.** Современные представления о механизмах психологической защиты: обзор литературы // Российский психиатрический журнал. 2003. № 6. С. 67–72.
10. **Сыроквашина Е. Г., Дозорцева К. В.** Психологические факторы риска суицидального поведения у подростков // Консультативная психология и психотерапия. 2016. Т. 24. № 3. С. 8–24.
11. **Холодова Н. Б., Рыжов Б. Н., Жаворонкова Л. А.** Состояние высших психических функций у участников ликвидации последствий аварии на чернобыльской АЭС // Журнал неврологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. 2005. Т. 105. № 10. С. 57–58.
12. **Baumeister R. F., Scher S. J.** Self-defeating behavior patterns among normal individuals: review and analysis of common self-destructive tendencies // Psychological bulletin. 1988. Vol. 104 (1). P. 3–22.
13. **Cloutier P., Humphreys L.** Measurement of nonsuicidal self-injury in adolescents // Self-Injury in Youth / In M. K. Nixon, N. L. Heath (eds.). New York, NY: Routledge Press, 2008. P. 115–142.
14. **Hagen E. H., Watson P. J., Hammerstein P.** Gestures of Despair and Hope: A View on deliberate self-harm from economics and evolutionary biology // Biological Theory. 2008. № 3 (2). P. 123–138.
15. **Kuss D. J., Griffiths M. D., Pontes H. M.** Chaos and confusion in DSM-5 diagnosis of Internet Gaming Disorder: Issues, concerns, and recommendations for clarity in the field // Journal of Behavioral Addictions. 2017. Vol. 6. № 2. P. 103–109.
16. **Mayer J. D., Roberts R. D., Barsade S. G.** Human Abilities: Emotional Intelligence // Annual Review of Psychology. 2008. Vol. 59. P. 507–536.
17. **Muehlenkamp J. J., Gutierrez P. M.** An investigation of differences between self-injurious behavior and suicide attempts in a sample of adolescents // Suicide and Life-Threatening Behavior. 2004. Vol. 34 (1). P. 12–23.
18. **Nixon M. K., Cloutier P., Jansson S. M.** Nonsuicidal self-harm in youth: a population-based survey // Canadian Medical Association Journal. 2008. Vol. 178. P. 306–312.
19. **Rumpf H.J., Ahab S., Billieux J.** et al. Including gaming disorder in the ICD-11: The need to do so from a clinical and public health perspective // Journal of Behavioral Addictions. 2018. Vol. 7. № 3. P. 556–561.
20. **van Rooij A.J., Ferguson C.J., Colder Carras M.** et al. A weak scientific basis for gaming disorder: Let us err on the side of caution // Journal of Behavioral Addictions. 2018. Vol. 7. № 1. P. 1–9.
21. **Whitlock J., Knox K. L.** The relationship between self-injurious behavior and suicide in a young adult population // Archives of pediatrics & adolescent medicine. 2007. Vol. 161 (7). P. 634–640.

References

1. **Karpov A. B.** Mechanisms of psychological protection and coping strategies in the transitional period from adolescence to adolescence: Ph.D. thesis in psychology. M., 2006. 25 p.
2. **Kogan B. M., Drozdov A. Z.** Catecholamine neuromediator systems in mental disorders of addictive spectrum // Questions of Addiction. 2017. № 2–3. P. 139–154.
3. **Kogan B. M., Viktorova O. A.** Gender aspect of personal development at different stages of adolescence // Systems psychology and sociology. 2015. № 14. P. 25–31.

4. **McWilliams N.** Psychoanalytic Diagnostics. Understanding the structure of personality in the clinical process. M.: Class, 2015.
5. **Polskay N. A.** Predictors and mechanisms of self-damaging behavior (based on research materials) // Psychol. journals 2009. V. 30. № 1. P. 96–105.
6. **Polskay N. A.** Acts of self-harm in patients with borderline mental disorders // Experimental psychology. 2015. Vol. 8. № 3. P. 129–144.
7. **Polskay N. A.** Phenomenology and functions of self-damaging behavior in case of normative and impaired mental development: Ph.D. thesis in psychology (Doctor of Psychology). M. 2017. 51 p.
8. **Romanova E. S., Grebennikov L. R.** Psychological defense mechanisms: genesis, functioning, diagnostics. Mytitschi: Talant, 1996. 144 p.
9. **Romanova E. S., Karpov A. B.** Modern ideas about the mechanisms of psychological protection: a review of the literature // Russian Psychiatric Journal. 2003. № 6. P. 67–72.
10. **Syrovashina E. G., Dozortseva K. V.** Psychological risk factors for suicidal behavior in adolescents // Consultative psychology and psychotherapy. 2016. Vol. 24. № 3. P. 8–24.
11. **Kholodova N. B., Ryzhov B. N., Zhavoronkova L. A.** Higher mental functions in Chernobyl liquidators // S. S. Korsakov journal of neurology and psychiatry. 2005. Vol. 105. № 10. P. 57–58.
12. **Baumeister R. F., Scher S. J.** Self-defeating behavior patterns among normal individuals: review and analysis of common self-destructive tendencies // Psychological bulletin. 1988. Vol. 104 (1). P. 3–22.
13. **Cloutier P., Humphreys L.** Measurement of nonsuicidal self-injury in adolescents // Self-Injury in Youth / In M. K. Nixon, N. L. Heath (eds.). New York, NY: Routledge Press, 2008. P. 115–142.
14. **Hagen E. H., Watson P. J., Hammerstein P.** Gestures of Despair and Hope: A View on deliberate self-harm from economics and evolutionary biology // Biological Theory. 2008. № 3 (2). P. 123–138.
15. **Kuss D. J., Griffiths M. D., Pontes H. M.** Chaos and confusion in DSM-5 diagnosis of Internet Gaming Disorder: Issues, concerns, and recommendations for clarity in the field // Journal of Behavioral Addictions. 2017. Vol. 6. № 2. P. 103–109.
16. **Mayer J. D., Roberts R. D., Barsade S. G.** Human Abilities: Emotional Intelligence // Annual Review of Psychology. 2008. Vol. 59. P. 507–536.
17. **Muehlenkamp J. J., Gutierrez P. M.** An investigation of differences between self-injurious behavior and suicide attempts in a sample of adolescents // Suicide and Life-Threatening Behavior. 2004. Vol. 34 (1). P. 12–23.
18. **Nixon M. K., Cloutier P., Jansson S. M.** Nonsuicidal self-harm in youth: a population-based survey // Canadian Medical Association Journal. 2008. Vol. 178. P. 306–312.
19. **Rumpf H.J., Achab S., Billieux J.** et al. Including gaming disorder in the ICD-11: The need to do so from a clinical and public health perspective // Journal of Behavioral Addictions. 2018. Vol. 7. № 3. P. 556–561.
20. **van Rooij A.J., Ferguson C.J., Colder Carras M.** et al. A weak scientific basis for gaming disorder: Let us err on the side of caution // Journal of Behavioral Addictions. 2018. Vol. 7. № 1. P. 1–9.
21. **Whitlock J., Knox K. L.** The relationship between self-injurious behavior and suicide in a young adult population // Archives of pediatrics & adolescent medicine. 2007. Vol. 161 (7). P. 634–640.

УДК 159.9.07

DOI 10.25688/2223-6872.2019.30.2.02

ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЛЮДЕЙ С ЗАВИСИМОСТЬЮ ОТ СИНТЕТИЧЕСКОГО ПСИХОАКТИВНОГО ВЕЩЕСТВА

Ю. Л. Арзуманов,

О. В. Коротина,

А. А. Абакумова,

НМИЦ ПН им. В. П. Сербского, Москва,

arzumanov42@mail.ru,

ole4ka_koroti4@mail.ru,

abakumova46@mail.ru

Многочисленные клинические исследования показывают, что у наркозависимых людей, употребляющих синтетические психоактивные вещества, быстрее формируется социальная дезадаптация, выше риск развития интоксикационных психозов, чаще проявляются эмоционально-личностные расстройства и нарушения волевых процессов, а также интенсивнее проявляется целый ряд негативных следствий в когнитивной сфере, которые сопровождаются системными специфическими нарушениями внимания, восприятия, памяти, мышления.

Данное исследование направлено на выявление эмоционально-личностных особенностей наркозависимых лиц, употребляющих синтетическое психоактивное вещество метилendioксипировалерон (МДПВ) в сравнении с группой здоровых лиц по специальным шкалам сокращенного варианта Миннесотского многофакторного личностного опросника ММРП — методика «Мини-мульти».

Выявлено, что у зависимых преобладает примитивно-бытовое мышление, социальная дезадаптация, безразличное отношение к собственной жизни, низкая продуктивность умственной деятельности, дистимия. Получены данные, которые показывают достоверные различия в эмоционально-личностной сфере по профильным шкалам депрессии, психастении и шизоидности у наркозависимых от психоактивного вещества МДПВ и здоровых испытуемых. По шкале «Депрессия» у зависимых людей показатели выше, чем у здоровых лиц. Это может быть связано с высоким уровнем личностной тревожности, нарастающим чувством страха, паническим состоянием, мыслями о смерти, низкой самооценкой, стигматизацией болезни наркомании и формированием личности наркозависимого человека. По шкалам «Психастения» и «Шизоидность» у лиц, употребляющих наркотики, с высокой степенью достоверности показатели ниже, чем у здоровых. Снижение показателей по шкале «Психастения» у зависимых людей выявляет такие черты, как трусливость, подозрительность, недоверчивость, осторожность, склонность ко лжи, отсутствие воли, склонность к манипуляциям. Оценка результатов по шкале «Шизоидность» указывает на такие черты характера, как скудность мышления, склонность к фантазированию, резонерству.

Ключевые слова: личностные особенности; психоактивные вещества; синтетический катинон; метилendioксипировалерон (МДПВ); наркозависимая личность; личностная сфера; волевая сфера.

Для цитаты: Арзуманов Ю. Л., Коротина О. В., Абакумова А. А. Личностные особенности людей с зависимостью от синтетического психоактивного вещества // Системная психология и социология. 2019. № 2 (30). С. 13–23. DOI: 10.25688/2223-6872.2019.30.2.02

Арзуманов Юрий Леонидович, доктор медицинских наук, профессор, заведующий лабораторией клинической нейрофизиологии Национального научного центра наркологии — филиала Национального медицинского исследовательского центра психиатрии и наркологии им. В. П. Сербского Министерства здравоохранения РФ, Москва.

E-mail: arzumanov42@mail.ru

Коротина Ольга Викторовна, научный сотрудник Отдела психотерапии и медицинской реабилитации в амбулаторных и стационарных условиях, медицинский психолог высшей квалификационной категории Национального научного центра наркологии — филиала Национального медицинского исследовательского центра психиатрии и наркологии им. В. П. Сербского Министерства здравоохранения РФ, Москва.

E-mail: ole4ka_koroti4@mail.ru

Абакумова Алла Алексеевна, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Национального научного центра наркологии — филиала Национального медицинского исследовательского центра психиатрии и наркологии им. В. П. Сербского Министерства здравоохранения РФ, Москва.
E-mail: abakumova46@mail.ru

PERSONAL SPHERE PECULIARITIES IN PERSONS WITH SYNTHETIC PSYCHOACTIVE SUBSTANCE DEPENDENCE

**Yu. L. Arzumanov,
O. V. Korotina,
A. A. Abakumova,**
The Serbsky NMRC PN, Moscow,
arzumanov42@mail.ru,
ole4ka_koroti4@mail.ru,
abakumova46@mail.ru

Numerous clinical studies show that drug addicts, using synthetic psychoactive substances, quickly formed social maladjustment, higher risk of intoxication psychosis, often manifest emotional and personal disorders and violations of volitional processes, as well as more intensively manifested a number of negative consequences in the cognitive sphere, which are accompanied by systemic specific violations of attention, perception, memory, thinking.

This study aims to identify the emotional-personal characteristics of drug addicts who use synthetic psychoactive substance methylenedioxypropylvalerone (MDPV) in comparison with the group of healthy individuals on special scales short version of the Minnesota multi-factor personality questionnaire MMPI — method «Mini-mult».

It is revealed that the dependents are dominated by primitive everyday thinking, social maladjustment, indifferent attitude to their own lives, low productivity of mental activity, dysthymia. The data that show significant differences in the emotional and personal sphere on the profile scales of depression, psychasthenia and schizoid in drug addicts from psychoactive substance MDPV and healthy subjects. On a scale of «Depression» in dependent people performance is higher than in healthy individuals. This may be due to a high level of personal anxiety, growing sense of fear, panic, thoughts of death, low self-esteem, stigmatization of the disease of drug addiction and the formation of the personality of a drug addict. On the scales of «Psychasthenia» and «Schizoid» in people who use the drug, with a high degree of reliability, the indicators are lower than in healthy people. The decrease in the indicators on the scale of «Psychasthenia» in dependent people reveals such features as cowardice, suspicion, distrust, caution, a tendency to lie, lack of will, a tendency to manipulation. Evaluation of the results on the scale of «Schizoid» indicates such traits as scarcity of thinking, a tendency to fantasize, resonance.

Keywords: psychoactive substances; synthetic cathinone; methylenedioxypropylvalerone (MDPV); drug dependent personality; personal sphere; willpower.

For citation: Arzumanov Yu. L., Korotina O. V., Abakumova A. A. Personal Sphere Peculiarities in Persons with Synthetic Psychoactive Substance Dependence // Systems Psychology and Sociology. 2019. № 2 (30). P. 13–23. DOI: 10.25688/2223-6872.2019.30.2.02

Arzumanov Yuriy Leonidovich, Doctor of Medical Sciences (MD), Professor, Head of the Laboratory of Clinical Neurophysiology at the National Scientific Research Institute for Addictions — a Branch of the Serbsky National Medical Research Center for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russia.

E-mail: arzumanov42@mail.ru

Korotina Olga Viktorovna, medical psychologist of the highest qualification category, Researcher at the Department of Psychotherapy and Medical Rehabilitation in Outpatient Setting at the National Scientific Research Institute for Addictions — a Branch of the Serbsky National Medical Research Center for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russia.

E-mail: ole4ka_koroti4@mail.ru

Abakumova Alla Alekseyevna, PhD in Biology, Senior scientist at the Laboratory of Clinical Neurophysiology at the National Scientific Research Institute for Addictions — a Branch of the Serbsky National Medical Research Center for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russia.

E-mail: abakumova46@mail.ru

Введение

В настоящее время не вызывает сомнения существование единого физиологического и нейрохимического механизма, лежащего в основе формирования и развития разных вариантов зависимого поведения [2; 3; 5; 7; 12; 13; 26; 30; 31].

Известно, что при приеме психоактивных веществ в первую очередь возникают проблемы в когнитивной деятельности, сопровождающиеся нарушениями внимания, памяти, процесса восприятия и формирования синдрома зависимости¹ [26; 27–30].

За последние восемь лет среди подростков и молодежи значительно возросло употребление дешевых синтетических психоактивных веществ, среди которых по своим свойствам особо выделяется вещество «метиленидиоксипировалерон» (МДПВ, или «соль») из-за негативного воздействия на эмоционально-личностную и когнитивную сферы человека [26]. Основная проблема заключается в том, что химическая формула этого вещества постоянно меняется и в реестр наркотических средств оно не попадает, что дает возможность лицам, употребляющим его, уйти от уголовного

наказания [1]. Как отмечает А. В. Анцыборов, новые дизайнерские наркотики характеризуются тем, что в первую очередь происходит не создание новых психоактивных веществ, а химическая «переделка» уже хорошо известных, в результате чего происходит сохранение их свойств либо их усиление, но с другой химической структурой, отличающей от «оригинала» и приводящей к стремительно нарастающей социальной дезадаптации пациентов, вплоть до проявления органического поражения ЦНС [1].

Современные психостимуляторы обычно повышают настроение, вызывают эйфорию, неестественное доверие к окружающим, чрезмерную речевую и двигательную активность. Вещество МДПВ относится к этой же категории, и оно способно привести к нарушениям сна и вызывать перепады настроения [18].

Начиная с 2009 года в учреждения здравоохранения стали массово поступать подростки и молодые люди с отравлениями, порой угрожающими жизни, связанными с последствиями употребления МДПВ [19]. Многочисленные клинические наблюдения отечественных и зарубежных исследователей свидетельствуют о том, что у лиц, употребляющих дизайнерские наркотики, гораздо чаще, чем при приеме традиционных наркотиков, развиваются интоксикационные психозы, в клинической картине которых преобладают специфические нарушения памяти, эмоционально-волевые изменения, панические атаки, искажения мыслительного процесса [4; 6; 21; 22–25].

Относительно новый синтетический наркотик в своих клинических проявлениях имеет определенное сходство с психостимуляторами из других групп. Скорее всего, они особенно близки к действию кокаина и амфетаминов [8; 20]. Посвященных этому вопросу работ крайне мало, что можно объяснить достаточно недавним открытием этого вещества. Но с учетом результатов влияния этого вещества, количества отравлений, его сходства с сильнодействующими наркотиками

¹ Арзуманов Ю. Л., Наговицина И. Л. Генетические аспекты алкоголизма // Русский медицинский журнал. 1997. Т. 5. № 14. С. 899–904; Арзуманов Ю. Л., Шостакович Г. С. Межполушарная асимметрия вызванных потенциалов у больных хроническим алкоголизмом // Взаимоотношения полушарий мозга. Тбилиси: Мецниереба, 1982. С. 20–24; Арзуманов Ю. Л. Функциональное значение обратных временных связей в структуре условного рефлекса у человека: дис. ... д-ра мед. наук. М., 1985. 281 с.; Арзуманов Ю. Л. Психофизиологические основы алкоголизма и наркоманий. М.: Издатель Гайнуллин, 2001. 220 с.; Арзуманов Ю. Л., Абакумова А. А., Тверицкая И. Н., Овсянников М. В. Нарушение высших корковых функций у больных, употребляющих психоактивные вещества и их детей // Современные проблемы наркологии: сб. научных трудов ННЦ наркологии / под ред. Н. Н. Иванца. М.: ННЦН, 2005. С. 63–86.

возникает необходимость серьезного подхода к анализу его действия на человека.

Целью данного исследования стало выявление личностных особенностей у людей, употребляющих новый синтетический дизайнерский наркотик МДПВ («соль»), в сравнении с группой здоровых людей.

Методика и методы исследования

Исследование проводилось с участием пациентов отделения психотерапии и медицинской реабилитации Центра наркологии и наркологического реабилитационного центра «Рестарт», злоупотребляющими синтетическим психоактивным веществом «соль», в количестве 20 человек в возрасте 19–25 лет (экспериментальная группа) и здоровыми испытуемыми в количестве 20 человек того же возраста (контрольная группа). Всего протестировано 40 человек.

Использовалась психодиагностическая многофакторная методика «Мини-мульти», сокращенный вариант Миннесотского многофакторного личностного опросника ММРП. Опросник направлен на выявление в большей степени личностных особенностей, обусловленных сложными видами жизнедеятельности.

Во время исследования было сложно определить с профилями личности у пациентов, употребляющих наркотик «соль», потому что любое психоактивное вещество меняет личностные качества, свойства и, соответственно, личность в целом. Все лица, проходившие психодиагностическое исследование по методике «Мини-мульти», находились перед выпиской после прохождения программы краткосрочной реабилитации, включающей индивидуальные психологические консультации и участие в психотерапевтической групповой работе в течение месяца.

Выбор данной методики обусловлен тем, что она легкодоступна, неумолима для пациентов наркологического профиля, но в то же время дает информативные показатели для выстраивания временного профиля личности с последующей оценкой уровня интрапсихического конфликта как формы

фрустрации и вероятности рецидивного начала употребления. Данная методика была предложена сотрудниками Научно-исследовательского психоневрологического института им. В. М. Бехтерева [6].

Методика «Мини-мульти» содержит 71 вопрос и 11 оценочных шкал, две из которых являются показателями, измеряющими искренность и достоверность ответов. Восемь шкал относятся к категории базовых и дают оценку свойств личности по следующим показателям: ипохондрия (Hs), определяющая возможную принадлежность испытуемого к астено-невротическому типу личности; гипомания (MA), определяющая гипертимную направленность; истерия (Hg), выявляющая особенности личности со склонностью к невротическим реакциям, с возможной симптоматикой соматических заболеваний, с использованием различных манипуляций при разрешении сложных жизненных ситуаций. У них проявляются такие черты, как инфантилизм, амбициозность, эгоцентризм, лживость. Причем наличие зависимости дает такой личности возможность выделиться и, главное, быть не таким, как все. Чаще всего истероидные личности предпочитают стимуляторы, а МДПВ относится именно к таким психоактивным веществам [13].

Перед началом тестирования с пациентами клиники проводилась психологическая беседа, в ходе которой они узнавали о необходимости отвечать четко и правдиво. Только после того как психолог-исследователь был уверен в том, что инструкция правильно понята пациентом, начиналась процедура ответов на представленные в методике утверждения.

Испытуемые получили разъяснения по заполнению бланков с ответами, чтобы они имели практически стопроцентную достоверность. В случае, если испытуемый согласен с предложенным утверждением, он ставит в квадрате для ответа знак «плюс», если не согласен — соответственно знак «минус». После того как бланк для ответов заполнен, психолог-исследователь выстраивает на обратной стороне листа с утверждениями профиль личности испытуемого с учетом значений шкалы коррекции, прибавляя к представленным шкалам соответствующие значения данной шкалы.

После подсчета баллов и построения графика профиля личности определяются уровни повышения и понижения каждого показателя по следующим параметрам: «ипохондрия» (Hs), «депрессия» (D), «истерия» (Hy), «психопатия» (Pd), «паранойяльность» (Pa), «психастения» (Pt), «шизоидность» (Se) и «гипомания» (Ma). Для исследования отбирались те данные опроса, которые являются достоверными. Более того, отбирались ответы, в которых ни одна из шкал не превышала показатели от 40 Т до 70 Т-баллов (рис. 1).

акцентуации [15]. Таким образом, в данном исследовании была предпринята попытка проанализировать верхние границы нормативного коридора у зависимых и здоровых испытуемых (рис. 1).

Каждый пациент отвечал на вопросы самостоятельно, без помощи психолога-исследователя. Время, затраченное на заполнение опросника у пациентов, зависимых от МДВП («соль»), составило в среднем 45 минут, у здоровых этот показатель ограничился 25 минутами.

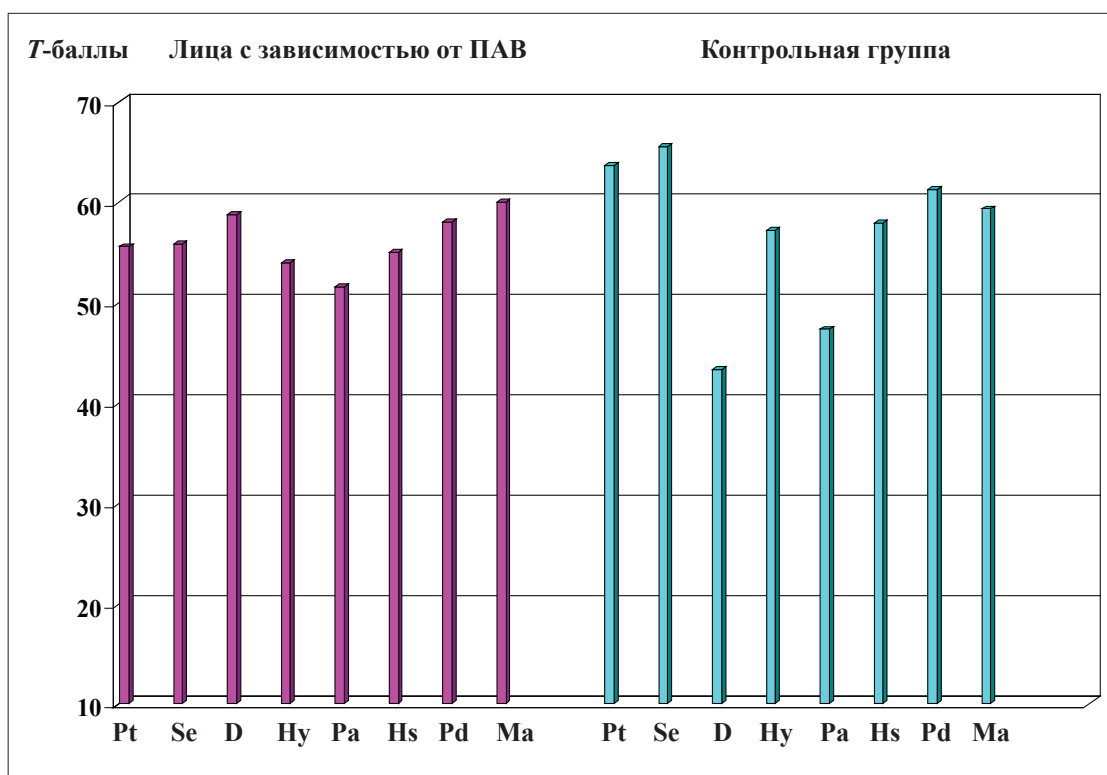

Рис. 1. Личностные характеристики у людей, злоупотребляющих синтетическим психоактивным веществом «соль», в сравнении с контрольной группой

Примечание к обозначениям шкал на графике:

Pt — «Психастения»;	Pa — «Паранойяльность»;
Se — «Шизоидность»;	Hs — «Ипохондрия»;
D — «Депрессия»;	Pd — «Психопатия»;
Hy — «Истерия»;	Ma — «Гипомания»;

По мнению Л. Н. Собчик, у больных с хроническим течением болезни картина психологического реагирования сглажена и может укладываться в показатели нормы. Однако «коридор нормы» вполне широк, а верхняя граница нормы сближает то, что обычно относится к характеристикам нормы с элементами

Результаты исследования обрабатывали с использованием пакета прикладных программ Statistic 10. Анализ количественных признаков и выбор критериев для их сравнения проводили после предварительной проверки соответствия распределения изучаемых признаков закону нормального

распределения по критерию Шапиро – Уилка (W). Поскольку все изученные признаки соответствовали закону нормального распределения, то для описания их распределения использовали параметры среднего значения (M) и среднеквадратического отклонения (S). При сравнении обследованных групп по этим признакам применение параметрических методов считается оправданным. Сравнение двух независимых групп по одному признаку производили по t -критерию Стьюдента для независимых выборок О. Ю. Ребровой [14].

Проведен также дисперсионный анализ повторных измерений у каждого испытуемого по результатам восьми исследуемых шкал с вычислением критерия F [7].

Результаты исследования и их обсуждение

Сравнение результатов исследования здоровых лиц и лиц, употребляющих новый дизайнерский синтетический наркотик МДПВ («соль»), по многофакторной психодиагностической методике «Мини-мульти» показало достоверные различия в личностной сфере по шкалам: «Депрессия» (D), «Психастения» (Pt), «Шизоидность» (Se) (рис. 2.).

Как видно на рисунке 2, у зависимых от психоактивного вещества «соль» показатели по шкале D «Депрессия» с высокой степенью достоверности выше, чем у здоровых лиц (соответственно 58,75 и 43,25; $t = 5,82$). Этот результат можно объяснить прежде всего свойствами стимулирующего психоактивного вещества, заставляющего человека пребывать в состоянии эйфории и удерживающего повышенный эмоциональный фон настроения, который прерывается в период лечения, когда у пациента снижается фон настроения, возникает безразличие, проявляются дистимии, приводящие к депрессивному состоянию.

Кроме того, повышение показателей по шкале депрессии у наркозависимых от наркотика «соль» может быть связано с нарастающим чувством страха, мыслями о смерти, низкой самооценкой, стигматизацией наркомании и формированием личности наркозависимого человека. У них может наблюдаться состояние паники, возникает тахикардия, одышка,

тревожность, вплоть до легкого онемения или покалывания пальцев рук и ног [12].

В данном исследовании речь идет о проявлении депрессивных тенденций, связанных с употреблением метилendioксипировалерона — наркотика «соль», а не о депрессии как основном заболевании. Увлечение психоактивными веществами чаще всего начинается именно потому, что человек пытается избавиться от подобных состояний, принимает наркотики, что, в свою очередь, может вызвать депрессивные эпизоды и усугубление панического состояния. Именно стимуляторы позволяют зависимому человеку освободиться от скованности и почувствовать уверенность в своих жизненных силах.

Особенность данного наркотика такова, что даже после непродолжительного прерывания его употребления зависимый человек чувствует себя одиноко, опустошенно. Замедляется ощущение времени, в периоды депрессивных состояний он может плакать навзрыд, может проявляться парасуицидальное поведение [4; 5].

Результаты по шкале D подтверждают, что состояние зависимых от наркотика «соль» может вызывать нарастающую тревогу, страх, отчаяние и усиливать депрессивное состояние. Таким образом, повышение баллов по шкале депрессии у лиц, зависимых от психоактивного вещества «соль», обоснованно.

Относительно здоровых лиц, не отягощенных приемом психоактивных веществ, то они могут пребывать в состоянии ситуативного реагирования на предъявляемые сигналы.

Анализ результатов по шкале Pt («Психастения») выявил следующее: полученные средние показатели у употребляющих наркотик с высокой степенью достоверности отличаются от показателей здоровых лиц. У последних — 63,65 баллов, у наркозависимых пациентов — 55,55 баллов ($t = 2,35$). Снижение цифр по данной шкале у зависимых лиц выявляет такие черты, как трусливость, подозрительность, недоверчивость, осторожность, лживость, безволие, манипулятивность, при этом может проявляться излишняя уверенность в своих действиях. Эти показатели могут свидетельствовать о том, что наркозависимые от психоактивного вещества «соль» обладают немотивированным

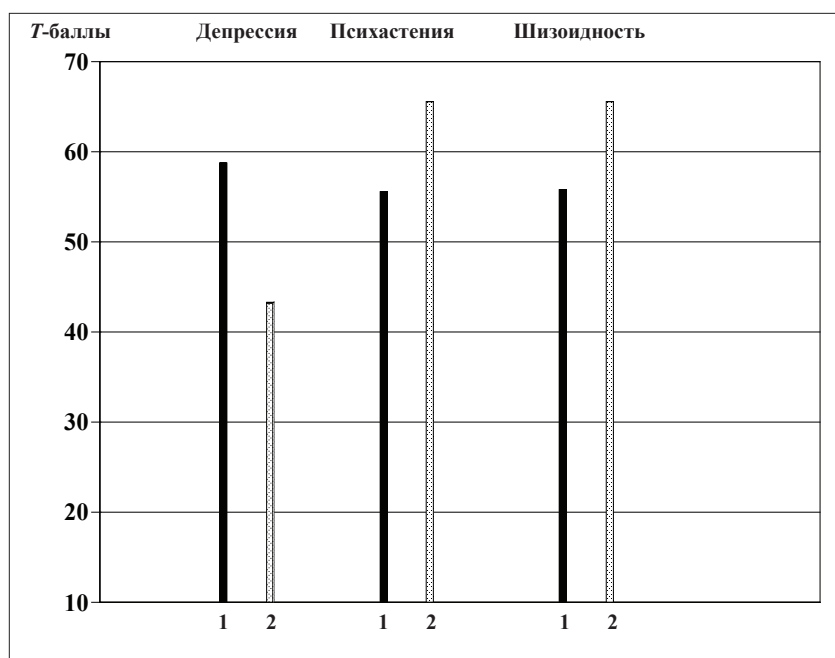

Рис. 2. Личностные характеристики по шкалам «Психастения», «Шизоидность» и «Депрессия» у лиц, злоупотребляющих синтетическим психоактивным веществом «соль» (1) и контрольной группы (2)

Примечание к графику:

- ** — $p < 0,01$ по сравнению с контрольной группой;
- *** — $p < 0,001$ по сравнению с контрольной группой.

поведением, а также высоким уровнем личностной тревоги.

Исследование наркозависимых людей проводилось на выходе после лечения и реабилитации, поэтому несвойственное понижение по шкале психастении у наркозависимых можно объяснить тем, что после проведенного курса тревожная симптоматика постоянно нивелируется, пациенты становятся более уверенными в себе и соответственно показатели психастении тоже становятся отличными от показателей по этой же шкале в период ранней стадии отказа от наркотика «соль». Данная шкала указывает на то, что в процессе лечения и реабилитации пациенты в пределах клиники находятся в безопасном для себя пространстве относительно наркотиков, что нередко приводит к астеническому состоянию в виде нарушения сна, ограничительного поведения, которое сопровождается немотивированными действиями и поступками и, главное, отсутствия у наркозависимых сомнения в выборе правильного сигнала, в продуманности действий, что нуждается в пристальном внимании врачей и клинических психологов. При опросе

это состояние может служить причиной понижения баллов по сравнению со здоровыми испытуемыми по данной шкале.

Повышение баллов по этой шкале у здоровых свидетельствует о тенденции к избеганию конфликтных ситуаций, обязательности и ответственности, приверженности общепринятым нормам и волнению за жизнь близких. Чаще всего у таких лиц формируется тенденция к формированию тревожно-мнительного типа личности; в данном исследовании это может объясняться тем, что здоровые испытуемые исследовались в период сессии, при сдаче экзаменов и тревожное состояние обусловлено началом экзаменационного периода.

Что касается результатов, полученных при исследовании по шкале Se («Шизоидность»), то здесь также с высокой степенью достоверности получена разница между группой наркозависимых пациентов и здоровыми лицами (соответственно, у здоровых — 65,55 баллов, у наркозависимых пациентов — 55,8; $t = 3,03$). У наркозависимых пациентов выявлены скудность мышления,

склонность к фантазиям, фразы становятся шаблонными, резонерскими. Необходимо отметить, что при употреблении этого наркотика быстро меняется направленность личности, меняются познавательные, эмоциональные и волевые процессы. Отмечается снижение потребностей, нарушение системы ценностных ориентаций, привязанностей. Кроме того, обнаруживается стандартный подход к событиям, преобладает примитивно-бытовое мышление, вплоть до социальной запущенности, при неплохо сохраняющихся адаптивных возможностях. Если активное отношение к жизни остается в целом неизменным, то могут реализовываться творческие ресурсы личности, но при продолжающемся приеме наркотика жизненная активность снижается и творческий потенциал падает, происходит уход в мир фантазий как результат формирования низкой продуктивности деятельности человека. Может наступить даже социальная дезадаптация, скованность в коммуникациях.

В исследовании выявлено, что у здоровых лиц повышение нормативных показателей по шкале Se свидетельствует о наличии интеллекта, творческого потенциала, креативности и сформированной ответственности за свою жизнь и ближайшее окружение. Оценка результатов по указанной шкале отражает степень приверженности к своей точке зрения, индивидуальному подходу в выборе поступков, высказываний и действий. Повышение показателей по этой шкале обнаруживает своеобразный и нестандартный подход к решению любых задач.

Довольно высокая степень достоверности получена при сравнении результатов исследования здоровых и наркозависимых испытуемых по шкале Hs («Ипохондрия»): средние показатели по баллам у них — 47,3 и 53,55 соответственно ($t = 2,06$). Повышение баллов у наркозависимых пациентов указывает на излишнюю чувствительность и озабоченность своим здоровьем, частую фиксацию на своем состоянии с возможными вегетативными реакциями. Вместе с тем у них формируется устойчивое стремление к отдыху и покою. На стрессовые ситуации они часто реагируют «уходом в болезнь», часто жалуются на свое болезненное состояние. Пациенты

с повышением профиля по шкале «Ипохондрия» принимают нормальные, обычные сигналы как патологические, при этом из-за употребления «соли» быстро эмоционально истощаются.

Участники исследования из контрольной группы показали достаточно ровное отношение к своему здоровью: они могут быть энергичными, активными и, в отличие от зависимых, не задумываются о его возможном ухудшении. Казалось бы, беспечное отношение к своему здоровью должны демонстрировать зависимые от наркотиков лица, так как они ежедневно наносят ему непоправимый, смертельный вред, но показатели шкалы «Ипохондрия» свидетельствуют об обратном. Этот факт требует серьезной оценки, и следует увеличить число испытуемых, а также проанализировать данные о личностных особенностях наркозависимых пациентов до начала лечения и реабилитационного процесса.

Заключение

Сравнение результатов исследования здоровых лиц и лиц, употребляющих новый дизайнерский синтетический наркотик МДПВ («соль»), по многофакторной психодиагностической методике «Мини-мульти» показало достоверные различия в личностной сфере, прежде всего по шкалам: «Депрессия» (D), «Психастения» (Pt), «Шизоидность» (Se).

Результаты по шкале D («Депрессия») демонстрируют более высокие показатели у зависимых от психоактивного вещества «соль» по сравнению со здоровыми лицами. Как было показано, депрессивный фон у зависимых испытуемых выше, что может быть связано с нарастающим чувством страха, мыслями о смерти, низкой самооценкой, стигматизацией наркомании и формированием личности наркозависимого человека.

Результаты по шкале Pt («Психастения») свидетельствуют об обратном: средние показатели у лиц, употребляющих наркотик, с высокой степенью достоверности ниже, чем у здоровых. Снижение цифр по данной шкале у зависимых лиц выявляет такие черты, как трусливость, подозрительность, недоверчивость, осторожность, лживость, безволие,

манипулятивность, при этом может проявляться излишняя уверенность в своих действиях.

Результаты по шкале Se («Шизоидность») выявили с высокой степенью достоверности разницу между группой наркозависимых пациентов и здоровыми лицами: у наркозависимых

показатели ниже по сравнению со здоровыми испытуемыми, что проявляется в скудности мышления, резонерстве, склонности к фантазии, нарушениях системы ценностных ориентаций.

Литература

1. **Анцыборов А. В., Мрыхин В. В.** Синтетические катиноны «соли для ванн»: механизм действия, токсикологические аспекты, клиника, формирование зависимости // *Интерактивная наука*. 2017. № 5 (15). С. 29–39. DOI: 10.21661/r-130075.
2. **Арзуманов Ю. Л., Лапин И. А., Мещеряков А. Ф., Бродянский В. М., Абакумова А. А., Винникова М. А., Кибитов А. О.** Электрофизиологические корреляты генетического риска развития алкогольной зависимости // *Вопросы наркологии*. 2016. № 2. С. 5–23.
3. **Арзуманов Ю. Л.** Нейрофизиологические механизмы нарушений когнитивной деятельности у лиц с наследственной отягощенностью болезнями зависимостей // *Вопросы наркологии*. 2017. № 4–5. С. 5–22.
4. **Асадуллин А. Р.** Клинический случай внутривенного употребления метилendioксипировалерона у пациента с синдромом зависимости от синтетических стимуляторов // *Неврологический вестник. Журнал имени В. М. Бехтерева*. 2016. Вып. 2. С. 61–67.
5. **Асадуллин А. Р., Ахметова Э. А., Асадуллина Г. М., Шарипов А. Р., Тимербулатова М. Ф.** Суициды и синтетические катиноны. Клинико-генетический анализ // *Тюменский медицинский журнал*. 2017. Т. 19. № 2. С. 12–14.
6. **Березин Ф. Б., Мирошников М. П., Рожанец Р. В.** Методика многостороннего исследования личности (в клинической медицине и психологии). М.: Медицина, 1976. С. 5–186.
7. **Гланц С.** Медико-биологическая статистика: пер. с англ. М.: Практика, 1999. 459 с.
8. **Головко А. И., Баринов В. А., Бонитенко Е. Ю.** и др. Токсикологическая характеристика дизайнерских наркотиков // *Российский биомедицинский журнал*. Medline.ru. 2015. Т. 16. № 4. С. 25–30.
9. **Дмитриева Г. Б., Дроздов А. З., Коган Б. М.** Периферические показатели метаболизма серотонина при психических расстройствах // *Российский психиатрический журнал*. 2000. № 4. С. 52–56.
10. **Дралюк Н. М.** Некоторые характеристики злоупотребления синтетическими катинонами // *Наркология*. 2018. Т. 17. № 1. С. 12–14.
11. **Коган Б. М., Дроздов А. З.** Катехоламиновые нейромедиаторные системы при психических расстройствах аддиктивного спектра // *Вопросы наркологии*. 2017. № 2–3. С. 139–154.
12. **Менделевич В. Д.** Психотические расстройства в результате употребления наркотиков: Современное состояние проблемы // *Наркология*. 2010. № 7. С. 91–101.
13. **Литвинова С. Ю., Яворский А. А.** К вопросу о психологических деформациях у наркозависимых // *Психология, социология и педагогика*. 2017. № 11. [Электронный ресурс]. URL: <http://psychology.spauka.ru/2017/11/8415>.
14. **Реброва О. Ю.** Статистический анализ медицинских данных. Применение пакета прикладных программ STATISTICA. М.: Сфера, 2002. 305 с.
15. **Собчик Л. Н.** Стандартизированный многофакторный метод исследования личности. СПб.: Речь, 2009. С. 55–61.
16. **Ткаченко А. А., Дроздов А. З., Перегожин Л. О., Ковалева И. А., Коган Б. М.** Содержание серотонина в плазме крови и тромбоцитах и показатели захвата серотонина тромбоцитами при нарушении половой идентичности у лиц с аномальным сексуальным поведением // *Российский психиатрический журнал*. 1997. № 3. С. 37–41.
17. **Чехонин В. П., Баклашев В. П., Коган Б. М., Савченко Е. А., Лебедев С. В., Маньковская И. В., Филатова Т. С., Юсупова И. У., Дмитриева Т. Б.** Катехоламины и их метаболиты в мозге и моче у крыс с экспериментальным паркинсонизмом // *Бюллетень экспериментальной биологии и медицины*. 2000. Т. 130. № 8. С. 223–227.
18. **Шарова Е., Злоказова М.** Феноменологические особенности психических расстройств от современных «дизайнерских» наркотиков // *Практическая медицина*. 2017. № 1 (102). С. 23–25.

19. **Шукин А. М.** К вопросу о противодействии распространению курительных смесей и солей в Тюменской области // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: материалы одиннадцатой международной научно-практической конференции. Барнаул: Изд-во МВД России, 2013. Ч. 1. С. 73–76.
20. **Юшкова О. В.** К вопросу о дифференциальной диагностике опьянения солями // Тюменский медицинский журнал. 2014. Т. 16. № 3. С. 35–37.
21. **Akhter A.** Relationship between substance use and self esteem // International Journal of Scientific & Engineering Research. 2013. Vol. 4. № 2. URL: https://www.ijser.org/ResearchPaperPublishing_February2013_Page5.aspx.
22. American Psychiatric Association. Diagnostic and statistical manual of mental disorders 5th ed. Arlington, VA: American Psychiatric Publishing, 2013. 970 p.
23. **Bazhenova N., Khabibulin D., Tumbasova E.** Comparative analysis of values-based orientations in drug-dependent personalities and in non-addicted to drugs // Perspectives of science and education. 2018. № 36. P. 140–146. DOI: 10.32744/pse.2018.6.15.
24. **Bhat S. A.** The emerging problem of substance abuse // International Journal of Advanced Research and Development. 2017. Vol. 2. № 4. P. 492–495.
25. **Brar R., Saluja A.** Self-esteem of substance abusers and non abusers belonging to public schools of Delhi // International Journal of Humanities and Social Science Invention. 2015. Vol. 4. № 3. P. 26–30.
26. **Coppola M., Mondola R.** Synthetic cathinones: Chemistry, pharmacology and toxicology of a new class of designer drugs of abuse marketed as «bath salts or plant food» // Toxicology Letters. 2012. Vol. 211. № 2. P. 144–149.
27. **Dunne E. M., Burrell L. I., Diggins A. D., Whitehead N. E., Latimer W. W.** Increased risk for substance use and health-related problems among homeless veterans // The American Journal on Addictions. 2015. № 24 (7). P. 676–680.
28. **Munno D., Saroldi M., Bechon E., Sterpone S. Ch. M.** Addictive behaviors and personality traits in adolescents // CNS Spectrums. 2016. Vol. 21. № 2. P. 207–213. DOI: <https://doi.org/10.1017/S1092852915000474>.
29. **Sivagnanam K., Chaudari D., Lopez P., Sutherland M. E., Ramu V. K.** «Bath salts» induced severe reversible cardiomyopathy // American Journal of Medical Case Reports. 2013. № 14. P. 288–291.
30. **Umebachi R., Aoki H., Sugita M., Taira T., Wakai S., Saito T., Inokuch S.** Clinical characteristics of a-pyrrolidinovalerophenone (a-PVP) poisoning // Journal of Clinical Toxicology. 2016. Vol. 54. № 7. P. 563–567.
31. **Vanderplasschen W., Vandeveld S., Broekaert E.** Therapeutic communities for treating addictions in Europe: evidence, current practices and future challenges // European Monitoring Centre for Drugs and Drug Addiction. 2014. URL: http://www.emcdda.europa.eu/attachements.cfm/att_226003_EN_TDXD14015ENN_final.pdf.

References

1. **Antsyborov A. V., Mrykhin V. V.** Synthetic cathinone «bath salts»: the mechanism of action, toxicological aspects, clinic, dependence development // Interactive science. 2017. № 5 (15). P. 29–39. DOI 10.21661/r-130075.
2. **Arzumanov Yu. L., Lapin I. A., Metscheryakov A. F., Brodyansky V. M., Abakumova A. A., Vinnikova M. A., Kibitov A. O.** Electrophysiological correlates of genetic risk of alcohol addiction development // Journal of Addiction problems. 2016. № 2. P. 5–23.
3. **Arzumanov Yu. L.** Neurophysiological mechanisms of impaired cognitive activity in patients with hereditary substance dependence loading // Journal of Addiction problems. 2017. № 4–5. P. 5–22.
4. **Asadullin A. R.** Clinical case intravenous use methylenedioxypropylvalerone (MDPV) patients with dependence syndrome synthetic stimulants // Neurological bulletin. Journal named after V. M. Bekhterev. 2016. Issue 2. P. 61–67.
5. **Asadullin A. R., Achmetova E. A., Asadullina G. M., Sharipov A. R., Timerbulatova M. F.** Suicides and synthetic cathinones. Clinical-genetic analysis // Tyumen Medical Journal. 2017. Т. 19. № 2. P. 12–14.
6. **Berezin F. B., Miroshnikov M. P., Rozhanets R. V.** Methodology of multilateral personality study (in clinical medicine and psychology). Moscow: Meditsina. 1976. P. 5–186.
7. **Glanz S.** Biomedical statistics: translated from English. M.: Praktika. 1999. 459 p.
8. **Golovko A. I., Barinov V. A., Bonitenko E. Yu.** and et al. Toxicological characterization of designer drugs // Medline.ru. Russian Biomedical Journal. 2015. Т. 16. № 4. P. 25–30.

9. **Dmitrieva G. B., Drozdov A. Z., Kogan B. M.** Peripheral indicators of serotonin metabolism in mental disorders // Russian journal of psychiatry. 2000. № 4. P. 52–56.
10. **Draljuk N. M.** Some characteristics of synthetic cathinone abuse // Narcology. 2018. Т. 17. № 1. P. 12–14.
11. **Kogan B. M., Drozdov A. Z.** Catecholamine neurotransmitter systems in mental disorders of addictive spectrum // Journal of Addiction Problems. 2017. № 2–3. P. 139–154.
12. **Mendelevich V. D.** Psychotic disorder due to drug abuse: current state of the problem // Narcology. 2010. № 7. P. 91–101.
13. **Litvinova S. Yu., Yavorsky A. A.** К вопросу о психологических деформациях у наркозависимых // Psychology, Sociology and Pedagogics. 2017. № 11. [Electronic resources]. URL: <http://psychology.snauka.ru/2017/11/8415>.
14. **Rebrova O. Yu.** Statistics for medical database. Packages of applied programs STATISTICA. Moscow: Sfera. 2002. 305 p.
15. **Sobchik L. N.** Standardized multi-factor method for personality study. St. Petersburg: Retch, 2009. P. 55–61.
16. **Tkachenko A. A., Drozdov A. Z., Peregozhin L. O., Kovaleva I. A., Kogan N. M.** Content of serotonin in blood plasma and platelets, catch of serotonin by platelets in abnormal sexual identity in subjects with anomalous sexual behavior // Russian Journal of psychiatry. 1997. № 3. P. 37–41.
17. **Chekhonin V. P., Baklaushev V. P., Kogan B. M., Savchenko E. A.** and et al. Catecholamines and their metabolites in brain and urine of rats with experimental parkinsonism // Bulletin of Experimental Biology and Medicine. 2000. Vol. 130. № 8. P. 223–227.
18. **Sharova E., Zlokazova M.** Phenomenological peculiarities of psychic disorders caused by modern «designer» drugs // NarCom.ru: Practical medicine. 2017. № 1 (102). С. 23–25.
19. **Shchukin A. M.** To the issue of prevention of proliferation of smoking spice mixtures and salts in Tyumen region // Actual problems of fighting against crimes and other offences: the proceedings of the international conference. Barnaul: Izd-vo MVD Rossii. 2013. Part 1. P. 73–76.
20. **Yushkova O. V.** To the issue of differential diagnostics of salt intoxication // Tyumen journal of medicine. 2014. Vol. 16. № 3. P. 35–37.
21. **Akhter A.** Relationship between substance use and self esteem // International Journal of Scientific & Engineering Research. 2013. Vol. 4. № 2. URL: https://www.ijser.org/ResearchPaperPublishing_February2013_Page5.aspx.
22. American Psychiatric Association. Diagnostic and statistical manual of mental disorders 5th ed. Arlington, VA: American Psychiatric Publishing, 2013. 970 p.
23. **Bazhenova N., Khabibulin D., Tumbasova E.** Comparative analysis of values-based orientations in drug-dependent personalities and in non-addicted to drugs // Perspectives of Science and Education. 2018. № 36. P. 140–146. DOI: 10.32744/pse.2018.6.15.
24. **Bhat S. A.** The emerging problem of substance abuse // International Journal of Advanced Research and Development. 2017. Vol. 2. № 4. P. 492–495.
25. **Brar R., Saluja A.** Self-esteem of substance abusers and non abusers belonging to public schools of Delhi // International Journal of Humanities and Social Science Invention. 2015. Vol. 4. № 3. P. 26–30.
26. **Coppola M., Mondola R.** Synthetic cathinones: Chemistry, pharmacology and toxicology of a new class of designer drugs of abuse marketed as «bath salts or plant food» // Toxicology Letters. 2012. Vol. 211. № 2. P. 144–149.
27. **Dunne E. M., Burrell L. I., Diggins A. D., Whitehead N. E., Latimer W. W.** Increased risk for substance use and health-related problems among homeless veterans // The American Journal on Addictions. 2015. № 24 (7). P. 676–680.
28. **Munno D., Saroldi M., Bechon E., Sterpone S. Ch. M.** Addictive behaviors and personality traits in adolescents // CNS Spectrums. 2016. V. 21. № 2. P. 207–213. DOI: <https://doi.org/10.1017/S1092852915000474>.
29. **Sivagnanam K., Chaudari D., Lopez P., Sutherland M. E., Ramu V. K.** «Bath salts» induced severe reversible cardiomyopathy // American Journal of Medical Case Reports. 2013. № 14. P. 288–291.
30. **Umebachi R., Aoki H., Sugita M., Taira T., Wakai S., Saito T., Inokuch S.** Clinical characteristics of a-pyrrolidinovalerophenone (a-PVP) poisoning // Journal of Clinical Toxicology. 2016. Vol. 54. № 7. P. 563–567.
31. **Vanderplasschen W., Vandeveld S., Broekaert E.** Therapeutic communities for treating addictions in Europe: evidence, current practices and future challenges // European Monitoring Centre for Drugs and Drug Addiction. 2014. URL: http://www.emcdda.europa.eu/attachements.cfm/att_226003_EN_TDXD14015ENN_final.pdf.

О ВОЗМОЖНОСТИ ФОРМАЛИЗАЦИИ РИСУНОЧНЫХ МЕТОДИК В СПЕЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

С. М. Валявко,
МГПУ, Москва,
ValyavkoSM@mgpu.ru

Современная психодиагностика, по мнению ряда зарубежных исследователей, переживает глубокий кризис. Подобный системный кризис отмечается и в России. Выделяют ряд причин этого явления, в том числе методологический тупик и спад экспериментальных психологических исследований. Реализация гуманитарной парадигмы в специальном обучении в России нередко происходила уступая требованиям непрофессионального сообщества, включая подмену нозологических диагнозов и профессиональной дефектологической лексики размытыми определениями, отказ от обследований специалистов, неприятия тестирования детей, критику тестов и т. п.

Однако в начале XXI века появился ряд методологических исследований американских ученых, в которых предлагаются конкретные шаги к валидации отдельных шкал и тестов.

С учетом большой научной значимости этого направления в статье предложен обзор и обсуждение наиболее важных методологических аспектов используемых в практике диагностических методик. Интуитивно-эмпирические попытки (по В. И. Лубовскому) стандартизации и интерпретации некоторых малоформализованных методик, особенно рисуночных, не дали желаемого результата. Это надолго явилось серьезным препятствием для научного прогресса в этой сфере. Несмотря на экологичность рисуночных тестов и простоту их использования, трудности и неоднозначность в интерпретации результатов существенно уменьшили все плюсы их применения. Отношение к ним как к недостаточно надежным диагностическим средствам стало общепринятым. При этом рисуночные тесты продолжали оставаться в арсенале отечественных и зарубежных исследователей. Каталог этих методов постепенно дополняется и детализируется.

Продолжение соответствующей работы над теоретико-методологической основой рисуночных тестов, и особенно над их стандартизацией, является актуальной задачей психодиагностики. Для психологии развития и специальной психологии ее решение имеет особенное значение, так как диагностика детей младшего возраста и лиц с ограниченными возможностями предъявляет специальные требования к психометрическим инструментам.

В статье также предлагается новый алгоритм формализации рисуночных методик, который основан на совершенствовании способа интерпретации посредством введения количественной процедуры оценки. Описывается работа по апробации предложенного алгоритма и обсуждаются ее результаты.

Ключевые слова: психодиагностика; методики психодиагностики; формализация диагностических испытаний; валидность; надежность; стандартизация и унификация; интерпретация; малоформализованные методы; проективные рисуночные тесты.

Для цитаты: Валявко С. М. О возможности формализации рисуночных методик в специальной психологии: проблемы и перспективы // Системная психология и социология. 2019. № 2 (30). С. 24–35. DOI: 10.25688/2223-6872.2019.30.2.03

Валявко Светлана Михайловна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры клинической и специальной психологии Института психологии, социологии и социальных отношений Московского городского педагогического университета, Москва.

E-mail: ValyavkoSM@mgpu.ru

THE POSSIBILITY OF FORMALIZATION OF DRAWING TECHNIQUES IN SPECIAL PSYCHOLOGY: PROBLEMS AND PROSPECTS

S. M. Valyavko,
MCU, Moscow,
ValyavkoSM@mgpu.ru

Modern psychodiagnostics, according to a number of foreign representatives of this branch of psychology, is experiencing a deep crisis. A similar systemic crisis is observed in Russia. Modern scientists identify a number of causes of this phenomenon, including the methodological impasse, and the decline of experimental psychological research. The implementation of the humanitarian paradigm in special education in Russia often occurred, yielding to the requirements of the non-professional community, including the substitution of nosological diagnoses and professional defectological vocabulary blurred definitions, rejection of specialist surveys, rejection of testing of children, test critics, etc.

However, at the beginning of the XXI century there was a number of methodological studies of American scientists — methodologists, which proposed specific steps to the validation of individual scales and tests.

Given the great scientific importance of this area, the article offers a review and discussion of the most important methodological aspects of diagnostic techniques used in practice. «Intuitively-empirical attempts» (according to V. I. Lubovsky) of standardization and interpretation of some little-formalized techniques, especially pictorial, did not give the desired result. This has long been a serious obstacle to scientific progress in this area. Despite the environmental friendliness of the drawing tests and their ease of use, the difficulties and ambiguity in the interpretation of the results significantly reduced all the advantages of their application. The attitude to them as to insufficiently reliable diagnostic tools has become common. At the same time, drawing tests continued to remain in the Arsenal of domestic and foreign researchers. The catalog of these methods is gradually supplemented and detailed.

Continuation of the relevant work on the theoretical and methodological basis of drawing tests and especially on their standardization is an urgent task of psychodiagnostics. For the psychology of development and special psychology its solution is of particular importance, as the diagnosis of young children and persons with disabilities has special requirements for psychometric instruments.

The article also proposes a new algorithm of formalization of drawing techniques, which is based on improving the method of interpretation through the introduction of quantitative evaluation procedures. The work on approbation of the proposed algorithm is described and its results are discussed.

Keywords: psycho-diagnostics; psychodiagnostics technique; the process of developing procedures formalization of diagnostic tests; validity; reliability; standardization and unification; interpretation; non-effective methods; projective drawing tests.

For citation: Valyavko S. M. The Possibility of Formalization of Drawing Techniques in Special Psychology: Problems and Prospects // Systems Psychology and Sociology. 2019. № 2 (30). P. 24–35. DOI: 10.25688/2223-6872.2019.30.2.03

Valyavko Svetlana Mikhailovna, PhD in Psychology, Docent, Docent at the Department of Clinical and Special Psychology at the Institute of Psychology, Sociology and Social Relations of the Moscow City University, Moscow, Russia.

E-mail: ValyavkoSM@mgpu.ru

Введение

Психодиагностика в течение последнего полувека, по мнению отечественных и зарубежных представителей этой отрасли психологии, переживает глубокий системный кризис. Современные психологи указывают на некоторые причины этого явления, например методологический тупик и спад экспериментальных исследований.

Однако в начале XXI века появился ряд работ американских методологов, предложивших конкретные шаги к валидации отдельных шкал и тестов. Это вызвало определенный резонанс в отечественной психодиагностике, в том числе и специальной. Помимо обсуждения проблемы методологии используемых в практике специального обучения диагностических методик целью статьи является рассмотрение нового подхода

к диагностическим методикам, традиционно относящимся к малоформализованным, а также предложение нового алгоритма их формализации на примере рисуночных тестов.

Определение методологического основания формализации методик

В течение последнего полувека традиционная психодиагностика переживала глубокий кризис, что, к примеру, отражено в книге К. Паулика «Диагноз диагностики»¹. По мнению некоторых российских психологов, отечественная психодиагностика также переживает системный кризис. Так, Н. А. Батурич приводит в своей статье шесть его причин: почти полное отсутствие профессиональных разработчиков психодиагностических методик, малое число полноценных отечественных психодиагностических методик, низкая психодиагностическая и психометрическая культура пользователей тестов, проблема качества отечественных учебников по современной психодиагностике, недостаточное взаимопонимание и открытость во взаимодействии отечественной психодиагностики и зарубежной психологии [2].

Следует отметить также имеющийся дефицит серьезной зарубежной теоретической литературы по психодиагностике не только в СССР, но и России. Начиная с 2010 года появились хорошие переводные издания по психометрии и теории тестов, а также труды отечественных специалистов [9; 14 и др.]. Ведущие методологи указывали на недостаточность надежного диагностического инструментария в отдельных областях², что, по их мнению, связано и с определенными методологическими проблемами современной психодиагностики.

¹ Pawlik K. Diagnose der Diagnostik. Stuttgart: Klett. 1976. 176 p.

² Лубовский В. И. Методологические вопросы диагностики нарушений психического развития // Актуальные проблемы психодиагностики лиц с ограниченными возможностями здоровья: межвузовский сб. научных статей / под науч. ред. Е. С. Романовой, С. М. Валявко. М.: Спутник; МГПУ, 2011. С. 4–7.

Д. А. Леонтьев отмечает, что основная линия психологии личности XX века во многом зашла в методологический тупик [11]. Представляется, что этот факт также может рассматриваться в качестве причины кризисного состояния психодиагностики, так как теоретико-методологические основы диагностического инструментария неразрывно связаны с состоянием принципиальных теоретических обобщений. Подобная ситуация стала возможной в том числе и потому, что в последние десятилетия отмечается спад экспериментальных исследований в России.

Кроме того, перекося в сторону идеографического подхода, усиливающийся в последнее время, оказывает отрицательное влияние на состояние современной отечественной психодиагностической науки. Противопоставление номотетических и идеографических подходов — характерная черта зарубежной психологии. Особенно сильно это выражено в психодиагностике, которая призвана выявить индивидуальные различия людей [13]. Дискуссия о первичности этих подходов продолжается уже много лет (с момента введения соответствующих понятий В. Вильдебрантом). В современной персонологии эти направления не исключают, а дополняют друг друга. Применительно к психодиагностике можно сказать, что существует не альтернатива «только общее или только единичное», а диапазон психодиагностических задач. Полноценная психодиагностика предполагает квалификацию и общего, и особенного, и единичного в личности человека.

Гуманитарная парадигма, цель которой признание личности другого человека во всей его целостности, часто реализуется в огульной, малосодержательной и ненаучной форме, которая поддерживается лозунгами родительской и демократической общественности. Последние требуют отказаться от нозологических диагнозов и профессиональной лексики в нормативных и других документах, обучения детей с ОВЗ в специальных учреждениях под предлогом их стигматизации и пр. На практике это превратилось в игнорирование прав как лиц с особыми потребностями («инклюзия = иллюзия»), так и прав большинства населения, которое мало

защищено в общественных местах от лиц с психическими заболеваниями и делинквентным поведением. При современном интегрированном обучении дети с нормативным развитием зачастую лишаются внимания учителей, т. е. права на образование. Постулируемый «понимающей психологией» идеографический подход, набирающий популярность в последнее время в России, в случае его вульгаризации или недостаточного понимания способствует игнорированию, на наш взгляд, современного понимания психодиагностических задач. К чему это может привести?

Во-первых, к фактическому диктату отказать от традиционной научной психодиагностики, базирующейся на выделении нормативов развития. Это может привести к дискредитации таких специальных понятий психодиагностической науки, как «статистическая норма», «функциональная норма», «идеальная норма», «психологический диагноз», сведя все к «индивидуальным особенностям».

Отметим, что идеографический подход основывается на феноменологии³. В специальной психологии и клинической психологии это может относиться только к редко встречающимся и малочисленным случаям, например микроцефалия (1 : 8000 случаев рождения), прогерия (1 : 8 000 000 случаев).

Во-вторых, в области нарушений развития грубый идеографически ориентированный подход закладывает мину под само существование специальной и клинической психологии, которые рассматривают по меньшей мере дихотомию (норма – ненорма; здоровье – болезнь) и имеют для обозначения механизма и разнообразных типов нарушенного развития особый категориальный аппарат («дизонтогенез», «недоразвитие», «патология», «дефект» и мн. др.). Вышеупомянутым наукам присуща направленность на тонкую дифференциацию нарушений развития, т. е. на возвращенную систему квалификации дефектов

и, соответственно, дифференциальную диагностику. В то же время специалисты не отказываются от номотетической диагностики, ориентированной на выявление закономерностей и универсальных механизмов психического развития, наоборот, в последние годы получила окончательное оформление классификация общих и специфических закономерностей нарушенного развития⁴ [19]. Позиция автора также базируется на системном подходе к психодиагностике нарушений развития.

Читатели могут упрекнуть автора статьи в определенной фобии или крайнем пессимизме. Однако исследователи, к сожалению, не раз были очевидцами произвольного и неоправданного введения некоторых терминов. Так, например, специальная психология от слова *specialis*, т. е. «особый» (пер. с лат.), неожиданно и без всяких оснований вдруг стала коррекционной, вызывая удивление наших зарубежных коллег (*correctional institutions* — исправительные учреждения в англоязычных странах).

Нельзя однозначно утверждать, что за последнее время существенно изменились основные методологические принципы психодиагностики, несмотря на некоторый прогресс в измерительных методиках.

Любой исследовательский метод имеет оценочную направленность, которая позволяет производить количественную и качественную квалификацию изучаемого явления. При разработке конкретной диагностической методики это реализуется, прежде всего, благодаря созданию методологической основы теста, которая определяет выбор содержания и формы представления стимульного материала, а также организации стандартизированной процедуры тестирования, применения адекватного способа оценки, квалиметрии и целевой интерпретации [1; 8; 9; 12].

Традиционная психодиагностика, как правило, производит квалификацию среза индивидуальных качеств без учета возможных

³ Феномен (от *греч.* φαινόμενον — являющееся, явление): «...каждый человек и каждая вещь имеет свойственную им природу, суть, которая раскрывается сама по себе в соответствии с своими собственными естественными закономерностями...» [7: с. 350].

⁴ Лубовский В. И., Коробейников И. А., Валяко С. М. Новая концепция психологической диагностики нарушений развития // Психологическая наука и образование. 2016. Т. 21. № 4. С. 50–60.

изменений от них. Подобные представления ограничивают возможность делать практические выводы и не всегда гарантируют объективность диагностики, особенно в области нарушений развития, так как исключают оценку обучаемости (зона ближайшего развития) как важного показателя дифференциальной диагностики. Так, наиболее распространенный у нас тест Д. Векслера, несмотря на все предпринятые усилия, позволяет чрезмерно широко диагностировать умственную отсталость⁵ [10; 17].

В области всех видов обучения, включая специальное и инклюзивное, психологическая диагностика приобретает особое значение. Собственно говоря, сама потребность в психодиагностике как процедуре и диагностических инструментах возникла в связи с обучением и отбором умственно отсталых детей⁶. Первые отборочные тесты служили для выделения детей, чьи показатели развития были ниже нормы, т. е. по своей диагностической функции были фильтром, давали скрининг-диагностику. Дифференциации другого рода нарушений не требовалось, так как не было соответствующих учреждений. Отметим, что подбор заданий в первых тестах носил эмпирический характер (это и отсутствие теоретической основы критиковал еще Г. Я. Трошин), они дают материал только для количественной оценки. В настоящий момент обоснована необходимость использования обучающего эксперимента как важного компонента диагностики умственного развития. Он позволяет получить сведения о динамике обучаемости, т. е. о возможных изменениях благодаря созданной ситуации обучения⁷.

⁵ Шаумаров Г. Б. Дифференциальная психологическая диагностика задержки психического развития на основе анализа стандартизированной методики: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1980. 23 с.

⁶ Лубовский В. И. Методологические вопросы диагностики нарушений психического развития. ...

⁷ Коробейников И. А. Назад к Векслеру или вперед к Выготскому? // Дефектология. 2012. № 2. С. 12–14; Лубовский В. И. Почему необходим новый подход к дифференциальной психодиагностике? // Специальная психология. 2009. № 3 (21). С. 18–29; Мадди С. Теории личности: сравнительный анализ / пер. с англ. И. Авидон, А. Батустини,

Диагностическая методика как система обследования предполагает наличие максимально возможной укомплектованности. Должны быть методические материалы или руководство по применению, включающие описание методологической основы; четко определены теоретические подходы к разработке теста; приведена история создания данного инструмента, его версий и модификаций; дана общая характеристика (диагностическая цель, условия и диапазон применения, четкая адресация по возрасту и психическому статусу, формы работы — индивидуальная или групповая; психометрические характеристики и пр.). Кроме того, должно быть подробное описание содержания теста, описание диагностической процедуры, текст инструкции, стимульный материал, правила применения, виды обработки тестовых данных, общие показатели выполнения задания для отдельных возрастов или групп испытуемых, например, при нормальном психическом развитии и при умственной отсталости или задержке психического развития. Приведем в качестве примера наиболее укомплектованную методику «Цветные прогрессивные матрицы Дж. Равена», изданной фирмой «Когито-центр» в 2002 году.

Необходимо, кроме перечисленных выше признаков достойного диагностического инструментария, упомянуть способ интерпретации результатов полученных данных. Методика должна иметь четкую стандартизованную и объективную процедуру оценки. Следует подчеркнуть важность наличия интервальной шкалы для обработки результатов. Эта шкала проще, а значит, удобнее для пользователя методики и позволяет получить психометрические данные (надежность, валидность и т. д.).

И. А. Коробейников предложил в дополнение к полученным интервальным тестовым оценкам использовать и «количественно учитывать так называемые надтестовые показатели, или внеинтеллектуальные факторы, которые, будучи связанными с аффективно-личностными, функциональными характеристиками

П. Румянцева. СПб.: Речь, 2002. 539 с.; Митина О. В. Разработка и адаптация психологических опросников. М.: Смысл, 2011. 240 с.

психической деятельности, существенно влияют на ее продуктивность»⁸. Таким образом, можем констатировать, что идет процесс эволюции психологических тестов как специфического вида психологического инструментария, представляющего собой особым образом структурированный текст, имеющий поликодовый формат.

В целом психодиагностические методы можно разделить на две группы по степени формализации: строго формализованные (формализованные) и малоформализованные [8]. К строго формализованным методикам относятся тесты, опросники, психофизиологические методики. Однако К. М. Гуревич, например, относит к данной группе и проективные методики [8]. Эта группа методов характеризуется четкой классификацией диагностического инструмента, детальной регламентацией, стандартизацией, объективизацией процедуры обследования, высокими показателями надежности и валидности [20].

К малоформализованным методикам можно отнести беседу, наблюдение, контент-анализ, биографический метод, которые позволяют получить важные данные об индивидуальных особенностях личности человека, особенно когда предметом изучения выступают такие психические феномены, которые мало поддаются объективизации и формализации ввиду крайней изменчивости их содержания (например, субъективные переживания, личностные смыслы человека и т. д.).

О трудности изучения этих психических феноменов писали психолог В. П. Зинченко и философ М. К. Мамардашвили⁹. Малоформализованные методики достаточно трудоемки. Например, исследование каких-либо индивидуальных качеств и свойств личности человека с помощью метода наблюдения может проводиться в течение нескольких месяцев, что требует большого мастерства и опыта специалиста, проводящего психодиагностику.

В отличие от формализованных методик малоформализованные дают менее объективные данные в силу того, что интерпретатор вносит свои изменения (интерпретация может быть крайне субъективной, что изменяет оценку психической реальности).

Однако существует часть проективных методик, которые никак не могут считаться (во всяком случае, на данный момент) формализованными, так как в них отсутствует стандартизованная процедура интерпретации и, соответственно, представлены лишь вариабельные данные о надежности и валидности [6]. Это относится к тесту чернильных пятен Роршаха, ТАТ и почти ко всем рисуночным методикам [15]. Тем не менее эти тесты широко используются в зарубежной психологической практике для отбора персонала [27], диагностике нарушений развития [26], тестировании разных групп населения [20] и языковых меньшинств [21].

Формализация рисуночных методик и обсуждение результатов

Когда мы характеризуем малоформализованные методики, то одним из самых уязвимых моментов является интерпретация результатов, полученных с их помощью. К сожалению, практики часто отходят от заложенной в методике процедуры интерпретации, произвольно модифицируя ее без последующей стандартизации. Подобные вещи чаще всего проявляются в проективных тестах, где наибольшее значение имеет личный опыт интерпретатора. Особенно часто встречается убежденность в том, что некоторые личностные характеристики тесно связаны с одним-двумя признаками, выполнением определенной деятельности и вербализацией ее испытуемыми. К примеру, существует суждение о том, что нарисованные глаза большого размера свидетельствуют о паранойе, несмотря на отсутствие объективных свидетельств валидности этого утверждения. Это явление получило название «иллюзорная валидность». Оно настолько укоренилось в практике, что многие, особенно начинающие, психологи, в силу простоты такой интерпретации, стараются «творчески»

⁸ Коробейников И. А. Нарушения развития и социальная адаптация. М.: ПерСэ, 2002. С. 56.

⁹ Зинченко В. П., Мамардашвили М. К. Проблема объективного метода в психологии // Вопросы философии. 1977. № 7. С. 109–125.

использовать ее всегда и везде. Еще одна трудность в использовании малоформализованных критериев заключается в том, что часто одни и те же признаки (рисунка, данных полученных через наблюдение) исследователи определяют по-разному у разных испытуемых, в зависимости от ситуационных предпочтений интерпретатора.

В том, что предлагается формализовать рисуночные методики (т. е. повысить их эффективность [22]), которые направлены в первую очередь на изучение личности детей (в том числе с нарушенным развитием), нет никакого парадокса и противоречия с традициями психодиагностической науки по следующим причинам:

1) предлагаемый подход не относится к методикам, направленным на изучение познавательной деятельности;

2) диагностическая процедура по применению рисуночных методик не предполагает элементов обучения, и, собственно говоря, необходимости в нем нет;

3) возможность создания отдельных нормативов выполнения методик для различных функциональных групп (например, по нозологии или внутри сходных диагнозов) позволит проводить дифференциальную диагностику личностного развития;

4) для исследования личностных качеств обучающий эксперимент не используется, а динамика личностного развития изучается посредством экспериментальных срезов или наблюдения.

Для того чтобы унифицировать¹⁰ и стандартизировать¹¹ методику из малоформализованного спектра, необходимо вычлениить качественные характеристики, которые она способна

¹⁰ Унификация — регламентация, приведение к единым нормативам процедуры и оценок теста [4, с. 114].

¹¹ Стандартизация — в психодиагностике различаются две формы стандартизации: 1) стандартизация и единообразие инструкций, процедуры обследования, материалов, способов регистрации и прочего при применении некоего теста; 2) стандартизация данных, полученных посредством конкретной методики, соотношение их со специально разработанной и обоснованной шкалой оценок (Головин С. Ю. Словарь практического психолога. Минск: Харвест, 1997. С. 104).

измерять, и задать им унифицированную, стандартизованную количественную метрику. Далее надо апробировать получившийся вариант и в случае успеха (принятие инструкции, начальная экспертная валидность и т. д. на небольшой выборке) начинать стандартизацию полученной диагностической модели на большой выборке. В случае низкой валидности необходимо внести коррективы и апробировать уже скорректированную модель.

Модели создания и формализации тестов уже предлагались ранее [18; 22]. Так, Н. А. Батурица и Н. Н. Мельникова в 2009–2010 годах, опираясь на ранние работы С. М. Доувинга¹² и Т. М. Галадины [22; 23], предложили технологию разработки новых тестов [3]. Автор статьи в 2004–2005 годах, используя модель конструирования К. Р. Червинской (2003), формализовала авторский тест для оценки мотивации дошкольников¹³ [5].

Иной подход связан с реализацией основных принципов системной психологии при конструировании батарей современных тестов для изучения когнитивного развития, мотивационного ядра личности [16; 21; 23].

В данной статье предлагается новый алгоритм формализации уже существующих психодиагностических методик на примере рисуночных тестов. Алгоритм основан на совершенствовании способа интерпретации, посредством введения количественной процедуры оценки. Формализация качественных измерений осуществляется путем перевода в количественные.

Общий алгоритм формализации рисуночных психодиагностических методик приведен в таблице 1.

Была проведена работа, апробирующая алгоритм, представленный выше. Пилотажное исследование некоторых рисуночных методик: «Рисунок человека» (А. Л. Венгер);

¹² Dowing S. M., Haladyna T. M. Test item development: validity evidence from quality assurance procedures // Applied Measurement in Education. 1997. № 15. P. 5–12.

¹³ Валяво С. М. Из опыта создания методики оценки мотивации дошкольников к исправлению недостатков речи // Дефектология. 2005. № 6. С. 54–63.

**Алгоритм формализации психодиагностических методик
на примере рисуночных тестов**

Этап	Содержание работы
Этап 1. Анализ результатов теоретического поиска по проблеме	1. Инвентаризация имеющихся методик: <ul style="list-style-type: none"> • актуальность методики (прогноз); • рассмотрение исходного теоретического концепта; • уточнение и анализ характеристик методики, заложенных автором (адресность, возрастные диапазоны); • сбор сведений по существующим источникам надежности и валидности данной методики. 2. Поиск и разбор уже предложенных (если они есть) способов повышения психометрических характеристик методики
Этап 2. Апробация существующих диагностических моделей	Апробация имеющихся диагностических моделей и / или интерпретаций авторского варианта методики: <ul style="list-style-type: none"> • сравнительный анализ авторских и / или поставторских диагностических моделей; • сравнительный анализ авторских и / или поставторских интерпретаций
Этап 3. Коррекция содержания методики и проверка рабочей версии теста	Модификация и/или адаптация имеющегося содержания теста: <ul style="list-style-type: none"> • инструкции; • стимульного материала; • процедуры проведения. Пилотажное испытание модифицированного или адаптированного варианта (рабочей версии) теста
Этап 4. Формализация новой интерпретационной модели	Анализ и вычленение основных параметров, изучаемых методикой и создание балльной интерпретационной модели (в интервальной шкале): <ul style="list-style-type: none"> • поиск, анализ и выявление качественных параметров, изучаемых методикой; • модификация имеющихся интерпретаций или создание нового способа с введением балльной системы оценок в интервальной шкале (создание количественной оценки)
Этап 5. Стандартизация и унификация новой диагностической модели	Стандартизация и проверка полученной диагностической модели: <ul style="list-style-type: none"> • формирование выборки стандартизации с помощью стратифицированных групп; • проверка на соответствие требованиям эффективного теста (по П. Клайну). • объективизация методики
Этап 6. Заключительная работа (редакция)	<ul style="list-style-type: none"> • утверждение варианта методики после формализации; • рецензирование; • издание материалов методики; • получение патента (патентование)

«Несуществующее животное» (М. З. Дукаревич); «Рисунок семьи» (К. Тейлор); рисуночный тест Вартегга; «Кактус» (М. А. Панфилова); «Звезды и волны» (У. Аве-Лаллемант) — обнаружило, что получаемые данные личностных характеристик (в стандартной авторской интерпретации) не соответствуют требованиям к эффективному тесту и нуждаются в модификации и адаптации с учетом современных реалий и положений (см. этап 1, табл. 1).

Вначале нами были проверены авторские и поставторские интерпретации методик как наиболее уязвимая составляющая проективных рисуночных тестов. В результате сравнения многих итоговых значений схем интерпретации (см. этап 2, табл. 1) с данными объективных методик и результатов, полученных с помощью метода наблюдения, мы не обнаружили (в 5 из 6 случаев, кроме методики «Рисунок человека» А. Л. Венгера) даже тенденции к валидности получаемых данных на достаточной выборке детей старшего дошкольного возраста ($n = 600$). В то же время стоит заметить, что в большинстве случаев имеющиеся интерпретации были представлены не должным образом: авторы часто относят один признак к разным изучаемым явлениям (пример: малый размер рисунка может свидетельствовать и о застенчивости, и о тревожности, и о негативизме), что затрудняет количественную обработку методик в интервальной шкале. Это подробно описано ранее [6].

В качестве следующего шага мы апробировали два варианта создания интерпретации (см. этапы 3–4, табл. 1), во-первых, используя имеющиеся интерпретации и коэффициент α -Кронбаха¹⁴; во-вторых, создавая свою схему интерпретации при помощи метода

контрастных групп¹⁵. Оба этих варианта показали валидность в разбросе от 0,5 до 0,7 по всем изучаемым характеристикам. По Кронбаху, это вполне удовлетворительный результат¹⁶. Также была проверена надежность методик как в краткосрочном периоде (для исключения изменчивости результатов), так и через стандартные шесть месяцев и год. При этом получили как минимум достаточный коэффициент надежности 0,7¹⁷. Значение коэффициента считается приемлемым [20]. Итоговые кумулятивные значения (см. этап 5, табл. 1) представлены в таблице 2.

Заключение

Полученные результаты проведенной апробации предлагаемого алгоритма формализации показывают достаточную (по терминологии Кронбаха) перекрестную валидность рисуночных методик как в краткосрочном периоде, так и при отсроченном ретестировании по всем изучаемым характеристикам, что свидетельствует о надежности проведенной проверки.

На основе результатов проведенного исследования можно утверждать, что предложенный поэтапный алгоритм формализации рисуночных тестов обеспечивает достаточный коэффициент надежности и валидности

¹⁵ Под методом контрастных групп понимается процесс выделения групп по определенной характеристике (например, тревожности или агрессивности) и вычленение в них, в нашем случае — в рисунках определенного паттерна, закономерности, характерной именно для этой изучаемой группы. В процессе используется факторный анализ для комбинирования признаков по личностным характеристикам и α -Кронбаха для их гомогенизации.

¹⁶ Величина валидности определяется по следующим оценкам:

- 0,60 и выше — высокая;
- 0,30–0,50 — средняя;
- 0,20–0,30 — низкая.

¹⁷ Величина надежности определяется по следующим оценкам (см. работы Л. Д. Кронбаха):

- 0,90–0,99 — отличная;
- 0,80–0,89 — хорошая;
- 0,70–0,79 — достаточная;
- менее 0,70 — неудовлетворительная.

¹⁴ В пакете статистических прикладных программ IBM SPSS Statistics существует модуль проверки внутренней согласованности методик, с помощью которого можно увидеть внутреннюю согласованность методики при исключении пункта. То есть в нашем случае мы повышали внутреннюю согласованность интерпретации личностных характеристик путем исключения из схемы ненадежных критериев.

Сравнение кумулятивных психометрических показателей рисуночных методик до и после модификации

Методики	Общий коэффициент надежности ¹			Общий коэффициент валидности ²		
	Авторский вариант методики	Модификация при помощи α -Кронбаха (1)	Создание новых схем интерпретации (2)	Авторский вариант методики	Модификация при помощи α -Кронбаха (1)	Создание новых схем интерпретации (2)
«Рисунок человека»	0,613	0,706	0,832	0,434	0,743	0,801
«Несуществующее животное»	0,443	0,954	0,743	0,223	0,618	0,595
«Рисунок семьи»	0,323	0,734	0,732	0,143	0,531	0,612
Рисуночный тест Вартегга	0,334	0,923	0,954	0,145	0,834	0,883
«Кактус»	0,565	0,774	0,724	0,123	0,634	0,683
«Звезды и волны»	0,275	0,839	0,838	0,165	0,598	0,652

и может быть использован для формализации методик других классов. Таким образом, открывается возможность формализации методик, которые раньше считались малоформализованными.

Литература

1. Анастаси А., Урбина С. Психологическое тестирование. СПб.: Питер, 2001. 688 с.
2. Батури Н. А. Современная психодиагностика России: преодоление кризиса и решение новых проблем // Вестник ЮУрГУ. Серия: Психология. 2010. № 40 (216). С. 4–12.
3. Батури Н. А., Мельникова Н. Н. Технология разработки тестов. Ч. 1 // Вестник ЮУрГУ. Серия: Психология. 2009. № 30 (163). С. 4–14.
4. Бурлачук Л. Ф. Психодиагностика. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Питер. 2010. 378 с.
5. Валявко С. М. Эмпирический опыт конструирования и формализации психодиагностических методик на примере теста общей и специальной мотивации // Системная психология и социология. 2014. № 3 (11). С. 28–40.
6. Валявко С. М., Князев К. Е. Возможности использования проективных методик для диагностики личностного развития дошкольников с общим недоразвитием речи // Экспериментальная психология. 2014. Т. 7. № 4. С. 110–122.
7. Вольфрам Э.-М. Феноменологическое исследование психотерапии: метод получения знания из опыта // Психотерапия: новая наука о человеке. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 1999. С. 359–378.
8. Гуревич К. М. Психологическая диагностика / под ред. К. М. Гуревича и Е. М. Борисовой. М.: Изд-во УРАО, 1997. 304 с.
9. Забродин Ю. М., Пахальян В. Э. Психодиагностика / под общ. ред. Ю. М. Забродина. М.: Эксмо, 2010. 448 с.
10. Коробейников И. А. Назад к Векслеру или вперед к Выготскому? // Дефектология. 2012. № 2. С. 12–14.
11. Леонтьев Д. А. Новые ориентиры понимания личности в психологии: от необходимого к возможному // Вопросы психологии. 2011. № 1. С. 3–27.
12. Лубовский В. И. Почему необходим новый подход к дифференциальной психодиагностике? // Специальная психология. 2009. № 3 (21). С. 18–29.
13. Мадди С. Теории личности: сравнительный анализ / пер. с англ. И. Авидон, А. Батустини, П. Румянцева. СПб.: Речь, 2002. 539 с.
14. Митина О. В. Разработка и адаптация психологических опросников. М.: Смысл, 2011. 240 с.
15. Романова Е. С. Психология профессионального становления личности: дис. ... д-ра психол. наук. М., 1992. 386 с.

16. **Рыжов Б. Н.** Системная структура личности // Системная психология и социология. 2017. № 3 (23). С. 5–11.
17. **Рыжов Б. Н., Столярова Г. И., Машкова Л. А.** Динамика мотивационных показателей в старшей школе // Системная психология и социология. 2017. № 2 (22). С. 14–23.
18. **Шурдукалов В. Н.** Оценка продуктивности психометрического и качественно-уровневого подходов в психодиагностике нарушений развития младших школьников: автореф. дис. ... канд. психол. н. Иркутск, 1998. 21 с.
19. **Червинская К. Р.** Компьютерная психодиагностика. СПб.: Речь, 2003. 336 с.
20. **Brabender V. M., Mihura J. L.** (eds.) Handbook of gender and sexuality in psychological. New York: Routledge, 2016. 730 p.
21. **Frederick T. L. Leong, Yong Sue Park** (eds). Testing and assessment with persons & communities of color: monograph / American Psychological Association. Washington, DC, 2016. 31 p.
22. **Haladyna T. M.** Supporting documentation: Assuring more valid test score interpretations and used // Large-scale assessment for all students: Validity technical adequacy and implementation / ed. G. Tindal, T. Haladyna. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 2001. P. 89–108.
23. **Haladyna T. M., Dowling S. M.** Construct-irrelevant variance in high-stakes testing // Educational Measurement: Issue and Practice. 2004. № 23 (1). P. 17–27.
24. Handbook of test development / ed. by Steven M. Dowling, Thomas M. Haladyna. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 2006. 778 p.
25. **Meijer R.** Outlier detection in high-stakes certification testing // Journal of Educational Measurement. 2002. № 11 (4). P. 301–310.
26. **Mihura J. L., Roy M., Gracefoo R. A.** Psychological assessment training in clinical psychology doctoral programs // Journal of Personality Assessment. 2016. № 98. P. 1–12.
27. Principles for the validation and use of personnel selection procedures // Industrial and Organizational Psychology. 2018. № 11 (S1). P. 1–97. DOI: 10.1017/iop.2018.195.

References

1. **Anastasi A., Urbina S.** Psychological testing. St. Petersburg: Peter, 2001. 688 p.
2. **Baturin N. A.** Modern psychodiagnostics Russia: Overcoming the crisis and addressing the new challenges // Vestnik of SUSU. Series: Psychology. 2010. № 40 (216). P. 4–12.
3. **Baturin N. A., Melnikova N. N.** Technology development test: Part I // Vestnik of SUSU. Series: Psychology. 2009. № 30 (163). P. 4–14.
4. **Burlachuk L. F.** Psychodiagnostics. 2nd edition. St. Petersburg: Peter, 2010. 378 p.
5. **Valyavko S. M.** Empirical experience in design and formalization of diagnostics instruments to test the example of general and special motivation // Systemic Psychology and Sociology. 2014. № 3. P. 28–40.
6. **Valyavko S. M., Knyazev K. E.** The possibility of using projective techniques for the diagnosis of personality development of preschool children with the general underdevelopment of speech // Experimental Psychology. 2014. T. 7. № 4. P. 110–122.
7. **Volfram E.-M.** The phenomenological study of psychotherapy: a method of obtaining knowledge from experience // Psychotherapy: the new science of man. Moscow: Akademicheskij proekt; Ekaterinburg: Delovaya kniga, 1999. P. 359–378.
8. **Gurevich K. M.** Psychological diagnostics. Moscow: Publishing House URAO, 1997. 304 p.
9. **Zabrodin Yu. M., Pahalian V. E.** Diagnostics / under the general editorship of Yu. M. Zabrodin. M.: Eksmo, 2010. 448 p.
10. **Korobeynikov I. A.** Back to Wexler or forward to Vygotsky? // Defectology. 2012. № 2. P. 12–14.
11. **Leontiev D. A.** New guidelines of understanding personality in psychology from the necessary to the possible // Questions of Psychology. 2011. № 1. P. 3–27.
12. **Lubovsky V. I.** Why a new approach to the differential psychological diagnostics? // Special Psychology. 2009. № 3 (21). P. 18–29.
13. **Muddy S.** Theories of personality: a comparative analysis. St. Petersburg: Rech, 2002. 539 p.
14. **Mitina O. V.** Development and adaptation of psychological questionnaires. M.: Smysl, 2011. 240 p.
15. **Romanova E. S.** Psychology of professional formation of the person: PhD diss. ... in psychology (Psy. D.). Moscow, 1992. 386 p.

16. **Ryzhov B. N.** System structure of personality // Systems psychology and sociology. 2017. № 3 (23). С. 5–11.
17. **Ryzhov B. N., Stolyarova G. I., Mashkova L. A.** Dynamics of motivational indicators in high school // System psychology and sociology. 2017. № 2 (22). P. 14–23.
18. **Shurdukhalov V. N.** Psychometric Evaluation of productivity and quality-level approach to psychodiagnosics violations of younger students: PhD thesis in psychology. Irkutsk, 1998. 21 p.
19. **Chervinskaya K. R.** Computer psychodiagnosics. St. Petersburg: Rech, 2003. 336 p.
20. **Brabender V. M., Mihura J. L.** (eds.) Handbook of gender and sexuality in psychological. New York: Routledge, 2016. 730 p.
21. **Frederick T. L. Leong, Yong Sue Park** (eds). Testing and assessment with persons & communities of color: monograph / American Psychological Association. Washington, DC, 2016. 31 p.
22. **Haladyna T. M.** Supporting documentation: Assuring more valid test score interpretations and used // Large-scale assessment for all students: Validity technical adequacy and implementation / ed. G. Tindal, T. Haladyna. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 2001. P. 89–108.
23. **Haladyna T. M., Dowing S. M.** Construct-irrelevant variance in high-stakes testing // Educational Measurement: Issue and Practice. 2004. № 23 (1). P. 17–27.
24. Handbook of test development / ed. by Steven M. Dowing, Thomas M. Haladyna. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 2006. 778 p.
25. **Meijer R.** Outlier detection in high-stakes certification testing // Journal of Educational Measurement. 2002. № 11 (4). P. 301–310.
26. **Mihura J. L., Roy M., Gracefoo R. A.** Psychological assessment training in clinical psychology doctoral programs // Journal of Personality Assessment. 2016. № 98. P. 1–12.
27. Principles for the validation and use of personnel selection procedures // Industrial and Organizational Psychology. 2018. № 11 (S1). P. 1–97. DOI: 10.1017/iop.2018.195.

УСТАЛОСТЬ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ВОЗРАСТА ПЕРСОНАЛА¹

Л. Н. Захарова, З. Х.-М. Саралиева,
И. С. Леонова, А. С. Заладина,
ННГУ им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород,
zlnnnov@mail.ru,
zara@fsn.unn.ru,
irina_leonova@list.ru,
zaladina.a.s@mail.ru

Представлены результаты исследования усталости как главного показателя феномена субъективного благополучия разновозрастного персонала предприятий и как показателя социально-психологического возраста. Актуальность исследования обусловлена противоречиями восприятия в обществе пенсионной реформы и проблемами сохранения рабочего места сотрудниками старшего возраста вследствие подверженности значительной части работодателей стереотипам возрастной предвзятости. Исследование построено на методологических идеях относительности хронологического возраста и влиянии организационной культуры на социально-психологический возраст сотрудников. Респондентами выступили сотрудники технологически отсталого и инновационного предприятий молодого — до 35 лет, среднего — от 36 до 50 лет у женщин и 55 лет у мужчин — и старшего возрастов. Применены методы диагностики организационной культуры К. Камерона и Р. Куинна, а также авторская анкета, направленная на выявление усталости от трудовой деятельности, организационных условий и домашней работы, возрастной самооценки, самочувствия в коллективе и менеджерской оценки возраста сотрудников. Для расчетов применены непараметрические критерии Манна – Уитни и Вилкоксона. Показано, что, независимо от возрастной группы и гендерной принадлежности, персонал предприятия с организационной культурой рыночно-иерархического типа, выраженным инновационным компонентом имеет более молодой социально-психологический возраст, характеризующийся меньшей усталостью от организационных условий до двух раз в молодой группе и до 1,6 раза в группе старшего возраста, более молодым возрастным самочувствием, по самооценкам и оценкам менеджеров, чем персонал предприятия с иерархически-клановой моделью организационной культуры. До 70 % персонала отсталого предприятия чувствует себя старше, достигая в самооценках превышения хронологического возраста до 12 лет, как в группе молодого, так и старшего персонала. До 70 % персонала инновационного предприятия чувствуют себя моложе, достигая в самооценках уменьшения хронологического возраста на 8 лет в группе молодых респондентов, до 16 лет — в группе старшего возраста. Обозначены подходы к совершенствованию управления субъективным благополучием персонала.

Ключевые слова: персонал; хронологический возраст; социально-психологический возраст; организационная культура; усталость; субъективное благополучие; возрастная самооценка; управление.

Для цитаты: Захарова Л. Н., Саралиева З. Х.-М., Леонова И. С., Заладина А. С. Усталость как показатель социально-психологического возраста персонала // Системная психология и социология. 2019. № 2 (30). С. 36–52. DOI: 10.25688/2223-6872.2019.30.2.04

Захарова Людмила Николаевна, доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой психологии управления факультета социальных наук (ФСН) Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород.

E-mail: zlnnnov@mail.ru

Саралиева Зарэтхан Хаджи-Мурзаевна, доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой общей социологии и социальной работы факультета социальных наук (ФСН) Национального

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-013-00910.

исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород.

E-mail: zara@fsn.unn.ru

Леонова Ирина Сергеевна, кандидат социологических наук, докторант кафедры общей социологии и социальной работы факультета социальных наук (ФСН) Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород.

E-mail: irina_leonova@list.ru

Заладина Анна Сергеевна, ассистент кафедры психологии управления факультета социальных наук (ФСН), аспирант кафедры психологии управления факультета социальных наук (ФСН) Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород.

E-mail: zaladina.a.s@mail.ru

FATIGUE AS AN INDICATOR OF SOCIO-PSYCHOLOGICAL AGE OF PERSONNEL²

L. N. Zakharova,

Z. H.-M. Saraliev,

I. S. Leonova,

A. S. Zaladina,

National research Lobachevsky State University
of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod,

zlnnov@mail.ru,

zara@fsn.unn.ru,

irina_leonova@list.ru,

zaladina.a.s@mail.ru

The results of the study of fatigue as a central phenomenon of the subjective well-being of enterprises staff of different-age and as an indicator of socio-psychological age are presented. The relevance of the study is due to contradictions in the perception in society of pension reform and problems of preserving the workplace by older employees as a result of the exposure of a significant proportion of employers to age bias stereotypes. The study is based on the methodological ideas of relativity of chronological age and the impact of organizational culture on the socio-psychological age of employees. The respondents were employees of technologically backward and innovative enterprises — young up to 35 years old, average from 36 to 50 years old for women and 55 years old for men, and older.

The methods used to diagnose the organizational culture of K. Cameron and R. Quinn, as well as the author's questionnaire, aimed at identifying fatigue from work, organizational conditions and domestic work, age self-esteem, well-being in the team and managerial assessment of the age of employees are used.

For the calculations, the non-parametric criteria of Mann-Whitney and Wilcoxon were applied. It is shown that irrespectively of age group and gender, enterprise personnel with an organizational market-hierarchical culture with a pronounced innovation component have a younger social and psychological age, characterized by less fatigue from organizational conditions up to two times in a young group and up to 1.6 times in an older group age, younger age self-esteem according to self-assessments and estimates of managers than the personnel of an enterprise with a hierarchical-clan model of organizational culture.

Up to 70 % of the backward enterprise staff feels older, reaching an excess of chronological age of up to 12 years in self-assessments, both in the group of young and senior staff. Up to 70 % of the personnel of an innovative enterprise feel younger, reaching in self-evaluations a reduction of chronological age by 8 years in the group of young respondents, up to 16 years in the older group. Recommendations for improving the management of subjective well-being of staff are offered.

Keywords: personnel; chronological age; socio-psychological age; organizational culture; fatigue; subjective well-being; age self-esteem; control.

² The scientific research was carried out with the financial support of RFBR as part of a research project № 19-013-00910

For citation: Zakharova L. N., Saralieva Z. H.-M., Leonova I. S., Zaladina A. S. Fatigue as an indicator of socio-psychological age of personnel // Systems Psychology and Sociology. 2019. № 2 (30). P. 36–52. DOI: 10.25688/2223-6872.2019.30.2.04

Zakharova Ludmila Nikolaevna, Doctor of Psychological Sciences, Professor, Head of the Department of Psychology of Management at the Faculty of Social Sciences of the National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia.

E-mail: zlnnnov@mail.ru

Saralieva Zaretkhan Haji-Murzaeva, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of General Sociology and Social Work at the Faculty of Social Sciences of the National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia.

E-mail: zara@fsn.unn.ru

Leonova Irina Sergeevna, PhD in Sociology, Doctoral student at the Department of General and Social Psychology at the National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia.

E-mail: Irina.leonova@unn.ru

Zaladina Anna Sergeevna, Assistant at the Department of Psychology of Management, Post-graduate student at the Department of Psychology of Management of the National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia.

E-mail: zaladina.a.s@mail.ru

Введение

В последнее время люди все больше задаются вопросом о продлении активного трудоспособного периода своей жизни. Участие людей старшего возраста в трудовой деятельности, например в Германии, за последние десять лет удвоилось. В возрастном интервале от 60 до 64 лет — с 23,3 до 47,3 %; в интервале 65–69 — с 5,4 до 10,2 %; 70–74 — 2,7–4,7 %; 75+ — от 0,9 до 1,4 % [28]. Сохранение рабочего места или трудоустройство после выхода на пенсию все чаще становятся значимым вариантом для пожилых людей.

Отношение к старению и прекращению трудовой деятельности приобретает в России в определенном смысле мировоззренческий характер, поскольку переход к более позднему выходу на пенсию становится уже не только вопросом экономического положения страны, ее развития, но и вопросом цивилизационного вызова. Значительная часть населения настроена против повышения пенсионного возраста. Ведущие социологические службы страны зафиксировали, что повышение пенсионного возраста отрицательно сказалось на рейтингах доверия россиян ко всем институтам власти, хотя при этом более четверти респондентов признают, что нынешние пороги выхода на пенсию занижены. Половина (51 %) опрошенных россиян заявили, что перестали работать с достижением пенсионного возраста.

Среди причин, по которым пришлось оставить работу, они чаще всего указывали состояние здоровья, физическую и психологическую усталость (58 % опрошенных) [7; 9; 10].

В Послании Федеральному собранию в 2019 г. президент отметил, что важнейший базовый показатель благополучия граждан и страны — это продолжительность жизни. К концу следующего десятилетия Россия должна уверенно войти в клуб стран «80 плюс». Опережающими темпами должна расти продолжительность именно здоровой, активной, полноценной жизни [11]. Изменение позиции граждан в отношении пенсионной реформы будет зависеть от умения правительства убедить россиян, что она целесообразна, полезна и открывает возможности продления полноценной жизни [9].

К настоящему времени проведено немало исследований, результаты которых свидетельствуют, насколько значимой не только для поддержания здоровья и позитивного психологического самочувствия человека, но и для экономики страны является участие людей старших возрастов в трудовой деятельности [31; 33; 37; 38; 42; 54].

Вместе с тем, как отмечает известный исследователь поздних возрастов У. Стаудингер, до сих пор не ясно, существует ли оптимальное количество рабочей нагрузки в более позднем возрасте и в разных видах трудовой занятости. Позитивные выводы о влиянии продолжения трудовой деятельности в старшем

возрасте не подразумевают, что все должны продолжать работать, а скорее связаны с уменьшением препятствий на пути к возвращению на работу после выхода на пенсию [51].

Негативное восприятие россиянами повышения пенсионного возраста имеет сложную детерминацию. Это низкая заработная плата, при которой пенсия может несколько поправить материальное положение не только потенциального пенсионера, но и его близких. Это и нередко тяжелые условия труда, сказывающиеся на общей усталости и состоянии здоровья. Неслучайно в своем послании президент отмечает необходимость серьезно обновить структуру занятости, которая сегодня во многом неэффективна и архаична, дать людям хорошую работу, которая мотивирует, приносит достаток, позволяет реализовать себя [11].

Таким образом, в обществе сталкиваются две тенденции: часть граждан старшего возраста хотела бы завершить трудовую деятельность как можно раньше, но вынуждена продолжать работать, несмотря на усталость и болезни. Другие хотели бы продолжить полноценную жизнь, которую не представляют без самореализации в трудовой деятельности. Но и те и другие сталкиваются с проблемами, порождаемыми стереотипами возрастной, а часто и гендерной предвзятости работодателей.

Принятие решений работодателями определяется действием целого комплекса факторов. В него входит, безусловно, норма закона. Но кроме того, как правило, объяснение дискриминации по возрасту и полу базируется на устойчивых негативных социальных стереотипах старости. Если обобщить негативные характеристики старения, то к ним, прежде всего, относятся невосприимчивость нового вследствие отсутствия гибкости, потери способности к обучению как результат снижения уровня интеллекта; приверженность стереотипам в мышлении и поведении; потеря автономности и, следовательно, нежелание брать на себя персональную ответственность; подверженность стрессу; быстрая утомляемость, часто хроническая усталость и болезни [6; 20; 22; 24; 30; 41; 44–46].

Однако научные исследования не подтверждают тотального снижения психических

функций и изменения установок у большинства пожилых людей [29; 35; 36; 52]. Более того, в исследованиях мотивации, типичной для различных возрастов, убедительно показано, что люди начиная с 45–47 лет, т. е. с того возраста, когда начинаются проблемы с трудоустройством в России, обладают наиболее благоприятной мотивацией для продолжения трудовой деятельности, остающейся выраженной до самого преклонного возраста. Это мотивация самоактуализации и альтруизма [12].

Вместе с ростом интереса к позднему возрасту становятся все более отчетливыми новые аспекты проблем, связанных с ним, как фундаментальной научной темы. К настоящему времени введены понятия биологического [32; 43], психологического [41; 51; 52] и социального возраста [47; 53]. В этой связи становится понятным, что необходимо оценивать многомерность человеческого старения, поскольку это не только биологический, но интерактивный процесс, в котором активную позицию может занять и нередко занимает сам человек, используя свое отношение к старению, мотивацию, ресурсы в виде образования, знаний, использования современных технологий сдерживания старения. Этот процесс характеризуется высокой пластичностью, которая влечет за собой относительность значения хронологического возраста [52].

Множество культурных, экономических, психологических факторов, уровень образования, усвоенные социальные роли определяют то, что может проявляться как психологический возраст конкретного человека [18; 22; 51; 52]. Еще более конструктивным понятием в отношении людей позднего возраста применительно к трудовой деятельности будет являться понятие социально-психологического возраста (СПВ).

Так, психологический возраст является отражением субъективного самочувствия человека, обнаруживающего у себя значимые для него характеристики того или иного хронологического возраста. Приоритеты оценок при этом определяются в зависимости от личностной иерархии мотивов.

Социально-психологический возраст — это одновременно субъективный и социальный феномен. В нем, с одной стороны, фиксируется

самочувствие человека, сформированное на основе самовосприятия комплекса физических, интеллектуальных и социальных компетенций, соотносимых с типичными характеристиками какого-либо более молодого или более позднего хронологического возраста. С другой стороны, этот феномен включает комплекс характеристик восприятия человека представителями социума, в том числе работодателями и коллегами. Человек не может требовать, чтобы его воспринимали мотивированным, компетентным и эффективным, он может только быть таким, убеждая остальных всем своим обликом и моделями поведения [3].

Социальные стереотипы старости, часто разделяемые работодателями, как и любые другие стереотипы, не возникают на пустом месте. Они представляют собой устойчивые, обобщенные, как правило, неосознаваемые, привычные формы мышления и действия, сокращающие время принятия решений и исключающие дифференцированный, индивидуальный взгляд на те или иные характеристики конкретного человека [17]. В связи с этим встает задача определения условий проявления качеств работника, соответствующих возрастным стереотипам, и поиска условий и механизмов, смягчающих или снимающих действие стереотипов старости.

К числу таких условий относится организационная культура предприятий, являющаяся социально-психологическим контекстом трудовой деятельности. Она выполняет функции внешней адаптации и внутренней интеграции, базируется на ценностях организационного развития, разделяемых большей частью сотрудников, и проявляется в типичных для этих ценностей моделях организационного и трудового поведения [4; 16; 21]. Особенностью экономической ситуации современной России является сосуществование эффективных предприятий и предприятий с многолетними трудностями модернизации. Как правило, организационные условия этих предприятий существенно различаются, что проявляется в вариативности типов организационной культуры [1; 2].

Сопоставление характеристик возрастных стереотипов и характеристик психологической жизнеспособности персонала инновационных

и отсталых предприятий [2; 23; 41] позволили выделить индикаторы социально-психологического возраста. Так, «молодой» и «старый» СПВ различаются по ценностным приоритетам организационного развития, особенностям баланса трудовой и общежитической мотивации, уровню ответственности и открытости принимаемых решений, уровню доверия менеджерам, преобладанию инструментального или ценностного типа конфликтности, стратегиям поведения в конфликте, приверженности стереотипам, подверженности организационному стрессу изменений, стратегиями предупреждения и преодоления стресса [14].

Анализ выявленных показателей СПВ позволяет выделить еще один важный критерий — это субъективное благополучие персонала разных возрастов в условиях организационных культур разного типа. Субъективное благополучие определяется на основе уровня усталости, возрастного самочувствия и самочувствия себя в трудовом коллективе [50].

Усталость — это сложный процесс временных сдвигов в физиологическом и психологическом состоянии работника, развивающийся в результате действия напряженной или длительной работы, болезней, стресса. Усталость становится распространенной жалобой пожилых людей и является системой физиологического предупреждения [27]. Усталость фиксируется самим человеком исходя из плохого самочувствия, в основе которого лежит обычно целый комплекс симптомов от полной опустошенности, нарушения сна, раздражительности до трудностей сосредоточения внимания и болях в мышцах [39; 40; 48; 55]. Она хорошо заметна и наблюдателю, поскольку усталость отражается на внешнем облике человека.

Повышенная утомляемость и, как результат, чувство усталости при старении могут быть вызваны различными факторами, включая возрастные изменения в производстве или использовании энергии, воспалительные механизмы, трудовые нагрузки [27]. Утомляемость и усталость рассматриваются как ранний индикатор процесса старения. Усталость является сильным предиктором функциональных ограничений, смертности и других неблагоприятных последствий.

Существует несколько биологических, физиологических и социальных объяснений усталости: она рассматривается как самооценочный показатель слабости; физиологическое состояние повышенной уязвимости к стрессорам; результат снижения физиологических резервов и нарушения регуляции множества физиологических систем; следствие совокупного воздействия социальных, психических и биологических факторов на протяжении всей жизни [19; 48; 49].

Особое значение имеют данные о том, как утомляемость и усталость в наибольшей степени связаны с ощущаемым и ранее воспринятым стрессом, а также самооценкой состояния здоровья. Показано, что утомляемость является также результатом негативных событий частной жизни, она более свойственна женщинам и представителям более низких социальных классов [34].

Связь усталости и стресса является особенно значимой при рассмотрении проблемы социально-психологического возраста в трудовой деятельности. Новые организационные требования обуславливают необходимость достаточно оперативной адаптации к ним, поэтому стресс в классическом его понимании в условиях организационных изменений имеет место. Вместе с тем стресс может протекать как в форме дистресса, так и эустресса. Стресс, безусловно, в любом случае при длительном действии ведет к истощению, но в случае эустресса это не так заметно для самого субъекта, испытывающего стресс. Дистресс же может сопровождаться развитием серьезных заболеваний. Поэтому для менеджмента постоянной задачей является работа по адаптации персонала к новым требованиям [5; 26]. Развитие усталости может рассматриваться как результат дезадаптации в условиях организационных изменений.

До начала XXI века корпоративные требования вообще не рассматривались как источник стресса, хотя стресс на рабочих местах активно исследовался. В 2005 году К. Купер и С. Картрайт, анализируя фундаментальные причины стресса на рабочих местах, на первом месте назвали перемены в корпоративной культуре, ведущие к существенным сдвигам в стиле управления. Именно эти изменения

являются основой неуверенности и неопределенности — классическим причинам стресса [25].

Цель исследования — выявить проявления усталости как характеристики социально-психологического возраста персонала предприятий с организационной культурой разного типа.

Методика

Исследование проведено в два этапа. Задача первого этапа состояла в определении эмпирической базы для исследования субъективного благополучия персонала предприятий с организационной культурой разного типа. Использованы следующие методы: анализ доступной корпоративной документации (сайты предприятий), экспертной оценки экономического состояния с привлечением экспертов из Торгово-промышленной палаты, метод оценки организационной культуры (OCAI) К. Камерона и Р. Куинна [4]. Последний метод позволяет определить тип организационной культуры (ОК) и организационно-культурные предпочтения сотрудников: клановый тип ОК строится на ценности поддержания сложившихся хороших отношений в организации или структурном подразделении; адхократический тип в своей основе имеет ценности инновационности и творческой самоактуализации; рыночный — базируется на ценности успеха в конкурентной среде и иерархический — на ценностях иерархии и порядка. Были выбраны два крупных производственных предприятия: успешное — с высоким уровнем включенности в инновационные процессы, и с многолетними проблемами модернизации, менеджмент которого проводит организационные изменения, направленные на техническое перевооружение и переход к инновационному пути развития (далее — ординарное предприятие).

На втором этапе изучено субъективное благополучие персонала с помощью авторской анкеты, сочетающей вопросы с методом прямого шкалирования. Вопросы направлены на оценку непосредственно чувства усталости от различных видов деятельности,

на выявление возрастной самооценки и самочувствия в трудовом коллективе как составляющих субъективного благополучия [50]. Руководители структурных подразделений, персонал которых вошел в состав респондентов, оценили свое восприятие возраста сотрудников с помощью сопряженной анкеты.

В качестве респондентов в исследовании приняли участие 120 женщин и 130 мужчин, сотрудников исполнительского звена ординарного и инновационного производственных предприятий. Каждая группа объединяла три возрастные подгруппы мужчин и женщин примерно в равных пропорциях: до 35 лет; между 36 и 50 годами — для женщин, 55 — для мужчин; старше 50 лет — для женщин и старше 55 — для мужчин. От каждого предприятия в качестве экспертов выступили по 14 менеджеров.

Результаты и их обсуждение

Результаты изучения ОК представлены в таблице 1. Данные свидетельствуют о том, что на ординарных предприятиях сложилась устойчивая ОК иерархически-кланового типа. В такой оценке едины представители всех возрастных и гендерных подгрупп. Единственное отличие можно наблюдать в оценках мужчин средней возрастной группы. Они отмечают незначительное превалирование рыночного компонента ОК над клановым. Это, по-видимому, объясняется тем, что к ним предъявляются наиболее строгие требования, чем к остальному персоналу. Устойчивость ОК следует практически из одинаковых желаний персонала трансформировать существующий тип ОК внутри тех же ценностных приоритетов, но с обратной относительной значимостью. Таким образом, желания персонала сконцентрированы на кланово-иерархической модели. Это — типичный для дореформенной командно-административной экономики вид организационной культуры. Привлекает внимание тот факт, что так необходимая современной экономике ориентация на инновационность в производственных и управленческих технологиях проявляется минимально, колеблясь от 13,7 до 16 %, причем максимальные

16 % усматривают в ОК мужчины и женщины старшего возраста (женщины — чуть меньше, чем мужчины), они же удерживают этот приоритет как желательный. Но выраженность их инновационных приоритетов не достигает уровня статистической значимости внутри своих трудовых коллективов, существенно отличаясь в меньшую сторону от оценок всех возрастных и гендерных подгрупп инновационных предприятий, где фактический уровень инновационности колеблется от 18 до более чем 20 %.

На инновационных предприятиях организационная ситуация принципиально иная. Большая часть персонала оценивает сложившуюся ОК как рыночно-иерархическую с выраженным инновационным компонентом и в целом хорошими отношениями в трудовом коллективе. Все подгруппы персонала хотели бы несколько улучшить отношения, но эти желания не достигают уровня статистической значимости, в то время как на ординарных предприятиях клановая составляющая ОК выше, чем на инновационных предприятиях, но сотрудники хотят полного превалирования этого компонента (до 35–41,5 %). Объяснение этого феномена, скорее всего, состоит в том, что доминирование иерархического компонента психологически тяжело для персонала. Внедрение реальных рыночных механизмов с внутренней конкуренцией как их неотъемлемых составляющих с помощью все тех же иерархических процедур вызывает отторжение у персонала и поддерживает желание сохранить свой психологический климат, построенный на сложившихся отношениях как защиту от проводимых преобразований.

Сотрудники инновационных предприятий вполне адаптированы к рыночным механизмам и, хотя есть некоторая тенденция в желании сократить их присутствие, она (тенденция) ни в одной подгруппе не достигает уровня статистической значимости. Но наиболее интересным фактом является то, что практически весь персонал инновационного предприятия готов к дальнейшему росту инновационности, причем в статистически значимых интервалах: от 18–22,2 % до 25–28 %. Персонал этих предприятий не только смог взять «инновационный барьер» [15], но и готов к развитию в рыночно-инновационной парадигме.

Таблица 1

Организационная культура и ОК-предпочтения разновозрастного исполнительского персонала инновационного и ординарного производственных предприятий

Возраст	Пол	Клановая			Адхократическая			Рыночная			Иерархическая		
		Факт	Жел	W	Факт	Жел	W	Факт	Жел	W	Факт	Жел	W
до 35	Ж – О	26,1	37,2	**	13,7	12,4	–	19,2	18,3	–	40,9	32,1	**
	Ж – И	20,5	27,3	*	18,3	25,7	*	33,2	30,6	–	28,1	16,4	**
	U	*	**		**	**		**	**		**	**	
	М – О	22,9	37,8		14,7	12,8	–	25,1	21,5	–	37,3	27,9	*
	М – И	17,6	23,9		19,6	27,5	T	35,7	32,1	–	27,1	16,5	**
	U	T	**		*	**		**	*		**	**	
36–50, 55	Ж – О	26,2	41,5	*	13,2	12,6	–	21,8	15,7	T	38,8	30,3	*
	Ж – И	19,8	21,5	–	19,5	27,4	*	32,0	35,7	–	28,7	15,4	**
	U	T	**		*	**		*	**		*	**	
	М – О	28,3	38,2		13,4	12,4	–	19,1	17,6	–	39,2	31,8	*
	М – И	17,4	18,3		17,9	28,5	*	38,8	38,7	–	25,9	14,5	**
	U	**	**		T	**		**	**		**	**	
+ 50, + 55	Ж – О	27,2	40,4	**	15,5	14,6	–	18,9	16,3	–	38,5	28,8	*
	Ж – И	17,9	24,0	–	22,2	29,7	*	31,6	32,2	–	28,3	14,2	*
	U	*	*		*	*		**	*		*	*	
	М – О	24,1	35,0	*	16,0	15,6	–	21,2	18,5		38,7	30,8	*
	М – И	16,5	21,8	T	21,3	28,3	*	33,1	34,2		29,2	15,7	*
	U	*	*		–	**		**	*		T	*	

Примечание: И — предприятие с высоким уровнем включенности в инновационные процессы; Факт — существующий тип ОК, Жел — желательный тип ОК; О — ординарное предприятие; М — мужчины, Ж — женщины; U — статистическая значимость различий по критерию Манна – Уитни, W — статистическая значимость различий по критерию Вилкоксона: * — $p \leq 0,05$, ** — $p \leq 0,01$; T — тенденция; – — статистически значимые различия отсутствуют.

Таким образом, персонал инновационного предприятия по своим ценностям организационного развития, обеспечивающим готовность к изменениям инновационного характера, не подпадает под действие возрастных стереотипов и является по характеристикам социально-психологического возраста более молодым, чем персонал ординарных предприятий, сопротивляющийся прогрессивным изменениям и желающий сохранить дореформенный организационный уклад независимо от возраста и гендерной принадлежности.

Данные таблицы 2 позволяют оценить субъективное благополучие персонала этих предприятий.

Исследование показало, что субъективное благополучие сотрудников предприятий на рабочем месте существенно различается в зависимости не столько от хронологического возраста, сколько от организационных условий, в которых осуществляется трудовая деятельность. Так, можно видеть, что

молодые женщины, сотрудницы ординарных и инновационных предприятий, а также мужчины и женщины старшего возраста не различаются по чувству усталости от трудовой деятельности. Непосредственно в труде бóльшую усталость чувствуют молодые мужчины, весь персонал среднего возраста ординарного предприятия. На инновационном предприятии все категории персонала устают примерно одинаково: чувство усталости варьируется от 4,4 балла у молодых мужчин до 5,7 балла у мужчин среднего возраста, в то время как интервал оценки чувства усталости на ординарном предприятии находится в диапазоне от 4,8 балла у женщин старшего возраста до 8,0 балла у женщин среднего возраста. Меньшая усталость персонала инновационного предприятия от трудового процесса связана с более высокотехнологичными рабочими местами. Работники старшего возраста ординарного предприятия устают меньше молодых по двум причинам: одни из них

Таблица 2

Субъективное благополучие разновозрастного исполнительского персонала инновационного и ординарного производственных предприятий

Возраст	Пол / предприятие	Усталость			Самооценка возраста			Оценка возраста менеджерами			Самочувствие в коллективе	
		В труде	В организ. отношениях	От домашней работы	Самооценка	Моложе, %	Старше, %	Моложе, %	Старше, %	Хронологический, %		
До 35	Ж – О	6,1	8,3	4,4	7,3	26,6	66,7	32,9	51,8	15,3	-1,4	
	Ж – И	5,7	4,2	3,6	-4,1	63,1	15,8	52,5	12,5	35,0	2,8	
	У	–	**	–	*						*	
	М – О	7,3	8,8	3,8	10,6	23,1	69,2	38,6	46,4	15	-2,3	
	М – И	4,4	3,1	2,3	-2,8	46,7	15,8	41,2	15,5	43,3	3,4	
	У	–	**	–	**							*
36–50, 55	Ж – О	8,0	6,7	5,9	4,7	33,4	53,3	35,4	52,1	12,5	-4,1	
	Ж – И	5,9	4,8	4,2	-5,5	68,8	18,7	43,3	22,2	34,5	3,8	
	У	*	*	Т	*							
	М – О	7,6	7,2	4,2	7,3	27,3	72,7	19,6	68,9	11,5	-2,6	
	М – И	5,7	4,3	3,9	-6,0	68,7	18,8	32,9	22,5	44,6	3,7	
	У	*	*	–	**							*
+ 50, + 55	Ж – О	4,8	5,2	4,8	-5,9	68,8	6,3	18,2	54,3	27,5	-2,2	
	Ж – И	4,7	4,0	4,6	-6,2	75,0	12,5	42,9	22,6	34,5	4,0	
	У	–	Т	–	–							*
	М – О	5,0	4,9	3,2	8,8	15,4	76,9	19,3	62,1	18,6	1,5	
	М – И	4,5	3,1	4,1	-7,4	50,0	16,7	15,4	19,5	45,6	3,5	
	У	–	*	–	**							Т

Примечание: И — предприятие с высоким уровнем включенности в инновационные процессы; Факт — существующий тип ОК, Жел — желательный тип ОК; О — ординарное предприятие; М — мужчины, Ж — женщины; У — статистическая значимость различий по критерию Манна – Уитни, W — статистическая значимость различий по критерию Вилкоксона: * — $p \leq 0,05$, ** — $p \leq 0,01$, Т — тенденция; – — статистически значимые различия отсутствуют.

не работают на местах, требующих физической выносливости, другие имеют такие опыт и навыки, которые позволяют им справляться с трудовыми заданиями.

Принципиально иная ситуация складывается в отношении усталости от организационных отношений. Статистически значимые различия обнаруживаются при сравнении чувства усталости внутри одной возрастной категории, работающих в разных ОК. Как бы это ни казалось странным на первый взгляд, в наибольшей степени устают молодые женщины и молодые мужчины в ОК иерархически-кланового типа: 8,3 балла у женщин и 8,8 балла у мужчин против 4,2 балла и 3,1 балла соответственно в рыночно-иерархической ОК при примерно равной усталости от трудовой деятельности. Можно сделать вывод о том, что иерархически-клановая культура оказывает

психологически давящее влияние на молодых сотрудников, а рыночно-иерархическая ОК, скорее, способствует актуализации их потенциала. С течением времени сотрудники адаптируются к иерархически-клановой ОК, и старшие женщины легче, чем остальные, воспринимают ее условия, хотя старшие женщины в ОК рыночно-иерархического типа все же чувствуют меньше усталости, чем их сверстницы, как, впрочем, и все возрастные категории инновационного предприятия независимо от гендерной принадлежности. Если интервал усталости от организационных отношений на инновационном предприятии составляет от 3,1 балла у мужчин молодого и старшего возраста до 4,3 балла у мужчин среднего возраста, то на ординарном предприятии этот интервал составляет от 4,9 балла у мужчин старшего возраста до 8,8 балла —

у молодых мужчин. Косвенным свидетельством надежности полученных данных является близкий уровень усталости от домашней работы у всех категорий работников внутри одной возрастной группы. Такая усталость не зависит от организационных отношений и, скорее, связана с возрастной категорией, когда наиболее устающими закономерно являются женщины среднего возраста.

Данные о самочувствии в коллективе тоже заслуживают внимания. Несмотря на устойчивое мнение о том, что в системе клановых отношений психологическое самочувствие лучше, чем в любых других условиях, данные показывают, что это не всегда так. Психологическое самочувствие персонала существенно лучше в рыночно-иерархических условиях. Различия в самочувствии в коллективе во всех возрастных подгруппах статистически значимы. Только в подгруппе старших мужчин различия носят характер тенденции, не достигая уровня статистической значимости. На ординарных предприятиях хуже всех чувствуют себя женщины среднего возраста: видимо, при их домашней нагрузке они понимают, насколько серьезные организационные изменения происходят и как непроста будет адаптация к ним. В условиях рыночно-иерархической культуры в наиболее сложном психологическом положении находятся молодые женщины: им нужно освоить умения жить по правилам этой психологически непростой ОК, но и они чувствуют себя значительно лучше, чем их ровесницы в иерархически-клановой модели.

Ключевой характеристикой субъективного благополучия человека и особенно женщин, а из них особенно женственных женщин, является их возрастное самоощущение. Данные показывают, что в рыночно-иерархической культуре женщины всех возрастов чувствуют себя моложе своего хронологического возраста, причем, чем старше женщина, тем на большее количество лет она психологически моложе. Несколько более противоречивые данные получены в отношении возрастной самооценки женского персонала ординарного предприятия. Женщины молодого и среднего возраста чувствуют себя статистически значимо старше своих сверстниц инновационного

предприятия. Если отойти от средних показателей и использовать данные, характерные для тех женщин, которые чувствуют себя старше, а их число превышает 65 %, то они чувствуют себя старше на 12 лет. Молодые мужчины чувствуют себя старше своего хронологического возраста на 17 лет, а старшие мужчины — на 12 лет. Однако женщины старшего возраста оценивают свой возраст как более молодой в среднем на 6 лет. Чтобы правильно интерпретировать этот результат, целесообразно воспользоваться данными о личностной вовлеченности женщин в трудовой процесс на предприятиях с разной ОК. Если на инновационных предприятиях персонал, в том числе и женский, показывает высокий уровень личностной вовлеченности в трудовую деятельность, то на ординарных предприятиях у мужчин и в еще большей степени у женщин старшего возраста преобладают самоидентификации семейного характера и частного лица [14]. Эти факты объясняют специфику возрастной самооценки женского персонала старшего возраста на ординарных предприятиях. В этой самооценке проявляется возрастное самочувствие не на рабочем месте, а естественная социально-психологическая позиция женщин старшего возраста, желающих замаскировать свой хронологический возраст в условиях набирающей силу в обществе ценности молодости.

Мужчины в ОК иерархически-кланового типа тоже чувствуют себя старше, чем их сверстники на инновационном предприятии. Они чувствуют себя существенно старше, чем их сверстницы женщины. Данные о процентном соотношении сотрудников, чувствующих себя моложе или старше своего возраста, дают еще более полную картину. Если на ординарном предприятии более 66,7 % молодых женщин чувствуют себя старше своего хронологического возраста, то на инновационном таких молодых женщин только 15,8 %. Такое соотношение превалирования самооценки своего возраста как более старшего характерно и для всех возрастных подгрупп, за исключением уже обсужденного феномена старших женщин.

Таким образом, субъективное восприятие своего возраста в трудовой деятельности существенно различается в ОК разного типа.

Заслуживают внимания данные о восприятии возраста сотрудниками менеджерами. Именно их оценки имеют отношение к принятию важных решений применительно к продолжению работы сотрудниками старшего возраста.

Данные таблицы 2 показывают, что оценки менеджеров ординарного предприятия во многом соответствуют самооценкам персонала. Практически во всех возрастных и гендерных подгруппах менеджеры ординарных предприятий оценивают возраст у более чем половины своих подчиненных как более старший, в том числе и женщин старшего возраста, которые оценивают себя как более молодых. Некоторое исключение оставляют молодые мужчины: из их числа только 46,4 % были оценены менеджерами старше хронологического возраста.

Иные оценки дают менеджеры инновационных предприятий. Более молодыми они оценивают от 52,2 % молодых женщин и 15,4 % старших мужчин. Это не значит, что остальных они считают старше хронологического возраста. Особенностью оценок менеджерами инновационных предприятий является существенно большая адекватность. Если оценки менеджеров ординарного предприятия можно назвать эмоциональными, поскольку они оценивают сотрудников в основном как старше или моложе хронологического возраста, то в оценках менеджеров инновационного предприятия существенно больше присутствует оценок соответствия хронологическому возрасту. Таких оценок на ординарном предприятии — 11,5–18 %, на инновационном предприятии — 34,5–45,6 %.

Большая эмоциональность оценок менеджеров ординарного предприятия понятна. В условиях сопротивления организационным изменениям те сотрудники, которые поддерживают усилия менеджмента, проявляют заинтересованность и активность, кажутся им более молодыми. Их меньшинство — до 27 %. Это мужчины среднего возраста. Сопrotивляющиеся изменениям, пассивные люди, желающие скорее дожить до пенсии, представляются им более старшего возраста — до 68,9 %. Именно от них, вероятно, менеджмент ожидал наибольшей поддержки. Ее отсутствие дает утрированную оценочную реакцию. Мужчины

старшего возраста чувствуют себя в условиях иерархически-клановой культуры в среднем более чем на 7,3 года старше, но в той группе, которая составляет 77 % от общего количества, этот интервал достигает 12 лет. Вместе с чувством усталости на 7,2 балла из 10 возможных, безусловно, эти мужчины выглядят в глазах менеджеров пассивными, старыми, не желающими ничего менять в лучшую сторону, т. е. подпадающими под характеристики возрастных стереотипов.

На инновационном предприятии менеджеры эмоционально более нейтральны, сдержанны и адекватны в оценках. Ключевой характеристикой является производительность и качество труда, поддержка постоянно идущих организационных изменений, а не возраст работника. Поскольку любой коллектив неоднороден по своим характеристикам, на инновационном предприятии от 12,5 до 22,6 % представляется менеджерам старше своего хронологического возраста, но это меньшая часть.

Результаты проведенного исследования выявляют некоторое противоречие, относящееся к возрастным стереотипам. С одной стороны, сотрудники старшего возраста в определенных организационных условиях не отличаются по субъективному чувству усталости от своих более молодых коллег и воспринимаются не только на уровне возрастной самооценки, но и на уровне оценки менеджерами как более молодые, соответствующие среднему возрасту. С другой — более молодые чувствуют себя старше, субъективно попадая в рамки старшего хронологического возраста, в том числе и по оценкам менеджеров. Но, будучи недовольными молодыми работниками, так же как и работниками старшего возраста, менеджеры сохраняют предубеждения все же в основном в отношении работников старшего хронологического возраста. Это свидетельствует о специфической форме интерпретации наблюдаемых феноменов менеджерами и нуждается в отдельном исследовании вкпе с выявленным феноменом более старшего социально-психологического возраста молодых сотрудников.

Выводы

1. Респонденты способны различать усталость, развивающуюся при различных условиях деятельности. Усталость от домашней работы зафиксирована как не достигающая половины возможного уровня независимо от усталости в трудовой деятельности и усталости от организационных условий. Исключение составили женщины среднего возраста, традиционно имеющие большую домашнюю нагрузку в отличие от женщин другого возраста и мужчин всех возрастов. Усталость от трудовой деятельности существенно выше на ординарных предприятиях в отдельных возрастных и гендерных группах. Наибольшие различия в степени усталости выявлены во всех без исключения группах в зависимости от организационных условий.

2. Чувство усталости и возрастное самочувствие, проявляющееся в возрастной самооценке, в существенно большей мере зависит от типа организационных условий, чем от гендерной принадлежности и хронологического возраста респондентов. В ОК рыночно-иерархического типа с выраженным инновационным компонентом сотрудники старших возрастов, как и более молодые, чувствуют себя моложе и не подпадают под характеристики возрастных стереотипов, в то время как в иерархически-клановой модели ОК сотрудники чувствуют себя более усталыми и старыми.

3. Оценки возраста менеджерами в целом совпадают с самооценкой сотрудников, что помогает понять устойчивость стереотипов возрастной предвзятости значительной части менеджеров, поскольку инновационных предприятий, где сотрудники не подпадают под действие этих стереотипов, пока меньшая часть. Стереотипы являются феноменами, устойчивыми во времени, что затрудняет быструю перестройку отношения менеджмента к новой реальности.

4. В условиях организационных изменений, проводимых менеджментом без трансформации организационной культуры иерархически-кланового типа, характерной для дореформенной административно-командной модели экономики, сотрудники обнаруживают желание трансформировать ОК в кланово-иерархическую модель,

поскольку усиление клановой составляющей позволяет сохранять чувство субъективного благополучия при сопротивлении осуществляемым менеджментом попыткам перевести предприятие в рыночно-инновационный формат развития.

5. Субъективное чувство усталости работника и возрастную самооценку можно рассматривать как индикаторы социально-психологического возраста, поскольку эти феномены возникают и проявляются независимо от хронологического возраста, но обусловлены типом организационной культуры предприятия.

6. Полученные результаты открывают определенные возможности управления социально-психологическим возрастом персонала. Они могут быть реализованы при использовании менеджментом предприятий в условиях проводимых организационных изменений методов соответствующего изменения организационной культуры и внедрения в практику управления персоналом адекватных этим изменениям моделей управленческого взаимодействия.

Заключение

Исследование носит поисковый характер. Оно проведено на предприятиях с разным уровнем включенности в инновационные процессы и с принципиальными различиями в организационной культуре. Получены результаты, подтверждающие выявленный ранее феномен возрастного организационного единства, в соответствии с которым характеристики социально-психологического возраста персонала в одной организационной культуре ближе, чем в другой, независимо от возраста и гендерной принадлежности. Эти результаты расширяют комплекс показателей социально-психологического возраста на уровне субъективного благополучия, соответствующего организационному уровню социального действия, по Т. Парсонсу [8], и модели системной организации личности на уровне социально-биологического лимба, по Б. Н. Рьжову [13], поскольку выявленные характеристики субъективного благополучия отражают связь социально-психологического контекста трудовой деятельности и усталости работника. Это обуславливает дальнейшие

исследования социально-психологического возраста не только с расширением спектра моделей организационной культуры, но и с поиском психофизиологических коррелятов найденных связей.

Литература

1. **Дырин С. П.** Многовариантность организационной культуры современных российских предприятий // Управление корпоративной культурой. 2009. № 1. С. 4–14.
2. **Захарова Л. Н., Леонова И. С., Коробейникова Е. В.** Психологическая жизнеспособность персонала российских предприятий. Н. Новгород: ННГУ, 2017. 411 с.
3. **Захарова Л. Н., Леонова И. С., Мартъянова Т. В.** Гендерные проявления социально-психологического возраста персонала предприятий с организационной культурой разного типа // Проблемы теории и практики управления. 2018. № 7. С. 107–117.
4. **Камерон К., Куинн Р.** Диагностика и изменение организационной культуры. СПб.: Питер, 2001. 320 с.
5. **Китаев-Смык Л. А.** Психология стресса: психологическая антропология стресса. М.: Академический проект, 2009. 944 с.
6. **Кузнецова Л. Б.** Психологические особенности переживания процесса старения // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. Т. 28. № 24 (221). С. 173–181.
7. О пенсионном возрасте и отношении к идее его повысить // ФОМ. 04.06.2018. URL: <https://fom.ru/posts/14043> (дата обращения: 20.02.2019).
8. **Парсонс Т.** О структуре социального действия. М.: Академический проект, 2018. 435 с.
9. Пенсионная реформа // Левада-Центр. 05.07.2018 URL: https://www.levada.ru/2018/07/05/pensionnaya-reforma-3/?utm_source=mailpress&utm_medium=email_link&utm_content=twentyten_singlecat_20920&utm_campaign=2018-07-05T06:30:56+00:00. (Дата обращения 10.02.2019).
10. Повышение пенсионного возраста понизило рейтинги власти // «Коммерсантъ» от 22.06.2018. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3667418>.
11. **Путин В. В.** Послание Президента Федеральному Собранию. 2019. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957>
12. **Рыжов Б. Н.** Системная периодизация развития // Системная психология и социология. 2012. № 5. URL: http://systempsychology.ru/journal/2012_5/85-ryzhov-bn-sistemnaya-periodizaciya-razvitiya.html (дата обращения: 20.02.2019).
13. **Рыжов Б. Н.** Системная структура личности // Системная психология и социология. 2017. № 23. URL: http://www.systempsychology.ru/journal/2017_23/443-ryzhov-b-n-sistemnaya-struktura-lichnosti.html (дата обращения: 20.02.2019).
14. **Саралиева З. Х., Захарова Л. Н., Леонова И. С.** Социально-психологический возраст женского персонала как латентный феномен организационной жизни // Женщина в российском обществе. 2018. № 4. С. 100–110.
15. **Хачатурян А.** От управления персоналом к управлению человеческим капиталом компании // Проблемы теории и практики управления. 2015. № 4. С. 86–95.
16. **Шейн Э. Х.** Организационная культура и лидерство. СПб.: Питер, 2012. 532 с.
17. **Aronson E.** The social animal (11th ed.). New York: Worth/Freeman, 2011. 502 p.
18. **Aureli E., Baldazzi B.** Gender differences in the elderly population: different satisfaction levels in selected spheres of life // Genus. 2001. Vol. 57. № 2. P. 103–122.
19. **Avlund K.** Fatigue in older adults: an early indicator of the aging process? // Aging Clinical and Experimental Research. 2010. Vol. 22. № 2. P. 100–115.
20. **Baker L., Cahalin L., Gerst K., Burr J.** Productive activities and subjective well-being among older adults: The influence of number of activities and time commitment // Social Indicators Research. 2005. Vol. 73. P. 431–458. DOI: 10.1007/s11205-005-0805-6.
21. **Bellou V.** Organizational culture as a predictor of job satisfaction: the role of gender and age // Career Development International. 2010. Vol. 15. № 1. P. 4–19.
22. **Bowen C. E., Staudinger U. M.** Relationship between age and promotion orientation depends on perceived older worker stereotypes // The Journals of Gerontology. Series B. Psychological Sciences and Social Sciences. 2013. Vol. 68. P. 59–63.

23. **Cameron K. S.** Organizing Resilience // Cameron K. S., Dutton J. E., Quinn R. E. (eds). Positive organizational scholarship: foundation of a new discipline. San Francisco: Berett-Koehler Publishers, 2003. P. 94–110.
24. **Chui W. C. K., Chan A. W., Snape E., Redman T.** Age stereotypes against older workers // SAGE Social Science Collections. 2001. Vol. 54. № 5. P. 629–661.
25. **Cooper G., Cartwright S., Robertson S.** Work environments, stress, and productivity: an examination using ASSET // International Journal of Stress Management. 2005. Vol. 12. № 4. P. 409–423.
26. **Cranwell-Ward J., Abbey A.** Organizational stress. UK: Palgrave Macmillan, 2005. 254 p.
27. **Eldadah B. A.** Fatigue and fatigability in older adults // PM&R. The Journal of Injury, Function and Rehabilitation. 2010. Vol. 2. № 5. P. 406–413.
28. **Fasbender U., Deller J., Wang M., Wiernik B. M.** Deciding whether to work after retirement: The role of the psychological experience of aging // Journal of Vocational Behavior. 2014. № 84. P. 215–224.
29. **Hessel P., Kinge J. M., Skirbekk V., Staudinger U. M.** Trends and determinants of the Flynn effect in cognitive functioning among older individuals in 10 European countries // Journal of Epidemiology & Community Health. 2018. Vol. 72. № 5. P. 1–7. Doi:10.1136/jech-2017-209979.
30. **Janssen S., Backes-Gellner U.** Occupational stereotypes and gender-specific job satisfaction: industrial relations // A Journal of Economy and Society. 2016. Vol. 55. № 1. P. 71–91.
31. **Johnson J. K., Sarkisian N., Williamson J. B.** Using a micro-level model to generate a macro-level model of productive successful aging // The Gerontologist. 2015. Vol. 55. № 1. P. 107–198.
32. **Jylhävä J., Pedersen N. L., Hägg S.** Biological age predictors // EBioMedicine. 2017. № 21. P. 29–36. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC5514388/> (дата обращения: 10.12.2018).
33. **Kajitani S.** Working in old age and health outcomes in Japan // Japan and the World Economy. 2011. Vol. 23. P. 153–162. DOI: 10.1016/j.japwor. 2011.06.001.
34. **Kocalevent R. D., Hinz A., Brahler E., Klapp B. F.** Determinants of fatigue and stress // BMC Research Notes. 2011. № 4. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC3148561/> (дата обращения: 08.01.2019). DOI: 10.1186/1756-0500-4-238.
35. **Kornadt A. E.** Do age stereotypes as social role expectations for older adults influence personality development? // Journal of Research in Personality. 2016. Vol. 60. P. 51–55.
36. **Kunze F., Boehm S., Bruch H.** Age, resistance to change, and job performance // Journal of Managerial Psychology. 2013. Vol. 28. № 7/8. P. 741–760.
37. **Luoh M. C., Herzog A. R.** Individual consequences of volunteer and paid work in old age: Health and mortality // Journal of Health and Social Behavior. 2002. № 43. P. 490–509.
38. **Maimaris W., Hogan H., Lock K.** The impact of working beyond traditional retirement ages on mental health: Implications for public health and welfare policy // Public Health Reviews. 2010. Vol. 31. P. 532–548.
39. **Marcora S. M., Staiano W., Manning V.** Mental fatigue impairs physical performance in humans // Journal of Applied Physiology. 2009. Vol. 106. № 3. P. 857–864. DOI: 10.1152/jappphysiol.91324.2008.
40. **Mills R. J., Young C. A., Pallant J. F., Tennant A.** Development of a patient reported outcome scale for fatigue in multiple sclerosis: The Neurological Fatigue Index (NFI-MS) // Health and Quality of Life Outcomes. 2010. Vol. 8 № 22. DOI: 10.1186/1477-7525-8-22.
41. **Montepare J. M., Lachman M. E.** You're only as old as you feel: self-perceptions of age, fears of aging, and life satisfaction from adolescence to old age // Psychology and Aging. 1989. Vol. 4. P. 73–78.
42. **Mowbrey D.** Strengthening personal resilience // Management Advisory Service. 2014. 24 p. URL: <http://www.mas.org.uk/uploads/artlib/strengthening-personal-resilience.pdf> (дата обращения 08.01.2019).
43. **Nakamura E., Miyao K.** Further evaluation of the basic nature of the human biological aging process based on a factor analysis of age-related physiological variables // The Journal of Gerontology. Series A. Biological sciences and medical sciences. Gerontological Society of America. 2003. Vol. 58. № 3. P. 196–204.
44. **Nelson T. D.** Ageism. Stereotyping and prejudice against older persons. Cambridge, MA: MIT Press, 2004. 388 p.
45. **Posthuma R. A.** Age stereotypes in the workplace: common stereotypes, moderators, and future research directions // Journal of Management. 2009. Vol. 35. № 1. P. 158–188.
46. **Rauschenbach C., Göritz A. S., Hertel C.** Age stereotypes about emotional resilience at work // Educational Gerontology. 2012. Vol. 38. P. 511–519.
47. **Rose C. L.** The measurement of social age // International Journal of Aging and Human Development. 1972. Vol. 3. № 2. P. 153–168.

48. **Schwarz J. F. A., Akerstedt T., Lindberg E., Gruber G., Fischer H., Theorell-Haglow J.** Age affects sleep microstructure more than sleep macrostructure // *Journal of Sleep Research*. 2017. Vol. 26. P. 277–287.
49. **Smarrt C., Medlin G., Patel V., Dewey M., Prince M., Hanlon C.** Fatigue as a manifestation of psychosocial distress in a low-income country: a population-based panel study // *Tropical Medicine and Public Health*. 2016. Vol. 21. № 3. P. 365–372.
50. **Snyder C. R., Lopez J., Pedrotti J. T.** Positive psychology. The scientific and practical explorations of human strengths. 2nd ed. Calif: SAGE, 2011.
51. **Staudinger U. M., Finkelstein R., Calvo E., Sivaramakrishnan K. A.** Global view on the effects of work on health in later life // *The Gerontologist*. 2016. Vol. 56. № 2. P. 281–292.
52. **Staudinger U. M.** Images of aging: outside and inside perspectives // *Annual Review of Gerontology and Geriatrics*. 2015. Vol. 35. № 1. P. 187–210.
53. **Stodd J.** The social leadership handbook. UK: London. The Printing House, 2016.
54. **Vo K., Forder P. M., Tavener M., Rodgers B., Banks E., Bauman A., Byles J. B.** Retirement, age, gender and mental health: findings from the 45 and Up Study // *Aging & Mental Health*. 2015. Vol.19. № 7. P. 647–657.
55. **Wong J. D., Shobo Y.** The moderating influences of retirement transition, age, and gender on daily stressors and psychological distress // *The International Journal of Aging and Human Development*. 2017. Vol. 85. № 1. P. 90–107.

References

1. **Dyrin S. P.** Multivariate organizational culture of modern Russian enterprises // *Corporate culture management*. 2009. № 1. P. 4–14.
2. **Zakharova L., Leonova I., Korobeynikova E.** Value conflict and psychological resilience of personnel at Russian enterprises. Nizhny Novgorod: NSU. 2017. 411 p.
3. **Zakharova L. N., Leonova I. S., Martyanova T. V.** Gender manifestations of socio-psychological age of the personnel in companies with organizational culture of different types // *Theoretical and Practical Aspects of Management*. 2018. № 7. P. 107–117.
4. **Cameron K. S., Quinn R. E.** Diagnosing and changing organizational culture. St. Petersburg: Peter, 2001. 320 p.
5. **Kitaev-Smyk L. A.** Psychology of stress: psychological anthropology of stress. M.: Academic project, 2009. 944 p.
6. **Kuznetsova L. B.** Stereotypes and prototypes in ethnocultural space of language // *Belgorod State University Scientific Bulletin. Series: Humanities*. 2015. T. 28. № 24 (221). P. 173–181.
7. About the retirement age and attitude to the idea to raise it // FOM. 04.06.2018. URL: <https://fom.ru/posts/14043> (date of request: 20.02.2019).
8. **Parsons T.** On the structure of social action. M.: Academic project, 2018. 435 p.
9. Pension reform // Levada Center. 05.07.2018 URL: https://www.levada.ru/2018/07/05/pensionnaya-reforma-3/?utm_source=mailpress&utm_medium=email_link&utm_content=twentyten_single-cat_20920&utm_campaign=2018-07-05T06:30:56+00:00 (date of request: 10.02.2019).
10. Raising the retirement age lowered the ratings of the authorities // «Commerzant» from 22.06.2018. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3667418>.
11. **Putin V. V.** President's message to the Federal Assembly. 2019. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957>
12. **Ryzhov B. N.** Systems periodization of the development. *Systems Psychology and Sociology*. 2012. № 5. URL: http://systempsychology.ru/journal/2012_5/85-ryzhov-bn-sistemnaya-periodizaciya-razvitiya.html (date of request: 20.02.2019).
13. **Ryzhov B. N.** Personality system structure // *Systems psychology and sociology*. 2017. № 23. URL: http://www.systempsychology.ru/journal/2017_23/443-ryzhov-b-n-sistemnaya-struktura-lichnosti.html. (Date of request 20.02.2019).
14. **Saraliev Z. H., Zakharova L. N., Leonova I. S.** Social and psychological age of women's staff as a latent phenomenon of organizational life // *Woman in Russian Society*. 2018. № 4. P. 100–110.
15. **Khachatryan A.** From human resource management to human capital management in companies // *Theoretical and Practical Aspects of Management*. 2015. № 4. P. 86–95.
16. **Schein E. H.** Organizational culture and leadership. SPb.: Peter, 2002. 532 p.
17. **Aronson E.** The social animal (11th ed.). New York: Worth/Freeman, 2011. 502 p.

18. **Aureli E., Baldazzi B.** Gender differences in the elderly population: different satisfaction levels in selected spheres of life // *Genus*. 2001. Vol. 57. № 2. P. 103–122.
19. **Avlund K.** Fatigue in older adults: an early indicator of the aging process? // *Aging Clinical and Experimental Research*. 2010. Vol. 22. № 2. P. 100–115.
20. **Baker L., Cahalin L., Gerst K., Burr J.** Productive activities and subjective well-being among older adults: The influence of number of activities and time commitment // *Social Indicators Research*. 2005. Vol. 73. P. 431–458. DOI: 10.1007/s11205-005-0805-6.
21. **Bellou V.** Organizational culture as a predictor of job satisfaction: the role of gender and age // *Career Development International*. 2010. Vol. 15. № 1. P. 4–19.
22. **Bowen C. E., Staudinger U. M.** Relationship between age and promotion orientation depends on perceived older worker stereotypes // *The Journals of Gerontology. Series B. Psychological Sciences and Social Sciences*. 2013. Vol. 68. P. 59–63.
23. **Cameron K. S.** Organizing Resilience // Cameron K. S., Dutton J. E., Quinn R. E. (eds). *Positive organizational scholarship: foundation of a new discipline*. San Francisco: Berett-Koehler Publishers, 2003. P. 94–110.
24. **Chui W. C. K., Chan A. W., Snape E., Redman T.** Age stereotypes against older workers // *SAGE Social Science Collections*. 2001. Vol 54. № 5. P. 629–661.
25. **Cooper G., Cartwright S., Robertson S.** Work environments, stress, and productivity: an examination using ASSET // *International Journal of Stress Management*. 2005. Vol. 12. № 4. P. 409–423.
26. **Cranwell-Ward J., Abbey A.** *Organizational stress*. UK: Palgrave Macmillan, 2005. 254 p.
27. **Eldadah B. A.** Fatigue and fatigability in older adults // *PM&R. The Journal of Injury, Function and Rehabilitation*. 2010. Vol. 2. № 5. P. 406–413.
28. **Fasbender U., Deller J., Wang M, Wiernik B. M.** Deciding whether to work after retirement: The role of the psychological experience of aging // *Journal of Vocational Behavior*. 2014. № 84. P. 215–224.
29. **Hessel P., Kinge J. M., Skirbekk V., Staudinger U. M.** Trends and determinants of the Flynn effect in cognitive functioning among older individuals in 10 European countries // *Journal of Epidemiology & Community Health*. 2018. Vol. 72. № 5. P. 1–7. Doi:10.1136/jech-2017-209979.
30. **Janssen S., Backes-Gellner U.** Occupational stereotypes and gender-specific job satisfaction: industrial relations // *A Journal of Economy and Society*. 2016. Vol. 55. № 1. P. 71–91.
31. **Johnson J. K., Sarkisian N., Williamson J. B.** Using a micro-level model to generate a macro-level model of productive successful aging // *The Gerontologist*. 2015. Vol. 55. № 1. P. 107–198.
32. **Jylhävä J., Pedersen N. L., Hägg S.** Biological age predictors // *EBioMedicine*. 2017. № 21. P. 29–36. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC5514388/> (date of request: 10.12.2018).
33. **Kajitani S.** Working in old age and health outcomes in Japan // *Japan and the World Economy*. 2011. Vol. 23. P. 153–162. DOI: 10.1016/j.japwor. 2011.06.001.
34. **Kocalevent R. D., Hinz A., Brahler E., Klapp B. F.** Determinants of fatigue and stress // *BMC Research Notes*. 2011. № 4. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC3148561/> (date of request: 08.01.2019). DOI: 10.1186/1756-0500-4-238.
35. **Kornadt A. E.** Do age stereotypes as social role expectations for older adults influence personality development? // *Journal of Research in Personality*. 2016. Vol. 60. P. 51–55.
36. **Kunze F., Boehm S., Bruch H.** Age, resistance to change, and job performance // *Journal of Managerial Psychology*. 2013. Vol. 28. № 7/8. P. 741–760.
37. **Luoh M. C., Herzog A. R.** Individual consequences of volunteer and paid work in old age: Health and mortality // *Journal of Health and Social Behavior*. 2002. № 43. P. 490–509.
38. **Maimaris W., Hogan H., Lock K.** The impact of working beyond traditional retirement ages on mental health: Implications for public health and welfare policy // *Public Health Reviews*. 2010. Vol. 31. P. 532–548.
39. **Marcora S. M., Staiano W., Manning V.** Mental fatigue impairs physical performance in humans // *Journal of Applied Physiology*. 2009. Vol. 106. № 3. P. 857–864. DOI: 10.1152/jappphysiol.91324.2008.
40. **Mills R. J., Young C. A., Pallant J. F., Tennant A.** Development of a patient reported outcome scale for fatigue in multiple sclerosis: The Neurological Fatigue Index (NFI-MS) // *Health and Quality of Life Outcomes*. 2010. Vol. 8 № 22. DOI: 10.1186/1477-7525-8-22.
41. **Montepare J. M., Lachman M. E.** You're only as old as you feel: self-perceptions of age, fears of aging, and life satisfaction from adolescence to old age // *Psychology and Aging*. 1989. Vol. 4. P. 73–78.
42. **Mowbrey D.** Strengthening personal resilience // *Management Advisory Service*. 2014. 24 p. URL: <http://www.mas.org.uk/uploads/artlib/strengthening-personal-resilience.pdf> (date of request: 08.01.2019).

43. **Nakamura E., Miyao K.** Further evaluation of the basic nature of the human biological aging process based on a factor analysis of age-related physiological variables // *The Journal of Gerontology. Series A. Biological sciences and medical sciences.* Gerontological Society of America. 2003. Vol. 58. № 3. P. 196–204.
44. **Nelson T. D.** Ageism. Stereotyping and prejudice against older persons. Cambridge, MA: MIT Press, 2004. 388 p.
45. **Posthuma R. A.** Age stereotypes in the workplace: common stereotypes, moderators, and future research directions // *Journal of Management.* 2009. Vol. 35. № 1. P. 158–188.
46. **Rauschenbach C., Göritz A. S., Hertel C.** Age stereotypes about emotional resilience at work // *Educational Gerontology.* 2012. Vol. 38. P. 511–519.
47. **Rose C. L.** The measurement of social age // *International Journal of Aging and Human Development.* 1972. Vol. 3. № 2. P. 153–168.
48. **Schwarz J. F. A., Akerstedt T., Lindberg E., Gruber G., Fischer H., Theorell-Haglow J.** Age affects sleep microstructure more than sleep macrostructure // *Journal of Sleep Research.* 2017. Vol. 26. P. 277–287.
49. **Smarrt C., Medlin G., Patel V., Dewey M., Prince M., Hanlon C.** Fatigue as a manifestation of psychosocial distress in a low-income country: a population-based panel study // *Tropical Medicine and Public Health.* 2016. Vol. 21. № 3. P. 365–372.
50. **Snyder C. R., Lopez J., Pedrotti J. T.** Positive psychology. The scientific and practical explorations of human strengths. 2nd ed. Calif: SAGE, 2011.
51. **Staudinger U. M., Finkelstein R., Calvo E., Sivaramakrishnan K. A.** Global view on the effects of work on health in later life // *The Gerontologist.* 2016. Vol. 56. № 2. P. 281–292.
52. **Staudinger U. M.** Images of aging: outside and inside perspectives // *Annual Review of Gerontology and Geriatrics.* 2015. Vol. 35. № 1. P. 187–210.
53. **Stodd J.** The social leadership handbook. UK: London. The Printing House, 2016.
54. **Vo K., Forder P. M., Tavener M., Rodgers B., Banks E., Bauman A., Byles J. B.** Retirement, age, gender and mental health: findings from the 45 and Up Study // *Aging & Mental Health.* 2015. Vol.19. № 7. P. 647–657.
55. **Wong J. D., Shobo Y.** The moderating influences of retirement transition, age, and gender on daily stressors and psychological distress // *The International Journal of Aging and Human Development.* 2017. Vol. 85. № 1. P. 90–107.

УДК 159.9

DOI 10.25688/2223-6872.2019.30.2.05

БОРИС ФЕДОРОВИЧ ЛОМОВ — УЧЕНЫЙ, СТАВШИЙ ВОПЛОЩЕНИЕМ СВОЕГО ВРЕМЕНИ

Е. С. Романова,

Б. Н. Рыжов,

МГПУ, Москва,

RomanovaES@mgpu.ru,

RyzhovBN@mgpu.ru

Стремительное развитие космических и военных технологий во второй половине двадцатого столетия вызвало необходимость разработки новых научных подходов, которые позволили бы рассматривать человека и машину как единую систему. Своевременный ответ на поставленные временем вопросы был предложен выдающимся российским исследователем Борисом Федоровичем Ломовым, тридцатилетие памяти которого отмечается в этом году (1927–1989). В 1963 году вышла книга Б. Ф. Ломова «Человек и техника (очерки инженерной психологии)» — фактически первая в стране монография по инженерной психологии. В этой, не потерявшей актуальности до наших дней работе были представлены теоретические основы взаимодействия человека и автоматизированных средств управления различными техническими процессами и намечена программа дальнейшего развития этого направления.

Б. Ф. Ломов предложил новую концептуальную модель психологии, в основе которой лежит ряд принципов, составляющих ядро системного подхода. В их числе признание многомерности, многоплановости, многоуровневого характера и системной детерминации психических явлений. Впервые эти принципы Ломов изложил в своей статье «О системном подходе в психологии» (1975). В дальнейшем он существенно развил и расширил их, реализовав идеи системного подхода в монографии «Методологические и теоретические проблемы психологии» (1984).

Многогранный талант Б. Ф. Ломова проявился в организации экспериментальных исследований в области общей, педагогической, инженерной психологии, психологии управления и внедрении результатов этих исследований в практику. Он стоял у истоков ряда новых направлений российской психологии, прежде всего инженерной психологии, психологии управления, космической психологии. Важным вкладом в развитие российской психологии стало создание Б. Ф. Ломовым одного из первых в стране психологических факультетов Ленинградского (Санкт-Петербургского) университета в 1966 году, а также ведущего научного психологического центра страны — Института психологии Академии наук СССР (ныне — Российской академии наук).

Ключевые слова: Б. Ф. Ломов; инженерная психология; системный подход в психологии; организационная психология; системная психология; психологический факультет Ленинградского (Санкт-Петербургского) университета; Институт психологии Российской академии наук.

Для цитаты: Романова Е. С., Рыжов Б. Н. Борис Федорович Ломов — ученый, ставший воплощением своего времени // Системная психология и социология. 2019. № 2 (30). С. 53–65. DOI: 10.25688/2223-6872.2019.30.2.05

Романова Евгения Сергеевна, доктор психологических наук, профессор, исполняющий обязанности директора Института психологии, социологии и социальных отношений Московского городского педагогического университета, заведующий кафедрой общей и практической психологии Института психологии, социологии и социальных отношений Московского городского педагогического университета, Москва.

E-mail: RomanovaES@mgpu.ru

© Романова Е. С., Рыжов Б. Н., 2019

Рыжов Борис Николаевич, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой педагогической, возрастной и социальной психологии Института психологии, социологии и социальных отношений Московского городского педагогического университета, Москва.

E-mail: RyzhovBN@mgpu.ru

BORIS FEDOROVICH LOMOV — A SCIENTIST WHO BECAME THE EMBODIMENT OF HIS TIME

E. S. Romanova,

B. N. Ryzhov,

MCU, Moscow,

RomanovaES@mgpu.ru,

RyzhovBN@mgpu.ru

The rapid development of space and military technologies in the second half of the XXth century caused the development of new scientific approaches that allow to consider the human and machine as a single system. The timely answer to the challenge of time was proposed by outstanding Russian scientist Boris Fedorovich Lomov, and this year is marked by the thirtieth anniversary from the day he passed away (1927–1989). The book «The human and technologies (essays on engineering psychology)» by B. F. Lomov was published in 1963, and this book in fact was the country's first monograph on engineering psychology. Remaining relevant, this book presented the theoretical foundations of the human interactions with technologies and other automated tools for technical process management, and also a program for further development of this direction was outlined.

A new conceptual model of psychology, based on a number of principles, that form the core of the system approach was proposed by Lomov B. F. Among them there were the following principles: a multidimensionality, diversity, multi-level nature and system determination of mental phenomena. These principles were set out for the first time in B. F. Lomov's article «On the system approach in psychology» (1975). Later he significantly developed and expanded the ideas of the system approach in the monograph «Methodological and theoretical problems of psychology» (1984).

The multifaceted talent of B. F. Lomov appeared in the organization of experimental studies in the field of general, pedagogical, engineering psychology, management psychology and the implementation of the results of these studies in practice. He was at the origin of a number of new areas of psychology in Russia such as engineering psychology, psychology of management, space psychology. An important B. F. Lomov's contribution to the development of Russian psychology was the creation of the country's first Psychological faculty of Leningrad University (St. Petersburg) in 1966, as well as the country's leading scientific psychological center — the Institute of psychology of Academy of Sciences of the USSR (now it is the Russian Academy of Sciences).

Keywords: B. F. Lomov; engineering psychology; system approach in psychology; organizational psychology; system psychology; Psychological faculty of Leningrad University (St. Petersburg); Institute of psychology of the Russian Academy of Sciences.

For citation: Romanova E. S., Ryzhov B. N. Boris Fedorovich Lomov — a scientist who became the embodiment of his time // Systems Psychology and Sociology. 2019. № 2 (30). P. 53–65. DOI: 10.25688/2223-6872.2019.30.2.05

Romanova Evgeniya Sergeevna, Doctor of Psychological Sciences, Professor, Acting director of the Institute of Psychology, Sociology and Social Relations at the Moscow City University, Head of the Department of General and Practical Psychology at the Institute of Psychology, Sociology and Social Relations of the Moscow City University, Moscow, Russia.

E-mail: RomanovaES@mgpu.ru

Ryzhov Boris Nikolayevich, Doctor of Psychological Sciences, Professor, Head of the Department of Pedagogical, Developmental and Social Psychology at the Institute of Psychology, Sociology and Social Relations of the Moscow City University, Moscow, Russia.

E-mail: RyzhovBN@mgpu.ru

Введение

Вторая половина XX века поставила перед психологией две важнейшие задачи. Одна из них по своей сути была совершенно новая и напрямую диктовалась требованием времени; вторая — напротив, была традиционной для этой науки. Первой задачей была взаимная адаптация человека и новой военной техники, чей прогресс шел в годы холодной войны с ошеломляющей скоростью, определяя судьбу всего человечества. Второй задачей было построение адекватной накопленным фактам психологической теории. Отсутствие решения этой, извечной для психологии, задачи неизбежно тормозило решение первой важнейшей задачи и потому приобретало особую, почти государственную важность. Решением обеих задач предстояло заняться одному человеку — Борису Федоровичу Ломову.

Человек и техника

По свидетельству близких, Б. Ф. Ломов заинтересовался психологией еще в школе и, поступив на психологическое отделение философского факультета Ленинградского (Санкт-Петербургского) государственного университета, успешно окончил его в 1951 году, получив редкое в то время образование психолога. Его учителем в университете был видный деятель отечественной науки Б. Г. Ананьев. Уже в студенческие годы Ломов начал заниматься научной работой, уделяя особое внимание проблеме психической регуляции трудовых действий. После защиты кандидатской диссертации в 1959 году организовал в Ленинградском университете первую в стране лабораторию инженерной психологии. Целью работы этой лаборатории стало изучение деятельности человека в системах контроля и управления сложными техническими устройствами.

Для того чтобы понять, насколько актуальным было это направление работ, необходимо вспомнить международную обстановку на рубеже 1950–1960-х годов. Это было время самого жесткого противостояния советского и западного военных блоков. Геополитические столкновения сверхдержав, наиболее ярко проявившие

себя в Берлинском (1961)¹ и Карибском (1962) кризисах, следовали буквально друг за другом, и каждый из этих кризисов вплотную подводил мир к грани Третьей мировой войны.

Масштабы грядущей катастрофы сомнений не вызывали: Соединенные Штаты Америки разместили вокруг нашей страны десятки военных баз, на которых находились в постоянной боевой готовности многие сотни тяжелых бомбардировщиков, укомплектованных термоядерными бомбами, каждая из которых в десятки и сотни раз превосходила по мощности бомбу, уничтожившую Хиросиму. В случае начала войны эта сила должна была в течение нескольких часов превратить в ядерный пепел все крупные и средние города СССР с большей частью их жителей.

Советский Союз также демонстрировал свои возможности: полет Юрия Гагарина 12 апреля 1961 года, кроме всего прочего, зримо показал, что и американские города защищены от ядерного ответа ничуть не лучше, чем советские. А чем может быть такой ответ, показал произведенный 30 октября 1961 года испытательный взрыв советской супербомбы, в три тысячи раз превзошедшей по мощности хиросимскую. Сейсмическая волна от этого взрыва три раза обогнула земной шар, а взрывная волна выбила стекла в 720 километрах от его эпицентра.

В этой беспрецедентной по напряженности обстановке все силы науки должны были быть обращены к нуждам обороны. И психология отнюдь не составляла исключение. Тем более что новая техника постоянно ставила перед разработчиками вопросы, на которые могли ответить только психологи. Например, статистика летных происшествий в военной авиации ясно свидетельствовала о том, что 80 % аварий происходит по вине человеческого фактора, при том что собственно медицинские показатели пилотов не выходили за пределы нормы. Исследования по инженерной психологии в этом отношении составляли наиболее фундаментальный уровень решения проблемы, поскольку позволяли установить принципиальные особенности

¹ Именно тогда, 13 августа 1961 года, была возведена знаменитая Берлинская стена.

и ограничения переработки информации человеком как в обычных, так и экстремальных условиях деятельности.

Своевременным ответом на поставленные вопросы стала вышедшая в 1963 году книга Ломова «Человек и техника (очерки инженерной психологии)» — фактически первая в нашей стране монография по инженерной психологии [8]. В этой, не потерявшей актуальности до наших дней, книге были представлены теоретические основы взаимодействия человека и автоматизированных средств управления различными техническими процессами и намечена программа дальнейшего развития этого направления. В основу этой программы был положен антропологический подход, в котором человек рассматривался как центральное звено в системе управления, субъекта и организатора процесса труда [7]. По мнению Ломова, человека нельзя рассматривать как копию машины, наоборот, при разработке машин следует моделировать различные стороны его деятельности, учитывая, что механизмы, лежащие в основе приема и переработки информации, у человека и машины принципиально различны [8]. В связи с этим при разработке технических устройств и в процессе их эксплуатации необходимо учитывать знания о психологических возможностях человека. Им были предложены методы повышения производительности труда на основе этих знаний и указывалось на важность учета эмоционального фактора для оптимизации психической работоспособности человека.

Вместе с тем «Человек и техника» содержала исчерпывающий на тот момент анализ психофизиологических характеристик человека-оператора, представляя собой энциклопедию почерпнутых из отечественных и иностранных источников знаний о реакциях человека на стимулы различной интенсивности и модальности, а также о характеристиках человека как важнейшего звена информационной системы «человек – машина». Особое место в книге занимали вопросы создания нового поколения технических устройств, в конструкции которых изначально были бы учтены психологические и психофизиологические возможности управляющего этими устройствами человека.

Превосходная и своевременная книга Ломова обратила внимание на молодого исследователя не только его коллег-психологов, но и специалистов военно-промышленного комплекса, прежде всего создателей космической техники, в немалой мере определив его дальнейшую научную судьбу.

Психологический факультет Ленинградского университета

Между тем время ставило новые задачи. Успехи советской ядерной и ракетно-космической программ ошеломили весь мир, но особенно потрясено было западное общество, которое во все времена смотрело на Россию как на отсталую в технологическом отношении страну. И вдруг такой успех именно в самых высокотехнологических областях. Еще недавно, после первого испытания советского ядерного устройства в 1949 году, многие не без основания считали, что этим достижением СССР во многом обязан своей разведке, сумевшей добыть американские атомные секреты. Но теперь, в начале 1960-х, уже никто не сомневался, что весь путь создания термоядерных и космических технологий — от зарождения идеи до ее окончательного воплощения в промышленном серийном производстве — Советский Союз прошел полностью самостоятельно.

Более того, теперь США вынуждены были использовать потенциал вчерашнего противника. Впервые оказавшись в положении догоняющего, руководство страны в 1960 году назначило директором Центра космических полетов NASA бывшего штурмбаннфюрера СС² Вернера фон Брауна³, создателя знаменитых ракет Фау-2, которыми германские войска обстреливали Лондон и другие города Европы.

В начале 1960-х многие, в том числе президент США Джон Кеннеди, не раз вспоминали замечание другого выдающегося немца, «железного» канцлера Отто фон Бисмарка:

² Звание, соответствующее майору вермахта.

³ В 1969 году, благодаря созданной фон Брауном ракете «Сатурн-5», американские астронавты впервые высадились на Луну.

«Войну выигрывают не генералы, а школьные учителя». Трудно было не согласиться с тем, что одной из важнейших причин советских технических успехов является превосходная система образования, созданная в стране еще в 1930-е годы и получившая новый мощный импульс развития в конце 1940-х – начале 1950-х годов. Теперь эта система явно приносила плоды, а нарастающая гонка вооружений с неизбежностью должна была затронуть всю сферу образовательной деятельности. В короткий срок в целом ряде престижных университетов США было разработано много новых программ по связанным с военно-промышленным комплексом специальностям. На эти специальности привлекали наиболее способных студентов, быстро совершенствовалась лабораторная база.

Если в США модернизация затронула главным образом подготовку специалистов в области точных наук, то в СССР, напротив, нововведения были направлены на преподавание гуманитарных дисциплин, ранее находившихся под весьма строгим идеологическим контролем. В середине 1960-х годов новое советское руководство демонстрировало более гибкий подход к вопросам управления высшей школой. Частью проводимых реформ стала реорганизация психологического образования.

Понимание важности, а иногда и первоочередности для успешного использования современной военной техники продуманной системы инженерно-психологического проектирования и сопровождения этой техники от стадии разработки до боевого применения очевидно требовало слаженной работы больших коллективов специалистов. Однако подготовка таких специалистов в стране фактически отсутствовала. По сложившейся практике, в университетах психологи учились на философских факультетах, получая образование, часто весьма далекое от нужд оборонной промышленности. Альтернатива такому порядку вещей состояла в создании отдельных факультетов психологии.

В 1966 году в двух ведущих университетах страны — Московском и Ленинградском — были созданы первые в СССР факультеты психологии. Организаторами

психологического факультета Ленинградского (ныне Санкт-Петербургского) государственного университета стали Б. Г. Ананьев и его ученик Б. Ф. Ломов. В этом же году Борис Федорович Ломов, которому не исполнилось еще и 40 лет⁴, становится первым деканом этого факультета.

В состав факультета вошли две уже существовавшие кафедры: кафедра педагогики, организованная еще в 1851 году и имевшая традиции научных школ И. М. Сеченова и И. П. Павлова, и кафедра общей психологии, которой заведовал начиная с 1944 года сам Борис Герасимович Ананьев. Кроме того, на факультете были организованы две новые кафедры: эргономики и инженерной психологии на базе лаборатории индустриальной психологии, созданной Б. Ф. Ломовым в 1959 году, и кафедра социальной психологии на базе лаборатории социальной психологии, созданной Е. С. Кузьминым в 1962 году.

Научная и учебно-методическая концепция факультета разрабатывались Б. Г. Ананьевым и Б. Ф. Ломовым совместно с такими видными деятелями науки, как В. Н. Мясищев, Е. С. Кузьмин, А. В. Ярмоленко и другие. В основу концепции были положены идеи В. М. Бехтерева о необходимости комплексного рефлексологического подхода к изучению личности, а также научный подход Б. Г. Ананьева [1], в котором он теоретически и экспериментально обосновал пути целостного изучения человека как феномена природы и общества. Вместе с тем факультет разворачивал большой фронт необходимых стране практических исследований, главную часть которых составляло возглавляемое Ломовым направление инженерно-психологических работ. В этот период ярко проявились выдающиеся организационные и творческие способности Б. Ф. Ломова, а возглавляемый им факультет в короткое время стал известен как один из самых передовых учебных и научных центров страны.

⁴ Согласно системной периодизации развития [15], всего лишь два года назад у него завершилась эпоха молодости и он вступил в эпоху зрелого возраста.

Борис Федорович Ломов в 1970-е годы

В Москве

В быстро меняющейся обстановке середины 1960-х годов деятельность Б. Ф. Ломова на посту декана психологического факультета Ленинградского университета оказалась непродолжительной. Способного ученого и организатора приглашают в Москву, где он в 1967 году возглавляет отдел науки Министерства просвещения СССР и одновременно руководит лабораторией сенсорных процессов в созданном Г. И. Челпановым Психологическом институте (тогда — Научно-исследовательском институте общей и педагогической психологии Академии педагогических наук СССР). В 1968 году Ломов становится президентом Общества психологов СССР. Организует проведение всесоюзных съездов этого общества, на которых определяются основные направления по развитию психологической науки в стране.

Его академическая карьера идет в гору. Однако Ломов, возможно, лучше других видит самое узкое место отечественной психологии — недостаточность ее исследовательской, экспериментальной базы. В американских университетах традиционно идет не только подготовка студентов, но проводятся масштабные научные исследования, для чего университеты создают лаборатории, оснащенные самым современным оборудованием.

Сотрудниками этих лабораторий, или фактически национальных научных центров, часто являются ученые с мировым именем, для которых главный вид деятельности — фундаментальные или прикладные исследования, а не преподавательская работа.

В нашей стране иные традиции. Начиная с 1930-х годов здесь была создана сеть академических и ведомственных научно-исследовательских институтов (НИИ), в которых и осуществлялась основная масса научных исследований. Работа во многих отраслевых НИИ проводилась по секретным направлениям, и молодые специалисты могли оказаться в этих научных центрах и познакомиться с состоянием проводимых там работ только после окончания университета или специализированного учебного института. При этом сами университеты и учебные институты тогда, как и сейчас, были почти исключительно сосредоточены на учебной деятельности⁵. Это общее правило.

Применительно же к психологии, и тем более к инженерной психологии, ситуация предстает менее удовлетворительной. С одной стороны, в стране созданы первые факультеты психологии; работает старейший в нашей стране Психологический институт в Москве. С другой — ведомственная подчиненность этого института Академии педагогических наук и связанное с этим основное, психолого-педагогическое направление его деятельности затрудняют его использование для проведения необходимых стране инженерно-психологических и эргономических работ. Не подходит на роль национального центра инженерной психологии и эргономики и психологический факультет Московского университета, большая часть создателей которого — А. Н. Леонтьев, А. Р. Лурия, Б. В. Зейгарник, П. Я. Гальперин и другие — являются признанными специалистами в других направлениях психологической науки. Правда, в некоторых военных НИИ есть группы, которые

⁵ Исключение составляли лишь несколько передовых технических институтов, таких как Московский физико-технический институт (МФТИ), МВТУ им. Баумана и других, выпускники которых в основном и обеспечили фантастический научно-технологический прорыв предшествующих лет.

весьма успешно работают над инженерно-психологическими проблемами в своих областях, но секретный характер их деятельности таков, что даже коллеги весьма мало знают о конкретных результатах этих работ.

Альтернативу сложившемуся положению дел, так же как и несколькими годами ранее при создании первых факультетов психологии, Ломов видел в создании нового Института психологии, целью которого будет развитие наиболее современных направлений психологической науки и решение фундаментальных и прикладных задач инженерной психологии. Разумеется, это была непростая задача, были сомневающиеся, были и маститые конкуренты. И тем не менее цель вновь была достигнута: в декабре 1971 года был создан Институт психологии Академии наук СССР и его основателем и первым директором стал Борис Федорович Ломов.

Институт психологии Академии наук СССР

Предложенная Ломовым стратегия развития Института базировалась на целостном подходе к изучению психики, сочетании фундаментальных и практически-ориентированных исследований. В структуре института были представлены все уровни психического — от биологических основ человека до философских проблем. В 1972 году в новый институт перешел сектор философских проблем психологии из Института философии Академии наук СССР под руководством Е. В. Шороховой. В этом же году стали создаваться новые научные подразделения института, которые включали лаборатории, занимающиеся проблемами общей психологии, психофизики, математической психологии, психологии труда, инженерной психологии.

В институте была организована работа семинаров для выступления работников всех лабораторий, подготавливались экспериментальные комплексы. Обаяние личности ученого привлекало к нему сотрудников и учеников, которые отмечали особое — ломовское — поле притяжения при общении с ним.

Особую роль в тематике работ института принадлежала экспериментальным исследованиям деятельности космонавтов. Эти работы институт осуществлял в кооперации с ведущими центрами изучения деятельности космонавтов, такими как НИИ авиационной и космической медицины, Институт медико-биологических проблем МЗ СССР, Центр подготовки космонавтов имени Ю. А. Гагарина. Для разработки проблем космической психологии в институте была организована лаборатория специальных прикладных проблем.

В начальном периоде работы, в 1973–1976-е годы, институт принял участие в серии баро- и сурдокамерных экспериментов на базе НИИ космической и авиационной медицины, позволявших моделировать на земле отдельные факторы реального космического полета. Значительную часть психологических, психофизических и психофизиологических исследований в этих экспериментах выполняли сотрудники лаборатории специальных прикладных проблем. Исследование носило комплексный характер, участниками экспериментов выступали как специально подготовленные испытуемые-добровольцы, так и члены отряда космонавтов. Кураторами работ со стороны института были заместитель Б. Ф. Ломова и его ближайший помощник, заведующий лабораторией психофизики Ю. М. Забродин и заведующий лабораторией математической психологии В. Ю. Крылов.

Основными задачами этого периода были разработка математических методов для оценки качества деятельности космонавтов в условиях космического полета; изучение слуховой чувствительности человека в условиях шума разной интенсивности; разработка психофизиологических критериев для оценки работоспособности, надежности космонавта.

В дальнейшем для исследования психологических аспектов подготовки космонавтов к полетам в Институте психологии была создана собственная экспериментальная лаборатория, где моделировалась деятельность и некоторые условия космического полета. Материальной базой лаборатории стала специально оборудованная для проведения исследований яхта на Ладожском озере. На ней был установлен автоматизированный

Б. Ф. Ломов в 1982 году на юбилее заместителя директора ИП АН Е. В. Шороховой.
Справа налево: Б. Ф. Ломов, Е. В. Шорохова, ученый секретарь Общества психологов СССР Е. С. Романова

экспериментальный комплекс (АЭК) «Амфитон». В условиях качки, позволявшей моделировать некоторые вестибулярные эффекты полета, с использованием реального пульта управления космическим кораблем проводились исследования различных режимов управления полетом, а также неожиданных сбоев в бортовых системах корабля. Изучалась также совместная деятельность экипажа корабля [3].

Итогом работ стало определение механизмов психической регуляции деятельности и функциональных состояний космонавтов в разных режимах управления, а также изменений в психологической структуре деятельности при принятии решений в ситуациях сбоя в бортовых системах. Кроме того, были изучены изменения психических образов, которые возникают при режимах ручного сближения космического корабля с орбитальной станцией и результаты изменений деятельности человека в экстремальных условиях. Все это послужило основой для составления рекомендаций по совершенствованию системы профессионального обучения космонавтов на тренажерах, использованию новых психологических методов анализа и оценки деятельности космонавтов во время тренировок.

В 1980-е годы институт продолжил исследования деятельности космонавтов в кооперации с Институтом медико-биологических

проблем Министерства здравоохранения СССР. В серии экспериментов, проведенных на базе лабораторий института, изучались психологические эффекты различных режимов труда и отдыха космонавтов в полете, в том числе эффекты инвертированного и сокращенного суточных режимов в течение месяца, режима непрерывной деятельности экипажа в течение четырех суток как модели работы в случае аварии бортовых систем жизнеобеспечения. Результаты проведенных работ имели ценное теоретическое и практическое значение для прогноза эффективности космонавта при внештатных ситуациях на борту корабля.

Энергичная деятельность Б. Ф. Ломова и созданного им института привела к определенному смещению приоритетов советской психологии. Если для периода 1950–1960-х годов наиболее важными оставались психофизиологическое, психолого-педагогическое и опирающееся на принципы марксистской философии теоретико-методологическое направления, то теперь вместе с ними, а иногда и заслоняя их, выступала ориентированная на оборонные нужды страны инженерная психология.

В составе исследовательских коллективов, работавших над оборонной психологической тематикой, наряду с профессиональными психологами большую роль играли

представители других специальностей: военные, врачи, инженеры. Многие из них, как, например, Ф. Д. Горбов, П. Я. Шлаен, В. А. Пономаренко, не только руководили научными лабораториями, центрами и институтами, но и возглавили целые направления внутри инженерной психологии и психологии экстремальных профессий. С ними в психологию пришли более простой и ясный язык и зачастую более конкретный и прагматичный образ мысли.

Нельзя обойти молчанием и тот факт, что все эти процессы далеко не всегда воспринимались позитивно представителями традиционных для советской психологии направлений. Особенно заметно было неприятие деятельности «питерских варягов» в московской академической среде. «Где здесь психология?» — недоумевал, перелистывая испещренную математическими формулами инженерно-психологическую работу, один очень уважаемый представитель этой среды. Другой московский профессор, блестящий лектор и великолепный полемист, на лекции в Московском университете замечал: «А зачем вообще инженеру идти в психологию? Хороший инженер будет работать по своей специальности. А вот у кого эта специальность не задалась, тот будет искать удачи на стороне и, придя в психологию, пойдет по ней как танк, сметая все на пути». Выступая в Ленинградском университете, Ломов отвечал своим оппонентам: «До сих пор у нас были только “Вопросы психологии”⁶, мы будем издавать ответы психологии!». Студенческая аудитория взрывалась аплодисментами.

Системный подход в психологии

Смысл возникших противоречий был значительно глубже столкновения корпоративных амбиций. В определенной мере это было противоречие двух путей развития психологической науки. В последней трети XX века в США и Западной Европе складывалось все

более скептическое отношение к возможности построения всеобъемлющей психологической теории. Судьба многочисленных школ и теорий психологии предшествующего времени заставляла усомниться в возможности построения такой теории в ближайшем будущем. Критерием научной значимости исследования стали практический эффект и статистическая обоснованность полученных результатов.

В то же время советская психология, опираясь на принципы исторического материализма и творческое наследие Л. С. Выготского, по-прежнему стремилась к построению фундаментальной теоретической концепции. Весомым вкладом в этом отношении служили теоретические конструкции учеников Выготского: теория деятельности А. Н. Леонтьева, теория периодизации развития ребенка Д. Б. Эльконина, теория поэтапного формирования умственных действий П. Я. Гальперина.

Оба пути развития науки содержали существенные ограничения. Эмпирический путь, по которому шла американская психология, был весьма узок в своих прогностических возможностях, поскольку, не претендуя на раскрытие сущностных закономерностей психологических явлений, он позволял лишь констатировать отдельные факты в конкретных условиях исследования. Изменение этих условий в большинстве случаев было сопряжено с необходимостью нового эмпирического исследования. Кроме того, сам выбор предметов психологического анализа находился в полной зависимости от субъективных предпочтений исследователя, позволяя практически бесконечно умножать перечень изучаемых явлений.

У советской психологии были свои трудности. Между ее философским основанием и практическими технологиями лежало слишком большое пространство. Работы Выготского и его учеников смогли заполнить это пространство лишь частично и лишь на узком направлении, главным образом связанном с психолого-педагогической проблематикой. При проведении инженерно-психологических исследований советские психологи в основном вынуждены были использовать зарубежный опыт.

В этой ситуации Б. Ф. Ломов не отказывается от базовых принципов советской

⁶ Издававшийся с 1955 года в Москве Академией педагогических наук журнал «Вопросы психологии» был до 1977 года единственным психологическим журналом в СССР.

психологии и не изменяет своей приверженности добиваться ясных, нужных стране практических решений. Вновь, как уже не раз было в его судьбе, он выбирает свой путь, позволяющий не только встать над текущими противоречиями, но и дающий возможность всей психологической науке выйти из затяжного методологического тупика. Этот путь получит название «системный подход».

В 1960–1970-е годы системные идеи были очень популярны в научной среде, привлекающая внимание философов, физиков, биологов и представителей многих других наук. Среди системных концепций того времени особая роль принадлежала общей теории систем Людвиг фон Берталанфи. Хотя ее отдельные положения не раз уже были высказаны ранее, именно Берталанфи удалось убедить мир в том, что в основе всех явлений природы лежат общие системные закономерности, что особенностью живых систем является их открытый характер, предполагающий заимствование материальных объектов из внешней среды, и, наконец, что может быть разработан универсальный математический аппарат, позволяющий описать состояния самых различных систем.

Отталкиваясь от этих общих положений, Ломов предлагает концептуальную модель психологии, в основе которой лежит ряд принципов, составляющих ядро системного подхода. В их числе признание многомерности, многоплановости, многоуровневого характера и системной детерминации психических явлений [14]. Впервые эти принципы Ломов изложил в своей статье «О системном подходе в психологии» [10]. В дальнейшем он существенно развил и расширил их, реализуя идеи системного подхода в монографии «Методологические и теоретические проблемы психологии» [9].

С позиций этого подхода Ломов разработал принцип активного оператора, который стал классикой отечественной инженерной психологии. Применение этого принципа в авиационной технике показало преимущество полуавтоматических режимов управления, что позволило существенно повысить надежность создаваемых аппаратов. Полученные результаты исследований механизмов

регулирующей роли образа в деятельности отражены им в совместной с Н. Д. Заваловой и В. А. Пономаренко монографии «Образ в системе психической регуляции деятельности» [6].

С этих же позиций Ломов начал разработку психологии управления или организационной психологии. Его идеи о том, что управленческая деятельность должна носить коллективный характер и поэтому коллектив является еще и субъектом управления, актуальны и сегодня.

По мнению Ломова, важнейшая функция психологии в общей системе научного знания состоит в том, что она интегрирует большинство научных дисциплин, объектом исследования которых является человек. В связи с этой позицией он предлагал, наряду с решением производственных проблем, проводить психологические исследования распределения продуктов труда и их потребления. Он считал, что необходимо изучать закономерности развития потребностей человека в их зависимости от закономерностей развития общества, рассматривать формирование культуры потребления. Реалии современного общества показали, что недостаточное внимание к этим проблемам приводит к социальной напряженности в обществе [7; 16].

Ломов предложил концепцию психологического исследования личности, в которой личность включена в систему общественных связей и отношений. По его мнению, психология должна раскрывать психологический склад личности, ее внутренний и духовный мир через анализ ее деятельности. Он предлагал рассматривать личность как системно организованную целостность и считал, что психические свойства личности нужно рассматривать как элементы системы общества. Именно анализ отношения «индивид – общество» может помочь раскрыть особенности человека как личности, которая в системе общественных отношений выступает как активный субъект [9]. Таким образом, он развил и конкретизировал принцип социальной обусловленности личности системой общественных отношений [2; 4].

С системных позиций Ломов рассматривал также проблемы общения, считая,

что коммуникация — это форма активности человека, которая входит в категорию жизнедеятельности наряду с деятельностью и познанием. Оно относится к форме *субъектно-субъектных отношений*, которые нужно рассматривать с точки зрения общепсихологического подхода во взаимосвязи с различными сторонами целостной жизнедеятельности. В Институте психологии Ломовым было организовано экспериментальное изучение проблем общения в условиях активного взаимодействия субъектов. Впоследствии на основе полученных данных и с опорой на теоретические положения Б. Ф. Ломова об активном взаимодействии субъектов А. Л. Журавлевым была разработана психологическая концепция совместной деятельности. Результаты исследований проблем общения были представлены в работах Ломова и его учеников [11–13].

Эпилог

Жизнь Б. Ф. Ломова была не только неразрывно связана с его эпохой, но и почти удивительным образом отражала судьбу страны. Он родился в 1927 году, в тот год, когда на XV съезде партии большевиков были приняты директивы по составлению первого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР, ставшие началом создания мощнейшей производственной базы, которая всего через десять лет по всем основным показателям займет второе место в мире. Он вступил во взрослую жизнь восемнадцатилетним юношей в 1945 году, когда после победного окончания Второй мировой войны могущество страны распространилось на огромное пространство — от самого центра Европы до Тихого океана. Его молодость совпала с началом технологического перевооружения страны и ее величайшим научным триумфом — началом освоения космоса. Созданием необходимой для развития страны психологической науки он будет заниматься до конца своих дней.

Однако политическая система Советского Союза, как и любая другая политическая система, имела множество уязвимостей. Одна из них заключалась в том, что успешно развиваться система могла лишь при наличии

мощного центростремительного импульса. Когда этот импульс ослабевал, темп развития замедлялся и начинали обнаруживаться центробежные тенденции. Ломов стал свидетелем того, как в конце 1980-х годов все стороны жизни советской системы оказались захвачены вихрем распада. Свертывались научные исследования, вместо них в институтах шла «перестройка», направленная на дискредитацию научных авторитетов.

Борис Федорович Ломов прожил всего 62 года. Его не стало 11 июля 1989 года, в последний год существования мирового социалистического лагеря, через пять месяцев после того, как советские войска были выведены из Афганистана, за четыре месяца до падения Берлинской стены и за два года до развала великой страны, которой он служил всю жизнь.

Заключение

XXI век создал новые приоритеты для отечественной психологии. Сегодня психологическое консультирование и психотерапевтические практики привлекают значительно большее внимание чем инженерная психология и поиск фундаментальных основ психологической науки. Тем не менее предложенный Б. Ф. Ломовым системный подход и его современные модификации [5; 15] остаются одной из методологических основ большинства современных российских психологических исследований. Другим признаком времени стало несопоставимым образом возросшее число студентов психологических специальностей. Только в Москве их подготовкой занимается много десятков учебных заведений. Однако два первых психологических факультета страны, созданных в Московском и Ленинградском (Санкт-Петербургском) университетах более полувека назад, до сих пор продолжают считаться лучшими в стране. Неизменной остается научная роль двух научных институтов — Психологического института Российской академии образования и Института психологии Российской академии наук. Два из этих четырех наиболее престижных российских центров психологической науки и образования созданы выдающимся русским психологом Борисом Федоровичем Ломовым.

Литература

1. **Ананьев Б. Г.** Человек как предмет познания. СПб.: Питер, 2016. 288 с.
2. **Барабанщиков В. А.** Системный подход в психологии // Вопросы психологии. 2007. № 2. С. 145–151.
3. **Дикая Л. Г.** Вклад Института психологии Российской академии наук в развитие космической психологии // Национальный психологический журнал. 2011. № 1. С. 78–84.
4. **Журавлев А. Л.** Вклад Б. Ф. Ломова в разработку психологической концепции совместной деятельности // Первые международные Ломовские чтения: тезисы докладов. М.: Ин-т психологии АН СССР, 1991. С. 219–222.
5. **Карпов А. В.** Метасистемная организация уровневых структур психики. М.: Институт психологии РАН, 2004, 504 с.
6. **Костин А. Н.** Автоматизация в пилотируемой космонавтике: проблемы и социально-психологические детерминанты // Национальный психологический журнал. 2011. № 1. С. 85–89.
7. **Кольцова В. А., Журавлева А. Л. Б. Ф. Ломов** — новатор и первопроходец в психологической науке (к 90-летию со дня рождения) // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 6. С. 5–16.
8. **Ломов Б. Ф.** Человек и техника. М.: Советское радио, 1963. 376 с.
9. **Ломов Б. Ф.** Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984. 444 с.
10. **Ломов Б. Ф.** О системном подходе в психологии // Вопросы психологии. 1975. № 2. С. 31–46.
11. **Ломов Б. Ф.** Психологическая служба страны // Вестник АН СССР. 1980. № 1. С. 20–30.
12. **Обозов Н. Н., Полежаева О. Д.** Принципы системного подхода в психологии как основного инструмента познания психики в концепции Б. Ф. Ломова // Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии: результаты и перспективы развития / отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова. М.: Ин-т психологии РАН, 2017. 704 с.
13. **Романова Е. С.** Первая Всесоюзная конференция по проблемам психологической службы в СССР // Психологический журнал. 1984. Т. 5. № 6. С. 145.
14. **Рыжов Б. Н.** История психологической мысли. М.: Воениздат, 2004, 239 с.
15. **Рыжов Б. Н.** Системная психология. М.: Т8: Издательские Технологии, 2017. 356 с.
16. Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии: результаты и перспективы развития / отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова. М.: Ин-т психологии РАН, 2017. 704 с.

References

1. **Ananiyev B. G.** A man as a subject of knowledge. St. Petersburg: Peter, 2016. 288 p.
2. **Barabanshikov V. A.** System approach in psychology // Questions of psychology. 2007. № 2. P. 145–151.
3. **Dikaya L. G.** Contribution of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences to the development of space psychology // National psychological journal. 2011. № 1. P. 78–84.
4. **Zhuravlev A. L. B. F.** Lomov's contribution into the development of a psychological concept of joint activities // First International Lomov readings: reports. Moscow: Institute of Psychology, Academy of Sciences of the USSR, 1991. p. 219–222.
5. **Karpov A. V.** Metasystem organization of mental level structures. Moscow: Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, 2004. 504 p.
6. **Kostin A. N.** Automation in a manned space program: problems and socio-psychological determinants // National psychological journal. 2011. № 1. P. 85–89.
7. **Koltsova V. A., Zhuravleva A. L.** Lomov B. F. — an innovator and pioneer in psychological science (on the 90th anniversary of his birth) // Psychological journal. 2017. Vol. 38. № 6. P. 5–16.
8. **Lomov B. F.** The human and technologies. Moscow: Soviet radio, 1963. 376 p.
9. **Lomov B. F.** Methodological and theoretical problems of psychology. Moscow: Science, 1984. 444 p.
10. **Lomov B. F.** On the system approach in psychology // Questions of psychology. 1975. № 2. P. 31–46.
11. **Lomov B. F.** Psychological service in the country // Bulletin of the Academy of Sciences of the USSR. 1980. № 1. P. 20–30.

12. **Obozov N. N., Polezhaeva O. D.** Principles of system approach in psychology as the main tools of knowledge of the psyche in B. F. Lomov's concept / Fundamental and applied research of modern psychology: results and development prospects / ed. by A. L. Zhuravlev, V. A. Koltsova. Moscow: Publishing House of the Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, 2017. 704 p.

13. **Romanova E. S.** The first all-union conference on the problems of psychological service in the USSR // Psychological journal. 1984. Vol. 5. № 6. P. 145.

14. **Ryzhov B. N.** The history of psychological thought. Moscow: Voenizdat, 2004. 239 p.

15. **Ryzhov B. N.** System psychology. Moscow: T8: Izdatelskiye Tekhnologii, 2017. 356 p.

16. Fundamental and applied research of modern psychology: results and prospects of development / ed. by A. L. Zhuravlev, V. A. Koltsova. Moscow: Publishing House of the Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, 2017. 704 p.

PSYCHOLOGICAL AGE OF CIVILIZATION¹

B. N. Ryzhov,
MCU, Moscow,
RyzhovBN@mgpu.ru

The article presents the first part of the study devoted to the system periodization of the development of modern European civilization and to the comparison of the initial period of the development of civilization with the corresponding periods of human development. One of the main criteria considers the similarity of goals and means of expression of art of a certain period in the development of civilization and characteristics of human development in the particular period of life, including the features of game activities.

From the point of view of systems analysis, art is a specific element of civilization representing an information model of major, substantial system links emerging within civilization at different stages of its development. The existence of such a model allows civilization to effectively reproduce and mold links, required for its development, in various zones of civilizational space. This determines the necessity of art for any civilization. Art is a conceptual design of a building or a ship which helps to construct not just one real building or one real ship, but any number of buildings or ships. Art plays the same role in the case of civilization as a game in the case of each individual. A child's or an adult's play allows a human to form the relations which are essential for further life (or else to free oneself from unwanted, parasitic ties); these relations are formed through the imitation of real life situations, not putting a person at risk or endangering anyone. In the same way art, being the game of civilization, allows doing the same for social strata in their entirety — and society as a whole.

The functional semblance of the phenomena of modeling of real world system links in human games and in art allows us to assume that the aims and the expressive means which characterize the art of a certain period of civilization development can be analogous to the specificities of human development in the respective period of life. And moreover, these aims and means can be analogous to the aims and specific features of games played by man at a certain age. Thus, an opportunity is provided to compare the age-based periodization of human life and psychological age of separate epochs in the development of civilization, as depicted in works of art.

In the presented part of the research we adduce the description of such analogies covering the initial period of European civilization development from approximately V to VIII centuries, which — according to the proposed study — corresponds to the first three years of a child's life.

Keywords: system periodization of development; phases of system dynamics; art; game; age of civilization.

For citation: Ryzhov B. N. Psychological Age of Civilization // Systems Psychology and Sociology. 2019. № 2 (30). P. 66–76. DOI: 10.25688/2223-6872.2019.30.2.06

Ryzhov Boris Nikolayevich, Doctor of Psychological Sciences, Professor, Head of the Department of Pedagogical, Developmental and Social Psychology at the Institute of Psychology, Sociology and Social Relations of the Moscow City University, Moscow, Russia.

E-mail: RyzhovBN@mgpu.ru

¹ Статья представляет собой полный перевод ранее опубликованной работы на русском языке в журнале «Системная психология и социология»: Рыжов Б. Н. Психологический возраст цивилизации // Системная психология и социология. 2015. № 2 (14). С. 60–70.

Перевод выполнен Л. А. Машковой, кандидатом филологических наук, доцентом кафедры иностранных языков факультета государственного управления МГУ имени М. В. Ломоносова.

Introduction

From the beginning of the Modern era to the present day, many works have been devoted to the attempts of reflecting on the cause of emergence, evolution and decline of civilizations. In XIX century seemingly naïve considerations of Johann Herder, Nicolas de Condorcet, or Charles Fourier's visionary opera were superseded by still relevant sociological works of Auguste Comte, Karl Marx, Herbert Spencer and Max Weber. The XX century proved no less fruitful. As early as 1923 Oswald Spengler published his famous book "The Decline of the West" ("Der Untergang des Abendlandes") [15], in which he, on the basis of extensive culture studies material pertaining to various epochs in the life of mankind, predicted the inevitable forthcoming downfall of the European civilization. Somewhat later the theory of the circle of changing each other local civilizations was continued by Arnold J. Toynbee; in the period from 1934 to 1961 he published his 12-volume opus "A Study of History" [11], which almost immediately became known as the classic work on the history of civilizations.

At the same time as Toynbee's study, in 1938, there appeared just as famous work of Johan Huizinga "Homo Ludens" [13], in which the author expresses an interesting idea of play being the primary element of culture. Johan Huizinga believes that culture originates from play. However, on a certain stage of civilization's evolution, in XVIII century, the play element of culture begins to shrink. Labor and production become the ideal of civilization, and this situation, according to the author, is fraught with the danger of the destruction of culture as the latter moves away from its sources.

In 1970s Lev Gumilyov's passionarity theory of the rise and fall of civilizations was put forward; this theory describes various types of ethnic systems and ethnogenesis phases: rise, the acmatic phase, convolution, inertia, obscuration and the memorial phase; the theory has invoked the ongoing debate.

And yet, notwithstanding the diversity of views and conceptions advanced, the bulk of research in the past century has been aimed at suggesting the scheme of civilization development based only on the patterns of historical

and cultural processes noted by the authors. They explained sociological and cultural-historical reality starting from, and in accordance with this reality, not trying to rely on the perception of more general regularities of animate nature evolution, to say nothing of fundamental natural patterns [1].

This approach necessarily determined the author's subjective perception of historical facts — and the correlation between them, thus turning any attempt at reflecting on the course of history into a literary work, rather — the one bearing only little external comparison to a scientific work.

One of the alternative decisions can be related to the use of systems analysis of social phenomena which allows not only to determine the key phases of social system dynamics, but also to establish certain analogies in the development of social systems at micro- and macro-levels. With this in view, the present paper is aimed at extending the sphere of application of systems analysis method to researching social processes on civilization level, and on this basis constructing the system periodization of development of modern (European) civilization.

Systemic Unity of the Development of Human and Civilization

From the point of view of systems analysis the genesis and growth of any living system, irrespective of the form of life (biological or social) and the level of system organization (human or society) operate under the same system laws and presuppose passing through the same stages, or phases of system dynamics — intensive development, extensive development, disintegration, dissipation etc. (See the detailed description of the sequence of phases of system dynamics of living systems in [10]). As the research on the prevailing motivation of people belonging to different age groups has shown, the sequence of phases of system dynamics in the system periodization of human development can be correlated with the successive eras of life and existential epochs. Thus, the phase of intensive growth which is the initial phase for the development of any living system corresponds to the era

of formation comprising the epoch of childhood and the epoch of adolescence. The subsequent phase of extensive growth corresponds to the era of blossom which includes the epoch of youth and the epoch of adulthood. Next come the era of preservation corresponding to the phase of dissipation and comprising the epochs of middle age and the age of maturity, and the era of return corresponding to the phase of disintegration, and comprising the epochs of elderliness and advanced age [9].

It can be assumed that such a change of existential epochs pertains to civilization as a social super system. It goes without saying that the idea of civilization — same as man — passing through the stage of adolescence, blossom and aging is not new. As far back as 1767 Adam Ferguson in his “Essay on the History of Civil Society” [12] noted that not only each individual makes all the way from infancy to maturity, but the entire human race does it as well, moving from barbarity to civilization. At the beginning of XX century the founder of pedological direction in developmental psychology Granville Stanley Hall came up with the so called recapitulation theory which became well-known despite widespread criticism [14]. According to this theory ontogeny repeats all basic stages of phylogeny. A human embryo passes through stages of biological development from the level of unicellular organisms to higher mammals. Childhood corresponds to the primitive stage of the development of society which is superseded by the epoch of barbarity and the beginning of civilization. According to G. Stanley Hall, the period from puberty to the age of 25 corresponds to the epoch of romanticism in European civilization.

Later one of G. S. Hall’s followers, K. Hutchinson described five successive periods of societal development corresponding to certain ages in human life: thus, barbarity corresponded to life before the age of 5, the “hunting” period lasted till the age of 12, “shepherd and flock” period terminated at 14, the “agrarian” period corresponded to the age before 16, whereas the “industry and trade” period ended with coming of adulthood [5]. This viewpoint, similarly to Hall’s theory, was also subjected to seemingly devastating criticism; however, as distinct from a number of other conceptions which proved untenable,

it has not been completely forgotten. Rather, it shared the fate of Cesare Lombroso’s ideas. Today the recapitulation theory is being rejected as a holistic science-based approach — and yet it does find support in numerous details.

At the same time the absence of evidence-based periodization of human life and society in the overwhelming majority of research papers — from A. Ferguson to the comparatively recently published works (see, for example, V. D. Molosotov’s “Aging of Civilization”, 2010 [6]), inevitably led to the arbitrariness of presented evolution parallels and, as a consequence, to the legitimate criticism of proposed theories.

The difficulty here lies primarily in finding an adequate criterion that might help to establish the duration of this or that epoch and, perhaps, to ensure the most important thing — to determine the present-day psychological age of civilization. As it has already been noted, the traditionally applied (for this purpose) sets of cultural, social, economic and other indicators — due to their highly subjective interpretation on the part of most authors — as a rule, do not possess the features of science-based criteria.

Art as a Game Played by Civilization

Art is one of the most frequently used indicators of the development of civilization. For Oswald Spengler, art captures the specific features of the soul of civilization, at the same time serving as the most important testimony of socio-cultural changes taking place in society [15]. By contrast, Arnold J. Toynbee points to the existence of productive tension between civilization and art which, according to the author, being in constant struggle, constantly enrich each other [11].

However, the term “art” remains highly uncertain. There are many works in which wide-ranging definitions of the concept of “art” are presented. “Self-expression of an artist”, “a constituent part of the spiritual culture of mankind”, “one of the forms of social consciousness”, “a historically formed system of the artistic exploration of the world”, “a type of cultural activity satisfying man’s love for the beautiful” — all these definitions, despite their prevalence, do not

give an answer to the question of the historical necessity of the origin of art in all the known civilizations.

From the point of view of systems analysis, art is a specific element of civilization representing an information model of major, substantial system links emerging within civilization at different stages of its development. The existence of such a model allows civilization to effectively reproduce and mold links, required for its development, in various zones of civilizational space. This determines the necessity of art for any civilization.

Art is a conceptual design of a building or a ship which helps to construct not just one real building or one real ship, but any number of buildings or ships. Art plays the same role in the case of civilization as a game in the case of each individual. A child's or an adult's play allows a human to form the relations which are essential for further life (or else to free oneself from unwanted, parasitic ties); these relations are formed through the imitation of real life situations, not putting a person at risk or endangering anyone. In the same way art, being the game of civilization, allows doing the same for social strata in their entirety — and society as a whole [2].

The functional semblance of the phenomena of modeling of real world system links in human games and in art allows us to assume that the aims and the expressive means which characterize the art of a certain period of civilization development can be analogous to the specificities of human development in the respective period of life. And moreover, these aims and means can be analogous to the aims and specific features of games played by man at a certain age. Thus, an opportunity is provided to compare the age-based periodization of human life and psychological age of separate epochs in the development of civilization, as depicted in works of art.

Let us consider the history of the genesis and growth of modern European civilization within this framework.

European Civilization. Prehistory and Birth

The formation of the new social system, similarly to the new biological organism, originates in the parent system of the prior period.

The process of the new system genesis starts from the moment when a certain part of elements of the parent system, under the influence of an external impulse, constitute a new specific structure which, when entering the intensive development phase, not only quickly increases in volume, but also rapidly becomes more complex while acquiring new quality.

It is the numerous Germanic tribes threatening Rome over the Alps for many centuries that became the parent system for modern European civilization. Ancient authors unanimously noted great stature, strength and bravery of the Germans, as well as their intrinsic irrestrainable bellicosity distinguishing them other barbarians. Due to active aggressive policy which Rome pursued in Germany during the rule of Julio-Claudian dynasty [3], the situation in the vast areas to the north of the Alps resembled a stirred-up beehive. Starting from II century clashes of Rome with the Germans — the ancestors of the major part of the bearers of the future civilization — became incessant. As a result of these clashes more and more Germans had settled in Rome as slaves, and more and more their free fellow tribesmen — Goths, Huns, Burgundians, Franks and others — were drawn into the struggle with the empire.

It is assumed that at that time, under Emperor Claudius, Apostle Peter founded the first Christian community in the very center of the ancient world — in the city of Rome. That is when the seed of new religion was brought from Judea to the ancient civilization — the religion destined to become one of the systemically important factors of the future civilization.

The first Christians of Rome — the urban poor and slaves, for the most part — all of them from the systemic perspective were the elements of the earlier ancient civilization, since all their social connections, language, cultural traditions, way of life — all was Roman. As they were making their faith stronger acquiring new moral values and the new meaning of life, they were simultaneously becoming the elements of the new system spiritually alien to pagan Rome.

Over the first two centuries of the existence of Christian communities their presence in Rome was practically imperceptible and exerted no influence on the life of society. In the second half of III century the situation changed

substantially when the increased number of Christians began to pose a notable threat to preserving the former civilization values of Rome. The response was the largest and bloodiest persecution of Christianity led by Emperor Diocletian which affected hundreds of thousands of people and became a turning point in the development of Christianity.

Soon after the end of persecution Emperor Constantine, the adopted son of Diocletian, who later got the honorific title of “The Great”, issued the Edict of Milan which declared religious freedom on the entire territory of the Roman Empire. In fact, this meant that Christianity acquired the dominating position in the empire.

In 325 AD Constantine convenes the First Council of Nicaea which establishes a clear-cut hierarchy of Christian church and secures a special role for the Bishop of Rome — St. Peter’s heir. From that time the western, Roman Church becomes the bearer of the unique model of world organization in which the order copied from the Roman state machine becomes the pattern of the world order, the universal global principle operating both on earth and in heaven. In the future this model would be adopted by barbaric Germanic tribes, and would form the basis for system relations in the new civilization.

For more than a hundred years after Constantine’s reforms the western part of the empire still retained a considerable part of the attributes of the previous Roman civilization, only very gradually giving way to the pressure of barbaric invasion. However, the clergy and the religiously active part of Christians at that stage already constituted the specific cultural environment living in accordance with their traditions. This environment never accepted the surrounding ancient culture. And at the time of Rome’s agony Christians regarded it as just retribution upon the great people and the City, once powerful and merciless, shedding rivers of innocent martyrs’ blood, and now — helpless, caught in the mire of debauchery and idleness. Yet, according to the witness of those incidents, Blessed Augustine, Christians were unable to hold back the tears looking at its marvelous palaces and libraries perish in the fire [1].

Shortly after the capture of Rome by the Visigoths in 410, dozens of Germanic tribes flooded the territory of the Western Roman Empire. Some

of them, like the Franks, soon found the new motherland in the former Roman provinces; others, like the Vandals, moved from place to place; but wherever the barbarians came, they ruthlessly destroyed the remains of the former civilization. Christian churches were the only exception (though not always); this happened because many Germanic tribes had converted to Christianity before the Migration Period. Others became Christians somewhat later (for example, the king of the Franks Clovis 1 was baptized in 496). However, by VI century only those Germanic tribes that lived outside the former Roman borders, in Central and Northern Europe, held onto old pagan beliefs. Thus, Christianity was, in essence, the main communication link between the old — and the emerging new — civilizations.

And here some refinement is definitely called for. Most of the Germanic tribes that had settled on the territory of the former empire — Goths, Burgundians, and Lombards, or Longobards, who at the end of VI century ruled over a considerable part of Italy, were arians, i. e. the followers of the movement in the Christian religion that was deemed to be a heresy at the First Council of Nicaea as far back as 325. This made them enemies of the Roman-Catholic Church and separated them from the model of the world order which this church had inherited from the Roman Empire. Only the powerful Kingdom of the Franks adopted Roman-Catholic tenets and, simultaneously, the idea of Roman hierarchy. It is exactly this state that — together with the revitalized Rome — will become one of the most important centers of the formation of the new civilization.

Infancy of Civilization

For a person, infancy is a period from birth to about one year. At this age children grow quickly; they are self-centered and explore the world through sensations; they learn to grab things, and they play with themselves [7; 8].

Something similar can be easily guessed in the meager evidence which the history of the Kingdom of the Franks of V–VI centuries has at its disposal. Over the first hundred years of its existence, the Kingdom of the Franks almost doubled in size. However, not counting

the military expansion, its contacts with neighbors remained on the minimal level. The brightest pages of this period are the shocking cruelty of the war between the two queens — charming Fredegonda caught in the mire of wilful homicide (545–597) and her implacable rival Brunhilda (543–613).

The art of Western Europe of this period is also poor and primitive. It can be seen in several royal tombstones, including the tomb of fiendish Fredegonda in the Basilica of Saint-Denis, the burial place of the French kings (Fig. 1), roughly decorated with sword handles and fibulae (cloak clasps or cape) — objects originally designed for grasping and simple manipulations. This is natural. Art keeps the historical memory of mankind. But the memory of the period of infancy will not be preserved, either in the individual, or in the civilization as a whole.

Fig. 1. Fredegonda's tombstone, VI century (Paris, The Basilica of Saint-Denis)

Another hotbed of nascent civilization, Christian Rome, at that time existed somewhat in isolation, except for short periods of its forced inclusion in Byzantium. Ruined and desolate, it completely lost its former greatness trembling

at the new hordes of the barbarians. The population of once the greatest city on Earth decreased by tenfold. Waterworks supply did not operate since Germans destroyed famous aqueducts, ancient patrician families disappeared, and local self-administration did nothing having no resources. Papal authority was the only surviving force in Rome; the Pope was the last defender to whom people approached when bread supply was exhausted or enemies reached the city.

And the Popes, as best they could, defended their city. Like Gregory the Great, one of the most respected Roman high priests of VI century, equally worshipped by Catholics and the Orthodox, they fed the hungry from their reserves, bought out prisoners, with their last money bought slaves from the barbarians and set them free. They organized resistance to the barbaric invasions and personally conducted negotiations with the leaders of the barbarians. And when the latter were withdrawing leaving the city unravaged, there was no limit to the exultation and religious enthusiasm of the people, because everyone witnessed a miracle — with the Pope's patronage the Lord himself had saved Rome from destruction.

All this had far-reaching consequences. The former pagan Rome was rich, enlightened, but not religious. The ancient Romans honored traditions, swore by Jupiter, but they were only formally related to religion. Before the beginning of the war, for example, the priests arranged public fortune-telling about its success, and if fortune-telling gave an unfavorable result, they were not discouraged, but continued to make guesses until the gods clearly promised victory to Rome. Even after the victory of Christianity during the time of Constantine, only a small part of the population was truly religious. Now everything was different. Rome was squalid and very few could spell their names. (Gregory the Great altogether prohibited reading anything other than the Bible and theological books, stating that "ignorance is the mother of true piety"), but by then in Rome there had been laid foundations of universal religiousness as one of the most important system links of European civilization for the millennium-long Middle Ages.

On the whole, the strengthening of the Roman Church, and the beginning of the formation of the "new" medieval world outlook, which

became particularly noticeable during the years of the pontificate of Pope Gregory the Great (590–604), allows to regard this time as the end of the infancy of European civilization.

The Early Age of Civilization

The period of human life subsequent to infancy is the early age or early childhood, and it covers the second and the third years of life. At the beginning of this period a child is still focused on himself, he becomes naughty, demands more and more attention; however, his own attention easily dissipates since a child is able to concentrate fully only on one object. At this age a child has no «brakes», it is difficult to stop him, and he becomes curious and imitates adults. Further on, at the age of 2 to 3, a child becomes more and more interested in the world around him; he becomes impetuous, acts on the first impulse. He starts checking the boundaries of what is allowed, becomes more independent; however, he is still very suggestible and illogical. He develops an interest in learning.

At this age, visionary images are formed on the spur of the moment. The reproductive imagination, mechanically replicating the impressions, dominates in a child [4; 7; 8]. At the age of 2 a child can already distinguish several colors. Usually these colors are red, yellow, green, blue, purple, and also black and white. However, when starting to draw or color pictures, a child still does not reflect the pattern's color, but chooses it according to his taste. He plays mostly with himself, same as before.

What follows the epoch of the infancy of European civilization? From VI to VIII century, the history of the Kingdom of the Franks was replete with disarray and bloody strife, fully justifying the name of the “dark centuries” as a general characteristic of the epoch. However, as early as at the beginning of VIII century, there started to occur events of great civilizational importance. In 719, the power in the kingdom passed to the representative of the new dynasty, Carolus Martellus who, having created units of heavily armored horsemen, the prototype of the future knights' cavalry, not only significantly expanded the borders of the state, but also

prevented the enslavement of Western Europe by the Arabs defeating the invaders in the battle of Tours in 732.

No less important role in the formation of the new civilization belongs to his son Pepin the Short (Pippinus Brevis). In 754 he was solemnly crowned by the Pope and proclaimed defender of the church. In 755 Pepin defeated the Pope's enemies, the Longobards, and passed the central Italy and Rome into the possession of the Pope. Thus, thanks to the union of the Pope and the powerful king of the Franks, the idea of the universal world order developed by the Roman Church was for the first time transferred to the barbarians who constituted the core of the new civilization. On the other hand, by acquiring real secular power in the Papal State, thanks to the “gift of Pippinus”, the Roman Church itself became not just the “leaven” of the emerging civilization, but its most important center.

Western European art of VII–VIII centuries is, generally, as unimpressive as in the previous period. The same fibulae in the form of schematically depicted animals and birds made of gold filled with red glass, unpretentious handling of weapons and horse harnesses, roughly carved relief tombstones (Fig. 2), and the improper portrayal of the figures of Christ where the domination of planar style is very much in evidence.

Fig. 2. The tombstone of a Frankish warrior from Niederdollendorf, near Bonn, VII century (Bonn, Rhineland Museum (Rheinisches Landesmuseum))

At the same time, however, something new is also revealed which is quite significant from the point of view of the correlation of the age of man and civilization. This new thing is miniature, or illuminated manuscript, appearing at the turn of VII–VIII centuries in the monasteries of Ireland and northern England. Because of their remoteness and inaccessibility these monasteries were somewhat less affected by barbarian invasions. The obligatory accessory of several Gospel manuscripts created there is a large, almost half a page, initial of the opening page filled with ornament. The contour of the ornament, as in the colorings for three-year-old children, represents clear black lines, the space between which is flat painted with watercolors (Fig. 3).

Fig. 3. The decorated initial page from the monastery at Lindisfarne containing the incipit from the Gospel of Matthew; a fragment, 715 (London, The British Library)

The set of paint colors used in the miniature completes the similarity of age periods. It is practically the same as in modern children's colorings — green, red and yellow colors prevail, whereas lilac and light blue occur less frequently.

The “Three-Year-Age Crisis” of Civilization

The human's early childhood period ends with a breaking point in his development known as “the crisis of three years of age”, with an abrupt change in behavior and the emergence of new features in child's consciousness. The characteristic symptoms of this crisis are negativism, stubbornness, obstinacy, self-will,

protest riot, depreciation, desire for despotism [3; 4; 7]. The reasons for the emergence of such behavior features are explained by the fact that a child begins to see himself as an individual, an independent personality, and tries to manifest his own will. However, as Lev Vygotsky noted, “each negative symptom of the crisis conceals positive content, usually consisting in the transition to a new and higher form” [3]. This positive content is displayed in the formation of the new level of self-awareness, the development of volitional qualities, progressive changes during the game, cognitive and substantive activity [4].

The early childhood of European civilization also ended off sharply, at the turn of VIII and IX centuries, with the dramatic epoch of Charlemagne who went down in history as one of the greatest reformers of Europe whose influence on its life organization, to a large extent, can be felt even now, twelve centuries later.

The eldest son of Pepin the Short, Charles, nicknamed the Great during his lifetime, reigned over the most of Western and Central Europe for 45 years, since 768 until his death in 814. At first he was content with the position of the powerful king of the Franks. Then, with the persistent expansion of his possessions, he added more and more new titles, and finally, on Christmas Day of 800, he was solemnly proclaimed “Emperor of the Romans” by Pope Leo III. The size of the state created by Charles by that time was, indeed, close to the size of the Western Roman Empire, and his rule extended from the Danish borders to Catalonia, and from Italy to Brittany.

The reign of Charlemagne is a constant succession of aggressive campaigns and wars (extremely cruel even for the early Middle Ages!), in which the crisis nature of the epoch was fully reflected. The war against the numerous Germanic tribes of the Saxons who occupied the vast space between the Rhine and the Elbe proved to be particularly protracted and ruthless. Despite Charles's promise to render support to the newly converted Christians, his obvious military superiority and continued determination to follow through, the Saxons remained adherents of ancient cults and stubbornly refused to accept the new faith and submit to the enemy. For 33 years they would stir up bloody rebellions, mercilessly destroying Christians and Christian

churches. Comparing this time with the crisis of the age of three years in children and analyzing the seemingly pointless persistence of the Saxons, it is hardly possible to ignore the already mentioned obvious symptoms of the crisis — negativism, stubbornness, obstinacy, self-will, protest riot.

The Franks acted with the same merciless consistency in response. Year by year, they sent punitive expeditions to Saxony, and de facto established a genocidal regime there. They captured and executed thousands of hostages, burned down entire areas, moved masses of people to the inner regions of the state. The result of the war was the complete desolation of a number of Saxon lands, and some of them became so deserted that Charles handed them over to the neighboring tribes of the Slavs. However, the symptoms of the crisis that were equally clearly manifested in the actions of the winners — stubbornness, self-will, the desire for despotism — were not displayed by the Franks in all seized territories. In Italy, for example, the population and the Pope welcomed Charles regarding his warriors as defenders and peacemakers. Rather, same as in a child at a critical stage, negative trends were the result of the commencing process of civilization's self-awareness. This process necessarily included, on the part of civilization, the recognition of its borders, and the awareness of the conflict between the core and the periphery of the system, where the former, already anachronistic, connections between its elements still remained.

Along with the initiated process of self-awareness of civilization, perhaps, an even more significant feature of Charlemagne's epoch was the formation of the most systemically important links of the new civilization which determined the uniqueness of its character for many centuries ahead. At the heart of this uniqueness was the fusion of several psychological and social stereotypes. On the one hand, it was a stereotype of the German male warrior rooted in the tribal past, with his restlessness, unrestrained aggressiveness and a distinctive "code of honor" that required keeping his word and maintaining dignity in any situation. This somewhat refined stereotype would form the basis of chivalrous morals in the near future. On the other hand, it was deep admiration for the Roman state order and the adoption of Roman Catholic

dogma which for most people was the essence of Christianity.

Having inherited from his father a desire for an alliance with the Roman Church, Charles supplemented it with the desire to revive the foundations of the Roman order on the lands he had collected destroying the power of tribal leaders (which was traditional for Germanic people). He issued a number of decrees in which he ordered everyone to have their own seigneur (liege lord). From now on, the whole empire was divided into kingdoms and counties headed by people loyal to Charles. They and the barons personally dependent on the emperor were considered the emperor's great vassals (retainers). In turn, they were seigneurs for their vassals to whom they transferred part of their land plots in managing, and these vassals could also be seigneurs for their warriors. At the same time, everyone who belonged to the administration of the empire or its military class remained free people, with formally equal rights. Thus, a clear-cut hierarchical system of governance was created, and the foundations of the feudal relations of medieval Europe were laid.

At the same time, the former model of the Roman order meant only a social hierarchy. It established relations between people; however, it was unable to explain the ultimate meaning of these relations, nor could it explain the meaning of human life. On the contrary, the reality of the new civilization consisted in the belief in the inseparable connection between earthly and celestial hierarchies which seemed to be similar to each other. Moreover, earthly life was only the first step of movement towards eternal life, and the order of earthly relations was an imperfect model of the Divine order. In its attempt to cognize this order, the new civilization broke through the narrow borders of the visible world. In contrast to the ancient understanding of the microcosm of a human as the macrocosm of the universe in a miniature, it saw any phenomenon as a manifestation of higher powers. This mystical view of the world, however, laid the foundation for the future European experimental science, since it led to the conclusion that by examining the mechanisms of relatively simple phenomena experimentally it was possible to generalize them to the understanding of universal laws.

The tipping point of Charlemagne's epoch was reflected in the particular cultural upsurge of the end of VIII – beginning of IX centuries known as the Carolingian Renaissance (Fig. 4–5).

Fig. 4. The Ark of the Covenant. The mosaic of the dome of the oratorio in Germigny-des-Prés (near Orléans); a fragment. France, c. 806

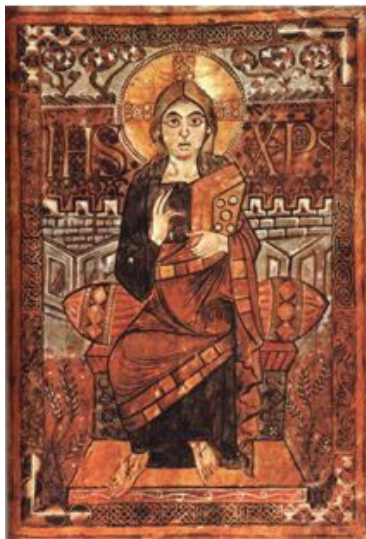

Fig. 5. Christ in Glory. A miniature from the Godescalc Evangelistary, Paris. Bibliothèque nationale de France

Despite the controversial nature of this term [4], the cultural progress during the reign of Charles and his closest descendants was undoubted. Being illiterate, like most of his contemporaries, Charles undertook his first campaign to Italy and, although it was lying in ruins, he was shocked by what he had seen. From then on, he maintained a constant interest in ancient, and especially Roman, culture.

Imitating antique designs, Charles established “Palace Academy”, which, besides himself

and his relatives, included a number of the best educated contemporaries. A well-known theologian Alcuin and Theodulf, the Bishop of Orléans, were among them; the latter played a significant role in the debate on the procession of the Holy Spirit held at Charles's court [5]. At his court, Charles created a school for the children of the nobility, and he patronized the foundation of schools for the clergy and the children of the laity. The Capitulary published in 787 ordered to open schools for monks and clerics at each monastery and episcopal department. Finally, Karl encouraged the revival of construction; he ordered a large palace complex to be built at his residence in Aachen (on the border of modern Germany, Belgium and the Netherlands).

At the same time art experienced some progress. This is evident, in part, in the chapel built in the city of Germigny-des-Prés, near Orléans, in France in 806 on the initiative of Charles' friend Theodulf, the Bishop of Orléans. Particularly noteworthy is the mosaic of the dome of the chapel depicting the Ark of the Covenant; the mosaic is oriented towards Byzantine patterns and, apparently, is created by Oriental craftsmen (see Fig. 4). It is noteworthy that this plot is found nowhere else in West European monumental painting.

The book miniature was being gradually improved; the Godescalc Evangelistary [6] created for Charlemagne in his palace workshop in Aachen in 781–783, can serve as an example. The book is decorated with images of Christ (Fig. 5) and several scenes from the life of Charlemagne in which ancient style is combined with medieval symbolism and ornament. However, until the beginning of IX century the position of the depicted figures still remained static, whereas the proportions of the human body and objects were distorted.

On the whole, despite a number of positive moments, art during Charlemagne's reign remained primitive and infantile, quite consistent with the early childhood of civilization. And only during his descendants' reign completely new features and new dimensions in art start to emerge.

Conclusion

Nowadays we are witnessing the rapid transformation of civilizations. One aspect of this process is the integration of all existing civilizations with the European civilization. The result of this integration is the ubiquitous spread of European technologies, clothing, everyday life culture and many other cultural features and traditions. European English has become the language of international communication.

At the same time the European civilization is rapidly losing many of its initially inherent features. This is clearly manifested by the phenomenon of dechristianization of Europe which reveals itself not only in the deserted churches, but also in the European Union legislation.

In this regard, the following issues are becoming particularly acute, namely: the issue

of determining the present-day stage in the development of the European civilization — and what civilizational changes are to be expected in XXI century. However, no one of the modern studies provides any concrete and reasoned answer to this question.

All of the above mentioned has provided the basis for the present study built on the use of the general system laws of the development of living systems — as well as the analogies arising from this in the development of humanity and civilization. In the presented part of the research we adduce the description of such analogies covering the initial period of European civilization development from approximately V to VIII centuries, which — according to the proposed study — corresponds to the first three years of a child's life.

References

1. **St. Augustine** Creations. The 3–4. St. Petersburg: Aletheia, 1998. 592 p.
2. **Gumilev L. N.** Ethnogenesis and biosphere of the Earth. Leningrad: Izd. LSU, 1989. 642 p.
3. **Vygotsky L. S.** The Issues of child psychology. St. Petersburg: Union, 1997. 199 p.
4. **Kulagina, I. Yu.** Developmental psychology (child development from birth to 17 years): Training manual. Moscow: ROWE, 1996. 175 p.
5. **Marcinkowska T.** The History of child psychology. Moscow: Vlados, 1998. 272 p.
6. **Molostov V. D.** Aging of civilization: Ebook, 2010. 200 p.
7. **Mukhina V. S.** Developmental psychology: the phenomenology of development, childhood, adolescence. Moscow: Academy, 1999. 608 p.
8. The psychology of a person from birth to death. Psychological Atlas of human rights / ed. by A. A. Reina. St. Petersburg: Prime EVROZNAK, 2007. 656 p.
9. **Ryzhov B. N.** System development periods // Systems psychology and sociology. 2012. № 5. P. 5–24.
10. **Ryzhov B. N.** The basis of systemic psychology // Systems psychology and sociology. 2010. № 1. P. 5–42.
11. **Toynbee A.** A study of history. Moscow: Rolf, 2001. 736 p.
12. **Ferguson A.** The civil society history. Moscow: ROSSPEN, 2000. 391 p.
13. **Huizinga J.** Homo ludens. The playing person. St. Petersburg: Izd. I. Limbaga, 2011. 416 p.
14. **Hall S.** Essays on the study of the child. Moscow: The Abyss, 1925. 144 p.
15. **Spengler O.** The decline of the West. Moscow: Nauka, 1993. 584 p.

УДК 316.2

DOI 10.25688/2223-6872.2019.30.2.07

СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ СОВРЕМЕННОСТИ И УГРОЗЫ ИДЕНТИЧНОСТИ: СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИИ КУЛЬТУРНОЙ ТРАВМЫ П. ШТОМПКИ

О. А. Добрина,
НГПУ, Новосибирск,
dobrina-o@mail.ru

Цель статьи — обобщить, систематизировать и уточнить представленные в научной литературе теоретические подходы к анализу концепции «культурная травма» в теории Петра Штомпки, провести системный анализ и поиск индикаторов для эмпирической операционализации этого понятия. Культурная травма исследуется как одна из значимых угроз идентичности в среде высокого социального риска.

Рассмотрено влияние среды социального риска на возникновение травматических событий в социальной культуре. Культурная травма вызывается социальным изменением, осуществляемым в условиях высокого социального риска, поскольку оно порождается социальной активностью различных социальных групп, которые руководствуются разными интересами. Данные риски могут относиться к области межличностных взаимодействий, информационных и групповых процессов, межгрупповой координации или целеполагания. Осуществляемые социальные изменения становятся травматическими событиями, если являются внезапными, масштабными и разрушающими привычный социальный порядок и парализующими созидательную активность социального субъекта.

Культурная травма представляет собой угрозу личностной, социальной и культурной идентичности, деформируя представления человека или группы о самих себе, о непрерывности жизненного пути и смысле исторического пути сообщества.

Представлено теоретическое обоснование того факта, что разные группы отличаются по степени восприимчивости к культурной травме. Выявлены и логически обоснованы показатели социальной травматизации, объединенные в четыре группы факторов: социально-демографическую, социально-психологическую, социально-культурную и социально-политическую.

Выявленная в теоретическом анализе социологическая интерпретация феномена культурной травмы может оказаться полезной при объяснении многих проблем в жизни различных социальных групп.

Ключевые слова: социальный риск; угроза идентичности; культурная травма; системный анализ; эмпирическая интерпретация.

Для цитирования: Добрина О. А. Социальные риски современности и угрозы идентичности: системный анализ концепции культурной травмы П. Штомпки // Системная психология и социология. 2019. № 2 (30). С. 77–87. DOI: 10.25688/2223-6872.2019.30.2.07

Добрина Ольга Александровна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социальной психологии и виктимологии Новосибирского государственного педагогического университета, Новосибирск.

E-mail: dobrina-o@mail.ru

**SOCIAL RISKS OF MODERNITY AND THE THREATS TO IDENTITY:
SYSTEMATIC ANALYSIS OF P. SZTOMPKA'S CONCEPT
OF CULTURAL TRAUMA**

O. A. Dobrina,
NSPU, Novosibirsk,
dobrina-o@mail.ru

This paper purposes to generalize, systematize and clarify scientific literature theoretical approaches to the analysis of the concept of «cultural trauma» in Piotr Sztompka's theory to perform a system analysis and search for indicators for the empirical operationalization of this concept. Cultural trauma is considered as one of the main threats to identity in high social risk environment.

The article examines the influence of social risk environment on the occurrence of traumatic events in social culture. Cultural trauma is caused by social change, carried out in conditions of high social risk, as it is generated by the social activity of different social groups, which are guided by different interests. These risks may relate to interpersonal interactions, information and group processes, inter-group coordination or goal setting. Implemented social changes become traumatic events if they are sudden, large-scale and destabilizing to the usual social order and paralyze the creative activity of the social subject.

Cultural trauma threatens to personal, social and cultural identity, distorting a person's or group's perceptions of themselves, the continuity of life and the meaning of the historical path of the community.

The theoretical substantiation of the fact that different groups differ in the degree of susceptibility to cultural trauma is presented in the paper. The article identified and logically justified indicators of social traumatization, united in four groups of factors: socio-demographic, socio-psychological, socio-cultural and socio-political factors.

Identified in the theoretical analysis of sociological interpretation of the cultural trauma phenomenon may be helpful in clarifying many of scientific problems in the life of various social parts of contemporary Russian society.

Keywords: social risk; threats to identity; cultural trauma; system analysis; empirical interpretation.

For citation: Dobrina O. A. Social Risks of Modernity and the Threats to Identity: Systematic Analysis of P. Sztompka's Concept of Cultural Trauma // Systems Psychology and Sociology. 2019. № 2 (30). P. 77–87. DOI: 10.25688/2223-6872.2019.30.2.07

Dobrina Olga Aleksandrovna, PhD in Sociology, associate professor at the Department of Social Psychology and Victimology of the Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia.

E-mail: dobrina-o@mail.ru.

Введение

Проблема социальных рисков и угроз идентичности вызывает устойчивый интерес у современных исследователей и включается в проблемное поле социологии, социальной психологии, педагогики, культурологии и других социогуманитарных дисциплин. Современная социология представляет рефлексивное осмысление XX – начала XXI века, в котором человечество столкнулось с множеством социальных потрясений и катастроф, войн, революций, кризисов, стихийных движений и массовых беспорядков. Вследствие этого меняется концепция социального времени. Смещается акцент с постулирования идеалов прогресса и социального порядка

на транслирование переживаний катастрофичности и апокалиптичности происходящих перемен.

С другой стороны, постнеклассическая социология вводит в проблемное поле изучения и анализа объективных закономерностей социальных процессов и изменений еще одну переменную — описание опыта их проживания и переживания отдельными группами людей. Эти две тенденции приводят к проникновению в социологию концепции социальной и культурной травмы как одной из значимых угроз идентичности в среде высокого социального риска.

В соответствии с этим данная работа направлена на системный анализ понятия культурной травмы и разработку эмпирических

индикаторов культурного травмирования. Поставленная задача может открыть широкое поле перед прикладными исследователями в аспекте поиска релевантных и сопоставимых данных с последующей их систематизацией, трансляцией широкой общественности и использованием в качестве научной основы для принятия управленческих решений и построения социальных проектов и программ.

Однако эта задача осложняется следующими особенностями объекта исследования. Во-первых, медицинское «прошлое» понятия травмы влечет за собой не только широкий спектр медицинской терминологии, но и предполагает перенос механизма «излечения», тогда как переживание травмы социальными группами должно существенно отличаться от этого процесса у индивидов. Во-вторых, «понятность» термина на уровне обыденного сознания привносит в научный оборот традицию его бытовых толкований. В-третьих, эмоциональная нагруженность коннотативного ряда затрудняет собственно социологический анализ концепта культурной травмы.

Однако это не снижает значимости задачи разработки методологических и методико-процедурных аспектов понятия, необходимого для проведения корректных и сопоставимых эмпирических исследований в области социологии травмы, а также поиска социальных механизмов ее предупреждения и снижения риска негативных ее последствий.

В статье теоретическая интерпретация исследуемого понятия будет осуществляться в следующих измерениях: социальные риски, приводящие к культурной травме; угрозы идентичности, возникающие вследствие культурной травмы; эмпирическая интерпретация понятия «культурная травма».

Социальные риски культурной травмы

Теоретическая разработка в социологии понятия «культурная травма» принадлежит перу современного польского социолога Петра Штомпки (р. 1944)¹. Оно введено

¹ Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социс. 2001. № 1. С. 6–17.

в более широкую систему понятий социологии повседневности и общественного доверия² в синхроническом поле и восходит к теории аномии Эмиля Дюркгейма³ в диахроническом аспекте.

Стремительное проникновение термина «травма» из области медицины, психиатрии и психоанализа в социальные науки и последующая концептуализация связаны с ее чрезвычайно обширным объяснительным потенциалом. Множество коннотаций и высокая степень эмоциональной нагруженности делают это понятие объясняющим намного более широкий спектр социальных проблем и дисфункциональных последствий человеческой активности, чем мыслилось изначально.

На сегодняшний день понятие «культурная травма» является мультидисциплинарным и интенсивно используется и анализируется как российскими, так и зарубежными учеными.

В философии и культурологии рассматриваются мировоззренческие и методологические аспекты культурной травмы [3; 4–9; 11; 12]. В социальной психологии данный концепт используется при анализе национальной идентичности современного российского студенчества [13], для изучения ожиданий, верований и убеждений жертв природных и социальных катастроф [14; 17; 21], при изучении Интернета как пространства построения идентичности [23].

В области новейшей истории понятие «культурная травма» применяется при изучении ментальных и социально-психологических последствий психотравмирующих исторических событий [1; 15; 16; 18; 22; 24; 25; 26], при объяснении истории взаимоотношений церковной и государственной власти [7].

В социологии культурная травма исследуется в теоретическом и общеметодологическом аспектах [2; 19; 20], однако подобный анализ не исчерпывает всех эмпирических возможностей этого понятия.

В основе понятия «культурная травма» лежит социальное изменение, которое

² *Sztompka P. Trust: A Sociological Theory.* Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 214 p.

³ Дюркгейм Э. Самоубийство: социологический этюд. М.: Мысль, 1994. 399 с.

однозначно связано с выбором и сопутствующим ему риском. Если в классической (в терминологии П. Штомпки — прогрессистской) теории социальных изменений последние рассматривались как управляемые и целенаправленно ведущие человечество по ступеням исторического прогресса, то пост-прогрессистская парадигма трактует общественные трансформации как неопределенные, непредсказуемые следствия производной от многочисленных решений, принимаемых движимыми различными мотивами акторами (участниками социального взаимодействия). Подобное понимание социальных изменений Штомпка основывает на нижеследующих постулатах.

Активной движущей силой изменений являются коллективные агентства — действующие коллективы людей (нации, классы, профессиональные группы, социальные движения и т. п.). Негативный опыт предшествующих социальных изменений оказывает парализующее влияние на последующую активность агентства. Социальные изменения оказывают неравномерное влияние на разные кластеры действующей социальной группы.

Основными характеристиками социальных изменений являются скорость, темп и ритм, предполагающий чередование резких скачков и периодов относительного замедления. Разные сферы общественной жизни отличаются по темпам социальных изменений. Особой инерционностью обладает сфера культуры, под которой понимаются ценности, убеждения, нормы и выражающие их символы, выполняющие функции структурирования опыта и нормативного регулирования поведения представителей данной социальной общности. Источником культурной травмы могут быть резкие и неожиданные социальные изменения, парализующие способность агентов культуры к активной созидательной деятельности.

Предпринятый в данной статье системный анализ концепта позволяет выделить следующие группы рисков, способствующих возникновению коллективной культурной травмы. Первую группу составляют риски деструктивных межличностных взаимодействий в активной социальной группе:

конкуренция, моббинг, конфликты и пр., снижающие сплоченность и эффективность деятельности группы. Во вторую группу можно включить информационно-ресурсные риски: ограниченность доступа к достаточной и достоверной информации, порождающая циркуляцию слухов, сплетен, формирование негативных стереотипов, распространение паники. К третьей группе целесообразно отнести риски групповых процессов: актуальный этап в развитии группы (формирование, функционирование, изменение структуры или цели, стагнация, распад и т. п.), требующий гибкого и адекватного ситуации управления. В четвертой — это риски координации: эффективные сети взаимодействия группы с внешним для нее социальным окружением.

И, наконец, особую группу составляют риски целеполагания: трудности в выборе социально одобряемой цели в условиях отсутствия разделяемого всеми ценностно-нормативного регулирования.

Эти группы рисков порождают возможности возникновения и остроту переживания травматических событий, к которым могут быть отнесены радикальные изменения в экономической сфере (кризисы рынка или финансовой системы, экономические реформы, коллективизация, приватизация и т. п.); в политической (войны, революции, государственные перевороты, геноцид или депортация отдельных групп, оккупация, колонизация); в духовной (религиозная реформация, аксиологическая переоценка прошлого и т. п.); природные и техногенные катастрофы. Травматические события отличаются внезапностью, непредсказуемостью, масштабностью и глубиной разрушительного проникновения в сложившийся социальный и культурный порядок жизни общества.

Таким образом, вызывающее травматические последствия социальное изменение осуществляется в области высокого риска, поскольку оно представляет собой производную взаимодействий разных социальных групп, которые руководствуются различными, а зачастую пересекающимися интересами, чьи действия могут усиливать, ослаблять или деформировать друг друга. Риски могут лежать в области межличностных взаимодействий,

информационных и групповых процессов, межгрупповой координации или целеполагания. Порождаемые ими социальные изменения становятся травматическими событиями, если характеризуются внезапностью, масштабностью и деструктивностью, разрушая привычный социальный порядок и парализуя созидательную активность социального субъекта.

Культурная травма как угроза идентичности

Культурная травма может быть интерпретирована как угроза идентичности в силу следующих соображений. Травматические события приводят к разрушению привычного жизненного мира человека, искажают его мировосприятие, снижают социальную активность, деформируют систему ценностей и норм. Рассматривая вопрос о переходе травматических событий в культурную травму, П. Штомпка приводит следующие иллюстрации, признавая, что их перечень не является исчерпывающим. Культурная травма репрезентируется как переоценка исторического опыта, интерпретация значительного события прошлого в ключе, противоположном базовым ценностям культуры в настоящем: поражение в войне, разрушение империи, осознание неискупленных грехов нации (примерами могут служить Холокост в Европе или история рабства в Америке). Культурная травма интерпретируется как культурный конфликт, столкновение ценностей и норм представителей определенного этноса с иной культурной средой, в которой они оказались вследствие вынужденного территориального перемещения (миграции или депортации) или экспансии (колонизации). Культурная травма представляет собой культурное отставание, обусловленное несинхронностью изменений в различных ее сегментах: несоответствие институционализированных сфер экономики и права, недостаточная культурная интериоризация новых научных открытий и технологических изобретений. И, наконец, еще одна разновидность культурной травмы — это раскрытие новых фактов или интерпретация их в ином освещении.

К перечисленным Штомпкой иллюстрациям можно добавить состояние аномии как статуса общественного сознания в условиях, когда старая и привычная всем система ценностей уже отжила, а новая еще не сформировалась, результатом чего становится размывание границ нормативно одобряемого поведения и, как следствие, рост и изменение характера девиантных поступков. Но и на этом типологизация культурных травм не может считаться завершенной, она может дополняться или реструктурироваться в ходе теоретического осмысления новых эмпирических фактов.

Штомпка выделяет три аспекта воздействия культурной травмы в социальном изменении: биологический, социально-структурный и уровень воздействия на культуру. Биологический (демографический) уровень проявляется в снижении рождаемости, росте числа физических и психических отклонений. Уровень социальной структуры отражается в разрушении сложившейся системы социальных и организационно-иерархических связей, проявлениях анархии на разных уровнях власти, распаде традиционных и привычных социальных институтов. Штомпка считает воздействие на культуру наиболее глубоким, поскольку ввиду инерционности культурной сферы она сохраняется в коллективной памяти дольше других и передается от поколения к поколению. Можно добавить также уникальную возможность культуры транслировать травмы в художественном творчестве. Штомпка называет ее «культурно интерпретируемой раной на ткани культуры»⁴. В этом аспекте культурная травма затрагивает глубинный пласт ценностей, смыслов и символов, разделяемых всеми членами сообщества.

Представляется, что к данным трем выделенным Штомпкой измерениям целесообразно добавить четвертую «мишень» культурной травмы — разрушающее воздействие на идентичность. В таком контексте представляется возможным интерпретировать культурную травму как угрозу идентичности, понимаемой как тождественность человека или социума самим себе, непрерывности прошлого,

⁴ Штомпка П. Социальное изменение как травма. С. 7.

настоящего и планируемого будущего, риск утраты чувства согласованности и смысла исторического пути сообщества и жизненного пути человека в нем.

Угроза личностной идентичности как согласованной системе межличностных и социальных ролей, интегрирующей прошлое, настоящее и планы на будущее и проявляющейся в относительно определенном ответе на вопрос «Кто Я?», выражается в таких социальных фактах, как увеличение числа самоубийств и различных видов самоповреждающего поведения (девальвация ценности человеческой жизни); распространение суррогатного материнства и отказа от детей (снижение значимости материнства и родственных связей, личностной ответственности); хирургическое изменение пола (разрушение гендерной определенности) и т. п.

Угроза социальной идентичности проявляется в снижении уровня гражданской ответственности, политической созидательности, социальной фрустрированности, профессиональной дезориентированности, социального эскапизма и пр. Угроза культурной идентичности, понимаемой как осознание человеком принадлежности к определенной культуре, готовность и способность воспринимать, создавать и транслировать культурные образцы, задевает глубинное ядро идентичности — ценности, убеждения, верования и выражающие их символы. Коллективное переживание травмы транслируется средствами культуры как утрата сообществом собственной идентичности, как разрыв непрерывности пространственно-временного континуума, как потеря связи культурных истоков и ценностно окрашенного образа будущего.

Таким образом, концепт «культурная травма» понимается как состояние, которое переживается социальной группой или общностью вследствие внезапно возникающих травматических событий, приводящих к деформации или разрушению ментальных и нравственных основ привычного жизненного мира личности и социальной общности. Она интерпретируется как угроза биологическому (демографическому) равновесию, социальному порядку, ценностно-нормативным основаниям культуры, личностной и социальной идентичности.

Степень и глубина разрушительного воздействия культурной травмы, а также продолжительность ее переживания зависит от социально оцениваемой значимости разрушенного травмой жизненного мира, глубины укорененности ценностей, норм и традиций, определяющих возможность и желательность его сохранения или восстановления.

Эмпирическая интерпретация процесса культурной травматизации

Наименее разработанной в современной социологии является эмпирическая интерпретация понятия культурной травмы, что затрудняет системный анализ исследуемого социального факта и разработку социальных механизмов его предупреждения. П. Штомпка постулирует разную степень восприимчивости отдельных социальных групп к культурным травмам и предполагает наличие центральных групп, наиболее подверженных травматическому воздействию. В качестве факторов, формирующих способность противостоять культурным травмам, он выделяет обладание ресурсами культурного и социального капитала. Главным из них ученый считает образование, которое формирует эффективные навыки активного совладания с культурными травмами. Логически это вполне объяснимо, поскольку полученное образование предполагает способность и готовность к повышению квалификации, профессиональной переподготовке, создает благоприятные условия для успешной профессиональной, а знание иностранных языков и для территориальной мобильности. Это теоретическое предположение на сегодняшний день нашло эмпирическое подтверждение: в исследовании Т. П. Емельяновой⁵ установлено, что выраженность социальной фрустрированности (предполагаемой в качестве индикатора степени воздействия культурной травмы) в группах интеллигенции и студентов оказалась ниже,

⁵ Емельянова Т. П. Культурная травма: социально-психологические аспекты // Материалы итоговой научной конференции Института психологии РАН. М.: ИП РАН. 2008. С. 78–88.

чем у рабочих, неработающих пенсионеров и безработных. Правда, нет указаний на то, контролировался ли в проведенном исследовании возрастной фактор, который мог внести свою «нагрузку» в статистику результатов.

В качестве других условий лучшего совладания с травмой Штомпка называет толерантность и релятивизм; социальную укорененность (наличие широкой сети семейных и дружеских связей, способной оказать эмоциональную поддержку); а также богатство и власть, выполняющих функцию своеобразных социальных буферов, смягчающих удары травматических событий.

Безусловно, этот список также нельзя считать полным, однако предпринятый теоретический анализ концепта культурной травмы Штомпка может служить основой для построения системы понятий, их эмпирической интерпретации и осуществить очередной методико-процедурный шаг к последующей операционализации выявленных индикаторов. Методологической аналогией для интеграции эмпирических показателей в единую концептуальную модель является подход, предложенный в монографии Б. Н. Рыжова «Системная психология» [10].

В рамках системологического подхода в эмпирическом исследовании культурной травматизации должны контролироваться следующие уровни социальной системы и репрезентирующие их показатели: социально-демографический, социально-психологический, социально-политический и социально-культурный. Это позволит построить системную модель исследования воздействия культурной травмы на различные социальные группы.

Социально-демографический фактор может быть представлен такими релевантными изучаемой проблеме показателями, как возраст, уровень образования, семейное положение, место жительства, профессиональная востребованность, занятость или самозанятость. Каждый из них вносит свой вклад в проявление восприимчивости социальной группой воздействия культурной травмы.

Социально-психологический фактор предположительно включает следующие показатели: социальная активность, социальная адаптивность, ценностно-ориентационное

единство с группой, социальные представления, сформированность идентичности.

Социально-политический фактор может быть сконструирован через проявления конкретных значений показателей социальной солидарности, социального равенства, доверия к власти, социальной поддержки, интеграции социальных институтов.

Социально-культурный фактор культурной травматизации может быть представлен следующими показателями: национальные традиции, образ культуры, толерантность, культурный релятивизм (см. табл. 1).

Данная система эмпирических индикаторов представляется перспективной базой для проведения конкретных социологических исследований в области изучения культурной травмы, возможностей ее прогнозирования, предупреждения ее последствий в социально-виктимных группах и управления социальными изменениями.

Таким образом, в теории культурной травмы П. Штомпка теоретически обосновывает разную степень чувствительности социальных групп к ее воздействию. Отдельные его утверждения нашли эмпирическое подтверждение. Однако эмпирический поиск на сегодняшний день представляется недостаточным, фрагментарным и в некоторой степени случайным. Предлагаемая эмпирическая интерпретация может способствовать преодолению разрыва между теоретической и прикладной социологией в области изучения культурной травмы.

Заключение

Культурная травма вызывается социальными изменениями, осуществляемыми в условиях высокого социального риска, поскольку они порождаются социальной активностью различных социальных групп, которые руководствуются различными интересами. Данные риски могут относиться к области межличностных взаимодействий, информационных и групповых процессов, межгрупповой координации или целеполагания. Осуществляемые социальные изменения становятся травматическими событиями, если являются

Системная модель воздействия культурной травмы на различные социальные группы

		Показатели социальной системы
Факторы социальной системы	Социально-демографический	<p><i>Возраст.</i> Представители старших возрастных групп являются менее социально защищенными, имеют более низкий ресурс профессиональной и территориальной мобильности, к тому же имеют больший социальный «груз» пережитых ранее социальных травм.</p> <p><i>Уровень образования.</i> Более образованные обладают более высокими ресурсами профессиональной и территориальной мобильности.</p> <p><i>Ресурс семьи.</i> Люди, имеющие полную, и особенно многопоколенную семью имеют возможность получить эмоциональную поддержку (при условии благоприятных отношений в семье), что может смягчить уровень культурной травматизации.</p> <p><i>Место жительства.</i> Проживание в крупном городе дает большие возможности социальных контактов и профессиональной мобильности, по сравнению с малым моноструктурным городом или сельской местностью.</p> <p><i>Профессиональная востребованность, занятость или самозанятость.</i> Владение престижной и востребованной профессией позволяет человеку успешнее адаптироваться к изменившимся социальным условиям</p>
	Социально-психологический	<p><i>Социальная активность.</i> Высокая ее степень и опыт участия в социальных процессах позволяет направить данный ресурс на изменение существующих обстоятельств.</p> <p><i>Социальная адаптивность.</i> Высокий уровень данного показателя позволяет прогнозировать успешное взаимодействие человека с меняющейся социальной средой.</p> <p><i>Ценностно-ориентационное единство с группой.</i> Высокая его степень способствует эффективной и согласованной координации для выхода из травматических ситуаций.</p> <p><i>Социальные представления.</i> Устойчиво позитивные социальные представления регулируют ментальную деятельность человека в травматической ситуации.</p> <p><i>Сформированность идентичности.</i> Сформированная идентичность позволяет сохранить устойчивое представление о себе в изменившихся условиях</p>
	Социально-политический	<p><i>Социальная солидарность.</i> Высокая ее степень предполагает взаимную помощь и поддержку носителей данной культуры в травматических ситуациях.</p> <p><i>Социальное равенство.</i> Обеспечение равных прав и возможностей в различных сферах жизни общества способствует снижению напряженности в экстремальных социальных условиях.</p> <p><i>Доверие к власти.</i> Открытое положительное отношение общественности к системе власти облегчит возможность проведения реформ, направленных на снижение социального напряжения.</p> <p><i>Социальная поддержка.</i> Доступная и своевременная социальная помощь и поддержка слабо защищенных слоев населения сможет повысить уровень социального оптимизма.</p> <p><i>Интеграция социальных институтов.</i> Высокая степень интеграции в институциональной сфере будет способствовать быстрому и эффективному управлению социальной системой в травматической ситуации</p>
	Социально-культурный	<p><i>Национальные традиции.</i> Знание их и соблюдение обеспечивает укорененность человека в культуре и дает точку опоры в условиях катастрофических социальных изменений.</p> <p><i>Образ культуры.</i> Позитивный образ своей культуры позволяет избежать деструктивных эмоций по поводу переживаний коллективной вины при переоценке событий истории.</p> <p><i>Толерантность.</i> Высокий уровень социальной и этнической толерантности создает условия бесконфликтного взаимодействия с представителями других культур.</p> <p><i>Культурный релятивизм.</i> Подобная позиция позволяет объективно оценить ценности и нормы иных культур, отличающихся от культуры носителя</p>

внезапными, масштабными и разрушающими привычный социальный порядок и парализующими созидательную активность социального субъекта.

Культурная травма представляет собой угрозу личностной, социальной и культурной идентичности, деформируя представления человека или группы о самих себе, о непрерывности жизненного пути и смысле исторического пути сообщества.

Разные группы отличаются разной степенью восприимчивости к культурной травме. В статье выявлены и логически обоснованы показатели социальной травматизации, объединенные в четыре группы факторов:

социально-демографический, социально-психологический, социально-культурный и социально-политический.

Разработанная концептуальная модель культурной травмы и репрезентирующая ее система эмпирических индикаторов может стать методологической основой для проведения конкретных социологических исследований в области изучения культурной травмы, преодоления разрыва между теоретической и прикладной социологией в обозначенном проблемном поле, выявления групп риска культурной травматизации и предупреждения негативных последствий социальных изменений.

Литература

1. **Аганесян А. В.** Культура памяти и некоторые модели памяти о геноциде армян в современном армянском обществе // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Т. 8. № 4–1. С. 46–54.
2. **Белова И. С.** «Ослабленное мышление» — метафизическая травма современной культуры: по мотивам Джанни Ваттимо // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2015. Т. 206. С. 244–253.
3. **Гукова А. В.** Современный цинизм как форма критически-рефлексивного мировоззрения // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 44. С. 5–10.
4. **Дудинiec В. В., Артеменко Н. А.** Культурная травма Германии в диспуте Карла Ясперса и Мартина Хайдеггера // Studia Culturae. 2018. № 36. С. 31–43.
5. **Кожин О. В.** Культурно-ценностные основания рисков современного российского социума // Цивилизация – Общество – Человек. 2016. Т. 1. № 2–3–02–03. С. 24–26.
6. **Лапин Н. И.** Пути социологии к проблеме сложности современной трансформации российского общества // Личность. Культура. Общество. 2018. Т. 20. № 1–2 (97–980). С. 55–67.
7. **Логунова Л. Ю., Рычков В. А.** Противоречия исторической и социальной памяти во взаимоотношениях церкви и государства // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2017. № 38. С. 186–199.
8. **Пименова Н. Н.** Современная философская позиция по вопросу механизмов социокультурных изменений // Сибирский антропологический журнал. 2018. Т. 2. С. 47–69.
9. **Рахаев Дж. Я.** Воспроизведение травмы: осмысление депортации в профессиональной культуре репрессированных народов Северного Кавказа (на примере балкарцев и карачаевцев) // Русский травелог XVIII–XX веков. Новосибирск: НГПУ. 2015. С. 542–562.
10. **Рыжов Б. Н.** Системная психология. 2-е изд. М.: Т8 Издательские Технологии, 2017. 356 с.
11. **Сенкевич А. В.** Страдание человека и страдание мира: светская философия о решении проблемы // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2014. № 3 (88). С. 13–16.
12. **Тынянова О. Н.** Кризис культуры как культура кризиса? Производство пространств и перепроизводство окрестностей // Пространство и время. 2018. № 1–2 (31–32). С. 10–15.
13. **Юшкова Л. А.** Представления современной молодежи о России и Америке: сравнительный анализ результатов исследований 1995, 1996, 1998 и 2015 гг. // Сибирский педагогический журнал. 2016. № 6. С. 73–78.
14. **Casper M. J., Wertheimer E.** Critical Trauma Studies: Understanding Violence, Conflict and Memory in everyday Life. New York: New York University Press. 2016. 293 pp.
15. **De Medeiros K., Ermoshkina P., Rubinstein R.** The Role of Relevancy and Social Suffering in «Generativity» among Older Post-Soviet Women Immigrants // Gerontologist. 2015. Т. 55. № 4. P. 526–536.

16. **Estevez-Saa M., Pereira-Ares N.** Trauma and Transculturalism in Contemporary Fictional Memories of 9/11 // *Critique*. 2016. T. 57. № 3. P. 268–278.
17. **Garifatulina N. Kh., Rachipa A. V., Vorobyev G. A., Kasyanov V. V., Chapurko T. M., Pavlenko I. I., Samygin S. I.** Socio-political Changes as a Socio-cultural Trauma for the Social Health of Russian Youth // *Modern Journal of Language Teaching Methods*. 2018. T. 8. № 5. P. 602–609.
18. **Garagozov R.** Painful Collective Memory: Measuring Collective Memory Affect in the Carabakh Conflict // *Peace and Conflict*. 2016. T. 22. № 1. P. 28–35.
19. **Karabulatova I., Patieva M., Seidina M., Podkopaeva A., Kushnirenko V., Nivazova G.** Tolerance/Intolerance Problems in the Repressed Caucasians Ethno-Trauma Transformation // *Man in India*. 2017. T. 97. № 23. P. 95–103.
20. **Kravccenko S. A.** The Becoming Complex Socium: Social and Cultural Trauma // *Facing an Unequal World: Challenges for Russian Sociology. Papers of Russian Sociologists for the XVIII ISA World Congress of Sociology*. Editor-in-Chief V. Mansurov. 2014. P. 53–55.
21. **Nalipay M., Bernardo A., B., I., Mordeno I. G.** Social Complexity Beliefs Predict Posttraumatic Growth in Survivors of a Natural Disaster // *Psychological Trauma: Theory, research, Practice, and Policy*. 2016. T. 8. № 5. P. 559–567.
22. **Osipov G., Karabulatova I., Shafranov-Kutsev G., Kononova L., Akhmetova B., Loskutova E., Nivazova G.** Ethnic Trauma and its Echo in Today's Mental Picture of the World among the Peoples of the Post-Soviet States: an Interethnic Conflicting Discourse Infolding in Russia's Ethnolinguistic Information Space // *Central Asia and Caucasus*. 2016. T. 17. № 2. P. 87–94.
23. **Platonova R. I., Shkurko N. S., Stepanov P. A., Lukina T. N., Antonova V. N., Ivanov A. K., Okhlopko D. K.** The Internet as Identity Construction space // *Modern Journal of Language Teaching Methods*. 2018. T. 8. № 6. P. 66–73.
24. **Rozhdestvenskaya E., Semenova V., Tartakovskaya I., Kosela K.** *Collective Memories in War*. London, 2016. 196 p. (Studies in European Sociology.)
25. **Ten Dam C.** How to Feud and Rebel: 2. Histories, Cultures and Grievances of Chechens and Albanians // *Iran and the Caucasus*. 2015. T. 15. № 1–2. P. 234–273.
26. **Yair G.** Israeli Existential Anxiety: Cultural Trauma and the Constitution of National Character // *Social Identities*. 2014. T. 20. № 4–5. P. 346–362.

References

1. **Atanesyan A. V.** The Memory of Culture and some models of memory of the Armenian genocide in modern Armenian society // *Historical and socio-educational thought*. 2016. Vol. 8. № 4–1. P. 46–54.
2. **Belov I. S.** «Impaired thinking» — metaphysical trauma of modern culture: inspired by Gianni Vattimo // *Proceedings of Saint-Petersburg state Institute of culture*. 2015. Vol. 206. P. 244–253.
3. **Gukova A. V.** Modern cynicism as a form of critical-reflexive worldview // *Bulletin of Tomsk state University. Philosophy. Sociology. Political science*. 2018. № 44. P. 5–10.
4. **The Visegrád V. V., Artemenko N. A.** Cultural trauma of Germany in the dispute of Karl Jaspers and Martin Heidegger // *Studia Culturae*. 2018. № 36. P. 31–43.
5. **Kozhin O. V.** Cultural and value bases of risks of modern Russian society // *Civilization-Society-Man*. 2016. Vol.1. № 2–3–02–03. P. 24–26.
6. **Lapin N. I.** Ways of sociology to the problem of complexity of modern transformation of Russian society // *Personality. Culture. Society*. 2018. Vol. 20. № 1–2 (97–98). P. 55–67.
7. **Logunova L. Yu., Rychkov V. A.** Contradictions of historical and social memory in the relationship of Church and state // *Bulletin of Tomsk state University. Philosophy. Sociology. Political science*. 2017. № 38. P. 186–199.
8. **Pimenov N. N.** Modern philosophical position on the question of mechanisms of social and cultural change // *Siberian journal of anthropology*. 2018. Vol. 2. P. 47–69.
9. **Rakhaev G. I.** The reproduction of trauma: understanding of deportation in the professional culture of the repressed peoples of the North Caucasus (on the example of the Balkars and Karachays) // *Russian travelogue XVIII–XX centuries*. Novosibirsk: NSPU, 2015. P. 542–562.
10. **Ryzhov B. N.** *System psychology*. 2-nd ed. M.: T8 Publishing Technologies, 2017. 356 p.
11. **Senkevich A.V.** Human Suffering and the suffering of the world: secular philosophy on solving the problem // *News of Volgograd state pedagogical University*. 2014. № 3 (88). P. 13–16.

12. **Тунянова О. Н.** The crisis of culture as a culture of crisis? Production of spaces and overproduction of neighborhoods // *Space and Time*. 2018. № 1–2 (31–32). P. 10–15.
13. **Yushkova L. A.** The representations of modern youth about Russia and America: a comparative analysis of research results 1995, 1996, 1998 and 2015 // *Siberian pedagogical journal*. 2016. № 6. P. 73–78.
14. **Casper M. J., Wertheimer E.** *Critical Trauma Studies: Understanding Violence, Conflict and Memory in everyday Life*. New York: New York University Press. 2016. 293 pp.
15. **De Medeiros K., Ermoshkina P., Rubinstein R.** The Role of Relevancy and Social Suffering in «Generativity» among Older Post-Soviet Women Immigrants // *Gerontologist*. 2015. T. 55. № 4. P. 526–536.
16. **Estevez-Saa M., Pereira-Ares N.** Trauma and Transculturalism in Contemporary Fictional Memories of 9/11 // *Critique*. 2016. T. 57. № 3. P. 268–278.
17. **Garifatulina N. Kh., Rachipa A. V., Vorobyev G. A., Kasyanov V. V., Chapurko T. M., Pavlenko I. I., Samygin S. I.** Socio-political Changes as a Socio-cultural Trauma for the Social Health of Russian Youth // *Modern Journal of Language Teaching Methods*. 2018. T. 8. № 5. P. 602–609.
18. **Garagozov R.** Painful Collective Memory: Measuring Collective Memory Affect in the Carabakh Conflict // *Peace and Conflict*. 2016. T. 22. № 1. P. 28–35.
19. **Karabulatova I., Patieva M., Seidina M., Podkopaeva A., Kushnirenko V., Nivazova G.** Tolerance/Intolerance Problems in the Repressed Caucasians Ethno-Trauma Transformation // *Man in India*. 2017. T. 97. № 23. P. 95–103.
20. **Kravccenko S. A.** The Becoming Complex Socium: Social and Cultural Trauma // *Facing an Unequal World: Challenges for Russian Sociology. Papers of Russian Sociologists for the XVIII ISA World Congress of Sociology*. Editor-in-Chief V. Mansurov. 2014. P. 53–55.
21. **Nalipay M., Bernardo A., B., I., Mordeno I. G.** Social Complexity Beliefs Predict Posttraumatic Growth in Survivors of a Natural Disaster // *Psychological Trauma: Theory, research, Practice, and Policy*. 2016. T. 8. № 5. P. 559–567.
22. **Osipov G., Karabulatova I., Shafranov-Kutsev G., Kononova L., Akhmetova B., Loskutova E., Nivazova G.** Ethnic Trauma and its Echo in Today's Mental Picture of the World among the Peoples of the Post-Soviet States: an Interethnic Conflicting Discourse Infolding in Russia's Ethnolinguistic Information Space // *Central Asia and Caucasus*. 2016. T. 17. № 2. P. 87–94.
23. **Platonova R. I., Shkurko N. S., Stepanov P. A., Lukina T. N., Antonova V. N., Ivanov A. K., Okhlopko D. K.** The Internet as Identity Construction space // *Modern Journal of Language Teaching Methods*. 2018. T. 8. № 6. P. 66–73.
24. **Rozhdestvenskaya E., Semenova V., Tartakovskaya I., Kosela K.** *Collective Memories in War*. London, 2016. 196 p. (Studies in European Sociology.)
25. **Ten Dam C.** How to Feud and Rebel: 2. Histories, Cultures and Grivances of Chechens and Albanians // *Iran and the Caucasus*. 2015. T. 15. № 1–2. P. 234–273.
26. **Yair G.** Israeli Existential Anxiety: Cultural Trauma and the Constitution of National Character // *Social Identities*. 2014. T. 20. № 4–5. P. 346–362.

СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД В СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЯХ Г. ЛЕБОНА И З. ФРЕЙДА¹

А. В. Ткаченко,
МГПУ, Москва,
TkachenkoAV@mgpu.ru

В статье рассматриваются теоретические положения двух классиков социальных наук — Гюстава Лебона и Зигмунда Фрейда. На основе анализа их социологических концепций автор статьи выдвигает тезис об использовании ими системного подхода к изучению социальных явлений. Подчеркивается мысль о том, что и Г. Лебон, и З. Фрейд воспринимали общество как социальную систему с внутренней структурой и относительно устойчивым порядком.

Концепции Г. Лебона и З. Фрейда укладываются в общие рамки развития социологии в конце XIX – начале XX в. В ту эпоху европейское общество пережило серьезные потрясения, и социологи пытались понять причины и следствия происходивших перемен. Поэтому в статье проводятся параллели между взглядами на общество Г. Лебона и З. Фрейда и теми положениями, которые выдвигали Г. Тард, Э. Тайлор, В. Парето, Э. Дюркгейм, М. Вебер, С. Холл, К. Юнг, О. Шпенглер, П. А. Флоренский и П. А. Сорокин.

Наиболее подробно разбирается вклад в социологию Г. Лебона. Указывается, что французский мыслитель рассматривал цивилизацию как социальную систему, которая циклически развивается от одного подъема социальной активности к другому. При этом каждый такой подъем связан со сменой доминирующей в обществе идеи. Особенность развитой социальной системы, по мнению Г. Лебона, в том, что появляется множество недовольных ею социальных групп. Они состоят из социально неуспешных лиц, желающих уничтожения того строя, который мешает их самореализации.

Далее в статье анализируется социологическая теория З. Фрейда. Выделяются главные составляющие этой теории: создание общества для гарантированного регулярного удовлетворения людских потребностей, структурное деление общества на социальные институты, нормативное закрепление социальных порядков, ограничение свобод человека запретами и предписаниями. Обращается внимание на то, что, в отличие от Г. Лебона, З. Фрейд подчеркивал всеобщий и неосознанный характер недовольства социальной системой на позднем этапе ее развития.

В выводах и заключении отмечается соответствие воззрений Г. Лебона и З. Фрейда социальным реалиям, сложившимся в Европе после Первой мировой войны. Социологические концепции Г. Лебона и З. Фрейда трактуются как попытка мыслителей объяснить современные социальные процессы с позиций системного подхода.

Ключевые слова: социология; системный подход; социальная система; социальный институт; социальная норма; социальное развитие; цивилизация.

Для цитаты: Ткаченко А. В. Системный подход в социологических концепциях Г. Лебона и З. Фрейда // Системная психология и социология. 2019. № 2 (30). С. 88–97. DOI: 10.25688/2223-6872.2019.30.2.08

Ткаченко Александр Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры социологии и психолого-социальных технологий Института психологии, социологии и социальных отношений МГПУ, Москва.

E-mail: TkachenkoAV@mgpu.ru

¹ Статья является продолжением публикации, представленной в журнале «Системная психология и социология»: Ткаченко А. В. Системный подход в работах О. Конта, Г. Спенсера и родоначальников социологической науки // Системная психология и социология. 2019. № 1 (29). С. 109–120.

A SYSTEM APPROACH IN G. LE BON AND S. FREUD'S SOCIOLOGICAL CONCEPTS²

A. V. Tkachenko,
MCU, Moscow,
tkachenkoAV@mgpu.ru

The article deals with the theoretical positions of two classics of social sciences — Gustave Le Bon and Sigmund Freud. On the basis of the analysis of their sociological concepts the author puts forward the thesis about a system approach to social phenomena study in the works of the mentioned scientists. It is emphasized that G. Le Bon and S. Freud perceived society as a social system with its internal structure and proper order.

The concepts of G. Le Bon and S. Freud fit into the general framework of the development of sociology in the late XIX – early XX centuries. European society experienced a serious upheaval that time, and sociologists tried to understand the causes and consequences of manifesting changes. Some parallels are mentioned in the article between Gustave Le Bon and Sigmund Freud's society views and views made by G. Tarde, E. Tylor, V. Pareto, E. Durkheim, M. Weber, S. Hall, C. Jung, O. Spengler, P. A. Sorokin and P. A. Florensky.

The most detailed analysis of G. Le Bon's works is presented here. It is mentioned that he as the French thinker considered civilization as a social system, that developed cyclically from one rise of social activity to another. Each rise was associated with the change of the dominant ideas in the society. According to G. Le Bon, the peculiarity of the developed social system is the presence of many dissatisfied social groups in it. They consist of socially unsuccessful persons, who want to destroy the system, that prevents their self-realization.

The analyzes of S. Freud's sociological theory is also presented here in the article. There are several main components of his theory: a society as a point to ensure human needs, social institutions of the society, normative basis for the social order to restrict human freedoms by different types of regulations. A special attention is paid to the fact, that S. Freud emphasized the universal and unconscious nature of dissatisfaction with any social system at the later stage of its development, unlike G. Le Bon.

In the conclusion of the article the author notes the accordance of G. Le Bon and S. Freud's views with the social realities in Europe after the First World war. Sociological concepts of G. Le Bon and S. Freud are interpreted as an attempt to explain actual social processes from the standpoint of the system approach.

Keywords: sociology; system approach; social system; social institution; social norm; social development; civilization.

For citation: Tkachenko A. V. A System Approach in G. Le Bon and S. Freud's Sociological Concepts // Systems Psychology and Sociology. 2019. № 2 (30). P. 88–97. DOI: 10.25688/2223-6872.2019.30.2.08

Tkachenko Alexander Vladimirovich, PhD in History, Associate Professor, Docent at the Department of Sociology and Psychosocial Technologies at the Institute of Psychology, Sociology and Social Relations of the Moscow City University, Moscow, Russia.

E-mail: TkachenkoAV@mgpu.ru

Введение

Со времен О. Конта и Г. Спенсера социологи использовали системный подход при анализе социальных процессов и явлений. К этому их подталкивала логика развития социальных и естественных наук, которые все чаще рассматривали природу, общество и отдельные природные и социальные явления как упорядоченные, имеющие свои границы и внутреннюю структуру объекты. Идея о том, что общество

можно уподобить самовоспроизводящемуся и саморазвивающемуся организму, постепенно приобретала все большую популярность в научном мире. А любые устойчивые общности и отношения внутри социального организма стали трактоваться мыслителями как функционально взаимосвязанные элементы, сгруппированные в подразделы единой и большой системы [13; 14; 16]. Как отмечает Б. Н. Рыжов, в Новейшее время сложилось системное движение в мировой науке [8: с. 59].

² The article is a continuation of the publication presented in the journal «Systems Psychology and Sociology»: Tkachenko A. V. The Systems Approach in Sociology by A. Comte, H. Spencer and Other Founders of Sociological Science // Systems Psychology and Sociology. 2019. № 1 (29). P. 109–120.

В конце XIX – начале XX в. социология окончательно оформилась как самостоятельная наука со своей методологией и понятийным аппаратом. Поэтому данный период ее развития можно по праву назвать классическим. Именно в это время появляются выдающиеся работы исследователей — Г. Тарда, В. Парето, Э. Дюркгейма, М. Вебера, Г. Зиммеля, Л. Гумпловича, Ф. Тённиса, Ф. Гиддингса, А. Смолла, О. Шпенглера, М. М. Ковалевского, Н. И. Кареева и многих других — на идеи которых опираются современные социологические школы. И совершенно особое место в социологии классического периода занимают труды Г. Лебона и З. Фрейда, которые по своему основному образованию являлись медиками, но оставили настолько обширное научное наследие, что в нем можно найти работы и по психологии, и по культурологии, и по истории, и по социологии [7: с. 29].

Интерес к социологии относится к последним десятилетиям жизни многих исследователей. Так, В. Парето изначально занимался экономикой, Г. Тард, М. Вебер и П. А. Сорокин — юриспруденцией, Н. И. Кареев — историей. Г. Лебон до 1890–1900-х годов, когда были написаны самые значимые его социологические труды, изучал медицину и историю стран Востока [17]. А З. Фрейд увлекся изучением социальных процессов в основном в 1920–1930-е годы после длительного исследования индивидуальных психологических особенностей личности [19].

Можно предположить, что с возрастом глубоко мыслящий человек в большей степени обращает внимание на закономерности развития общества и в силу накопленных знаний и жизненного опыта имеет больше возможностей разобраться в глобальных вопросах, волнующих современников [4; 5]. Но вместе с тем на повышение интереса Г. Лебона и З. Фрейда к социологии повлияла та ситуация, которая сложилась в европейском обществе на рубеже XIX–XX вв. В первую очередь это нарастающая конфронтация между социальными классами, рост революционного движения и Первая мировая война.

Иными словами, Г. Лебон и З. Фрейд не могли быть сторонними наблюдателями тех, разрушающих социальный порядок,

событий и процессов, которые волновали всю Европу. Оба мыслителя переключились на описание социальных явлений, когда им было более 50–60 лет и когда они уже в значительной степени привыкли к сложившемуся за десятилетия социальному порядку. Несмотря на свои смелые и новаторские научные идеи, Г. Лебон и З. Фрейд испытывали тревогу, получая новости о распространении агрессии и радикализма в Европе.

Поскольку общей тенденцией развития социологической мысли уже тогда было обращение к системному подходу, Г. Лебон и З. Фрейд не могли игнорировать его при создании своих социологических концепций. Цель настоящей работы — доказать, что и Г. Лебон, и З. Фрейд, действуя независимо друг от друга, опирались на одни и те же методы системного подхода и в результате пришли к схожим научным выводам.

Системный подход в социологической концепции Г. Лебона

Общество в концепции Гюстава Лебона — это цивилизация, т. е. система, опирающаяся на многовековые культурные нормы человеческого общежития. Как и полагается системе, цивилизация имеет внутреннюю структуру и механизмы саморазвития и поддержания ее в устойчивом состоянии.

Анализ работ французского мыслителя подтверждает этот тезис, так как в них неоднократно упоминаются структурные компоненты системы цивилизации — различные области деятельности социальных групп: искусство, литература, философия, наука, религия, право, политика, экономика и др. В связи с этим следует отметить пересечение идей Г. Лебона с идеями О. Конта и Г. Спенсера, которые еще в середине XIX века описывали общество как взаимосвязь отдельных сфер коллективной деятельности.

Г. Лебон усматривал механизм саморазвития социальной системы в утверждении идей, на какое-то время разделяемых значительной частью общества. Это может быть религиозная, политическая или научная идея, о чем писали многие философы задолго до Г. Лебона. По сути, именно о роли идей в развитии

общества писал О. Конт, когда выделял три стадии в развитии социального мировоззрения — теологическую, метафизическую и научную³. А по мнению младшего современника Г. Лебона — М. Вебера, современный социально-экономический строй сложился благодаря утверждению в ряде стран Западной Европы в XVI в. протестантских идей о рациональной организации труда и накопительстве⁴.

Идеи, по мнению Г. Лебона, создаются либо выдающимися исследователями и изобретателями, либо фанатиками. Последние способны передать их массам, поскольку более энергичны и сами воодушевлены своими открытиями. Г. Галилей или И. Ньютон не смогли бы повести за собой столько людей, как апостол Павел или пророк Мухаммед. Внедрение идей происходит через внушение и воздействие на бессознательную область чувств⁵. Причем нетрудно заметить, что термин «бессознательное» активно использовался как Г. Лебоном, так и З. Фрейдом⁶.

Кроме того, Г. Лебон настаивал на неизбежности медленного распространения идей. Даже самые очевидные и опытным путем доказанные научные знания, по его словам, находят признание не раньше чем через четверть столетия после их выдвижения. Подобно своему современнику Г. Тарду, он считал, что при распространении идей включаются механизмы заражения и подражания⁷. Именно так создается общественное мнение, без которого любая идея остается теорией для узкого круга лиц. Как полагает А. В. Окатов, опытное восприятие событий, подтверждающих или опровергающих предложенную идею, может служить лишь для закрепления уже сложившегося мнения [6: с. 7].

Несмотря на постоянную смену идей, социальная система стремится к порядку

и равновесию. Если проследить развитие общества на протяжении веков, можно отметить цикличность развития социальной системы — от принятия одной идеи к принятию другой. Таким образом, принимая новую идею, система колеблется, но, пройдя потрясение, в каждом новом цикле возвращается в прежнее, относительно устойчивое состояние.

Данная мысль во многом напоминает выдвинутую позже идею П. А. Сорокина о периодической смене социокультурных типов цивилизации, для каждого из которых характерна своя доминирующая идея и связанное с ней мировосприятие. При этом XX в. — это рубежная и потому наполненная социальными волнениями и борьбой идей эпоха накануне очередной смены давно устоявшегося социокультурного типа⁸. По этой логике, правомерно ожидание социального взрыва при переходе от одной господствующей в обществе идеи к другой с последующим возвращением социальной системы к устойчивому состоянию спустя некоторое время после всплеска социальной активности. Как подчеркивает М. Р. Ишмура, цивилизация — это прежде всего способ поведения масс [2: с. 57].

Г. Лебон приводил в своих работах примеры построения общества на системных понятиях. Так, в Средние века в европейском обществе превалировали идеи христианства и феодализма. В эпоху Возрождения к ним добавилась идея возврата к античным ценностям, что не могло не расшатать социальную систему, поскольку идея опоры на античное язычество вступала в противоречие с христианской идеологией. П. А. Флоренский, например, признавал саму попытку синтеза двух этих идей заведомо неудачной⁹. Далее, в эпоху Просвещения, стала популярной идея опоры на научное знание, полученное эмпирическим путем, что подготовило переход социальной системы в современное состояние.

В самой системе заложен способ ее сохранения, который реализуется при соответствии новых идей уже существующей идеальной

³ Конт О. Дух позитивной философии: Слово о положительном мышлении. М.: ЛКИ, 2016. 80 с.

⁴ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. М.: Директ-Медиа, 2016. 178 с.

⁵ Лебон Г. Психология народов и масс. М.: Эксмо, 2018. 352 с.

⁶ Фрейд З. Введение в психоанализ. М.: АСТ, 2018. 608 с.

⁷ Тард Г. Общественное мнение и толпа. М.: Ленанд, 2015. 208 с.

⁸ Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика. М.: Академический проект, 2017. 964 с.

⁹ Флоренский П. А. История и философия искусства. М.: Академический проект, 2017. 656 с.

модели системного развития. Ни одна идея не будет принята народом, если она не отвечает его интересам и ожиданиям. Пророк Моисей, как писал Г. Лебон, сумел повести за собой еврейский народ лишь потому, что предложил ему идею освобождения от египетского рабства, о чем евреи давно мечтали. Идеи Крестовых походов, распространения буддизма или ислама стали основополагающими для многих народов именно потому, что появления чего-то подобного в обществе уже ждали. Хотя почти любая великая идея иллюзорна и часто при детальном рассмотрении иррациональна, она не должна отрываться от социального идеала и в этом плане разумна. Как указывал В. Парето, очень часто поведение людей, лишенное логики, приносит общественную пользу¹⁰.

Г. Лебон как достаточно прагматичный человек подчеркивал, что в основе поддержания социальной системы лежит прагматизм. Именно практичные, опытные и хорошо знакомые с разнообразными реалиями жизни люди являются естественными защитниками цивилизации от нападок со стороны стремящихся ее разрушить внутренних сил. Внутренние силы, разрушающие систему цивилизации, — это неприспособленные к ней люди, к которым относятся неудачники и, как выражался Г. Лебон, дегенераты. Неудачники — это физически и умственно здоровые люди, нередко с хорошим образованием, но не сумевшие найти признание и работу с высоким окладом. В своих бедах они винят ту социальную систему, которая не дает им самореализоваться. Однако, по мнению Г. Лебона, причина большинства проблем не в системе, а в отсутствии у неудачников практических знаний и умений. Что касается людей, названных Г. Лебоном дегенератами, то к их числу относятся инвалиды, душевнобольные, эпилептики, рахитики, алкоголики, то есть физически и умственно неполноценные индивиды. Они, как и здоровые, но бедные люди, ненавидят то общество, в котором они живут, и желают его ликвидации¹¹.

Подобно Г. Спенсеру, Г. Лебон придерживался концепции социал-дарвинизма и, прямо ссылаясь на Ч. Дарвина, утверждал, что как больные животные, так и больные люди препятствуют развитию своего вида¹². Причина деградации социальной системы — в неконтрольном размножении людей, желающих ее разрушить и предлагающих деструктивные идеи вроде социалистических. Антисистемные социальные группы растут численно не только потому, что бедные люди и алкоголики более склонны к размножению. Их распространению способствует также усиление конкуренции в обществе, благодаря чему появляется большое количество безработных учителей, врачей без практики или писателей, книги которых не издаются и не читаются. Более того, современная система образования предоставляет учащимся теоретические знания, из-за чего преподаватели и студенты не могут стать успешными в жизни. А сохранившаяся в Европе идея христианского гуманизма не позволяет уничтожать или изолировать от общества всех психических и неизлечимых больных. В итоге недовольных становится все больше.

Механизм разрушения системы цивилизации — упразднение социальных институтов, основанных на скрепляющих общество идеях, в первую очередь тех, которые принято называть консервативными. В качестве примера можно привести постепенный упадок института семьи и религии. Падение общественного интереса к традиционной религии отмечали почти все европейские социологи конца XIX — начала XX в.: Г. Спенсер, Э. Тайлор, Дж. Фрэнгер, М. М. Ковалевский, В. Парето, Э. Дюркгейм, О. Шпенглер, Б. Малиновский, З. Фрейд и многие другие¹³. Важно отметить, что даже те исследователи, которые не считали себя христианами, признавали социально интегрирующую роль религии и нередко высказывали опасения по поводу слишком быстрого распространения атеистических идей. В частности, В. Парето, а позже О. Шпенглер писали о том, что отказ общества от религии

¹⁰ Парето В. Компендиум по общей социологии. М.: ВШЭ, 2008. 511 с.

¹¹ Лебон Г. Психология социализма. М.: Социум, 2019. 476 с.

¹² Спенсер Г. Научные основания нравственности. М.: ЛКИ, 2017. 246 с.

¹³ Фрейд З. Будущее одной иллюзии. Харьков: Фолио, 2013. 160 с.

является таким же признаком его саморазрушения, как рост политического и культурного радикализма¹⁴.

Основное отличие концепции Г. Лебона от идей З. Фрейда в том, что, с точки зрения французского мыслителя, социальная система отвергается не всеми людьми, а только неприспособленными и они открыто выражают свое недовольство через революционные призывы преобразовать всю систему.

Системный подход в социологической концепции З. Фрейда

Социологическая и психологическая концепция З. Фрейда основана на его обращении к системному подходу. Представление психики человека как системы, состоящей из трех частей — Я, Сверх-Я и Оно, — уже подразумевает системный анализ внутриличностных процессов¹⁵. Но намного меньше известно о применении З. Фрейдом системного подхода для анализа социальных процессов.

Как и Г. Лебон, З. Фрейд отождествлял социальную систему с цивилизацией. При этом социальная система, в его представлении, входит в более крупную систему природы [15]. Определенное влияние на него оказала теория рекапитуляции С. Холла, согласно которой психика отдельного человека в своем развитии повторяет этапы развития всего человечества. Иными словами, З. Фрейд никогда не забывал о том, что люди — это прежде всего биологические организмы, тесно связанные с внешним миром и действующие в соответствии с эволюционными законами природы [1: с. 10]. Более того, организм — это энергетическая система, и циркулирующая в нем психическая энергия создает определенный тип поведения [9: с. 2].

Как система цивилизация должна иметь внутреннюю структуру, и З. Фрейд определяет ее как совокупность социальных институтов. Эти институты создают нормативный порядок, следуя которому люди удовлетворяют часть

своих потребностей, искусственно сдерживая другие.

Причина создания социальной системы коренится в желании людей избежать частой неудовлетворенности потребностей и найти защиту от угроз со стороны внешнего мира и себе подобных. Объединение в общество означает отход людей от животного состояния и предотвращение «войны всех против всех», о которой писал Т. Гоббс, имея в виду догосударственное состояние социума. Механизм зарождения системы цивилизации сводится, по З. Фрейду, к отказу индивидов от бессистемного и негарантированного удовлетворения инстинктов ради регулярного и упорядоченного получения удовольствий. Человек, живущий в коллективе, где установлены определенные нормы поведения, получает гарантию, что, если он будет следовать данным нормам, его физиологические, материальные и духовные потребности будут удовлетворяться не время от времени, а регулярно, хотя и не интенсивно.

З. Фрейд считал, что цивилизация изначально создавалась как объединение мужчины и женщины в семью. Этот социальный институт избавил супругов от поиска полового партнера и от одиночного поиска средств к существованию. В дальнейшем общество укрепилось через объединение взрослых сыновей против диктата отца и стало вводить для своих членов множество санкций и обычаев, направленных на сохранение сложившегося порядка¹⁶.

Стремление социальной системы к самосохранению как раз и прослеживается через создание социальных институтов и присущих им норм, обеспечивающих стабильное существование системы. Но те же социальные институты, которые призваны помогать людям, одновременно сдерживают их инстинкты и тем самым ограничивают их свободы. Механизм ограничения свобод социальными институтами заключается в подчинении личных потребностей интересам коллектива посредством введения целой системы запретов и предписаний¹⁷.

¹⁴ Парето В. Социалистические системы. М.: РИОР, 2019. 716 с.

¹⁵ Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого Я. М.: Эксмо-Пресс, 2019. 320 с.

¹⁶ Фрейд З. Тотем и табу. Психология первобытной культуры и религии. М.: Эксмо-Пресс, 2018. 224 с.

¹⁷ Фрейд З. Болезнь культуры. М.: АСТ, 2014. 448 с.

На взгляды З. Фрейда повлияли идеи Э. Тайлора и Дж. Фрэзера о первобытной культуре и характерном для первобытных племен тотемизме¹⁸. Подобно Э. Дюркгейму, тоже увлеченному работами Э. Тайлора и его последователей, З. Фрейд опирался в своих теоретических построениях на этнографический материал, опубликованный кабинетными учеными, которые сами не проводили полевые исследования. Поэтому Б. Кар называет З. Фрейда не столько ученым, сколько публицистом [3: с. 5]. Таким образом, З. Фрейд собирал данные для своих масштабных выводов об обществе в библиотеке, и его поздние труды содержат ссылки на спорные примеры обрядов и мифов, заимствованные из книг и статей социальных антропологов начала XX в. М. И. Яновский даже считает, что фрейдизм не может считаться подлинно научной теорией и больше походит на систему гипотез [10: с. 19].

Один из важнейших постулатов З. Фрейда касается причины возможного разрушения социальной системы. По его мнению, такой причиной может стать недовольство ограничениями, которые накладывает культура на поступки человека¹⁹. Сам процесс разрушения социальной системы он описывал как переход людей от состояния тревоги к агрессии против системных ограничений свободы. Агрессия направляется как внутрь человека, так и вовне — на социальные порядки и закрепляющие их социальные институты и организации. Человек хочет сделать то, к чему его побуждает природный инстинкт, но многочисленные запреты и предписания не позволяют ему свободно удовлетворять свои потребности [12]. Социальные нормы, т. е. то, что при создании общества казалось избавлением от недовольствия, на поздней стадии развития социальной системы начинают восприниматься как препятствие для получения удовольствий²⁰.

З. Фрейд был солидарен с Э. Дюркгеймом, утверждавшим, что социальный прогресс

не всегда несет людям счастье²¹. Оба они писали, по сути, об одном и том же — о распространении аномии как отрицания социальных ценностей. Но если Э. Дюркгейм полагал, что аномия приводит человека к апатии, отращению к действительности и самоубийству, то З. Фрейд, переживший Первую мировую войну, делал акцент на агрессивных формах протеста против общественных порядков [20]. Более того, Э. Дюркгейм считал аномию явлением, свойственным отдельным социально неадаптированным лицам, а З. Фрейд подчеркивал неосознанность и всеобщность недовольства обществом.

Возможно, на австрийского мыслителя повлияло учение К. Юнга о коллективном бессознательном²², потому что фрейдистская концепция представляет народные массы как совокупность индивидов, охваченных одним и тем же бессознательным желанием освободиться от давления со стороны социальных институтов [11]. Истинные мотивы агрессивного поведения масс не понятны самим участникам социальных движений. Однако бессознательное в данном случае не является индивидуальным свойством личности. Это — коллективное влечение, стремящееся проявиться в социальном поведении. Самые яркие примеры неосознанной агрессии против социальной системы — войны и революции, принимающие все более жестокий характер²³.

После Первой мировой войны многие социальные мыслители писали об упадке современной цивилизации. Достаточно вспомнить тезис О. Шпенглера о закате Европы²⁴. Социологическая концепция З. Фрейда пересекается с идеей О. Шпенглера и, подобно концепции Г. Лебона, является своеобразным предупреждением европейскому обществу о том, что социальная система, достигнув расцвета, становится особенно уязвимой и что внутренние противоречия способны ее уничтожить, как это

²¹ Дюркгейм Э. Самоубийство. М.: АСТ, 2018. 448 с.

²² Юнг К. Архетипы и коллективное бессознательное. М.: АСТ, 2019. 552 с.

²³ Фромм Э. Теория Зигмунда Фрейда. М.: АСТ, 2018. 288 с.

²⁴ Шпенглер О. Закат Западного мира. М.: Альфа-книга, 2017. 1088 с.

¹⁸ Тайлор Э. Первобытная культура: в 2 т. М.: Терра, 2009. 960 с.

¹⁹ Фрейд З. Психоанализ. Религия. Культура. М.: Канон+, 2014. 368 с.

²⁰ Фрейд З. Неудовольство культурой. Харьков: Фолио, 2013. 222 с.

в древности произошло с римской цивилизацией [18].

Основное отличие идей З. Фрейда от идей Г. Лебона заключается в том, что в представлении основоположника теории психоанализа социальная система развивается не циклически, а линейно — от примитивного состояния к зрелому, — после чего начинает деградировать, так как перестает восприниматься людьми как необходимость.

Выводы

Анализ социологических воззрений Г. Лебона и З. Фрейда позволяет прийти к следующим важным выводам. Оба исследователя отождествляли социальную систему с цивилизацией и тем самым подчеркивали, что в основе этой системы лежит установленный через культурные нормы порядок.

Процесс развития социальной системы Г. Лебон объяснял как смену господствующих и часто иллюзорных идей, а З. Фрейд — как часто неосознанные, но вполне прагматичные попытки людей избежать неудовольствия через установление социального контроля над жизнью каждого члена общества.

Г. Лебон и З. Фрейд сходились во мнении, что социальная система стремится к равновесию и самосохранению. Но если первый видел устойчивость социальной системы в закреплении господствующей в обществе идеи, то второй — в создании социальных институтов, закрепляющих социальные запреты и предписания.

Как Г. Лебон, так и З. Фрейд скептически относились к умственным способностям

и моральному облику большинства людей, а Г. Лебон — еще и к их волевым качествам. Таким образом, социальная система, в представлении Г. Лебона и З. Фрейда, развивается вопреки осознанным желаниям народных масс.

Оба мыслителя придерживались точки зрения о неизбежном недовольстве, которое вызывает у большинства людей цивилизация. Это недовольство, по Г. Лебону, является итогом неудачного самоутверждения человека в обществе, а по З. Фрейду, — следствием ограничения свобод и желаний.

Заключение

Таким образом, Г. Лебон и З. Фрейд одинаково обращались к системному подходу для анализа социальных явлений. При этом они с пессимизмом оценивали перспективы развития социальной системы. При всех различиях в научных взглядах, Г. Лебон и З. Фрейд посвятили свои социологические труды одной и той же цели — описанию причин и механизмов постепенного разрушения устоев современного общества.

Г. Лебон и З. Фрейд акцентировали свое внимание на неудовлетворенности людей социальной системой, созданной их предками как раз для того, чтобы чувствовать себя счастливыми, и борьбе с ней. Наблюдение за социальными процессами, происходившими в начале XX в. в Европе, привело их к общему выводу о возможном разрушении социальной системы через уничтожение устоявшихся социальных институтов. И свои социологические концепции Г. Лебон и З. Фрейд выстраивали, чтобы научно обосновать кризис европейской цивилизации.

Литература

1. **Гай П.** Фрейд. М.: КоЛибри, 2016. 960 с.
2. **Ишмурзина М. Р.** Психология толпы. Эволюция идеи от Лебона до Фромма // Вестник Курганского государственного университета. Серия: Физиология, психология, медицина. 2017. № 9. С. 57–60.
3. **Кар Б.** Правила жизни от Зигмунда Фрейда. М.: Эксмо, 2015. 160 с.
4. **Кинодо Ж. М.** Читая Фрейда. Изучение трудов Фрейда в хронологической перспективе. М.: Когито-Центр, 2014. 416 с.
5. **Лепетухин Н. В.** Жизнь и «психологии» доктора Гюстава Лебона // Вопросы истории естествознания и техники. 2016. Т. 37. № 4. С. 751–779.
6. **Окатов А. В.** Теории коллективного поведения Г. Лебона и Г. Тарда в контексте современного гражданского общества // Вестник Тамбовского университета. Серия: Социальные науки. 2016. Т. 2. Вып. 2 (6). С. 5–11.

7. Рудинеско Э. Зигмунд Фрейд в своем времени и нашем. М.: Кучково поле, 2018. 416 с.
8. Рыжов Б. Н. Системная психология. М.: Т8 Издательские технологии, 2017. 356 с.
9. Сердцева Н. П. Фрейд. Принципы, идеи, судьба. М.: Эксмо, 2018. 192 с.
10. Яновский М. И. Критический анализ теории З. Фрейда // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология. 2015. Т. 8. № 3. С. 11–20.
11. Csizsar S. N. The golden book about Sigmund Freud. North Charleston, South Caroline: Create space independent publishing platform, 2015. 60 p.
12. Crews F. Freud: The making of an illusion. N.Y.: Profile books, 2017. 768 p.
13. Bobkova E. M. The theoretical and methodological approach to the social development research // Labour and social relations. 2018. № 2. P. 200–209.
14. Florya V. M. Methodology of researching social changes // Contemporary problems of social work. 2016. Vol. 2. № 3 (7). P. 20–27.
15. Liebert D. In's not about Freud but it's all about Freud: development of a contemporary psychology. North Charleston, South Caroline: Create space independent publishing platform, 2017. 192 p.
16. Molodov O. B., Kaminskii V. S. Theoretical and methodological approaches to studying social reality // Economic and social changes: facts, trends, forecast. 2017. Vol. 10. № 2. P. 150–163.
17. Ohlberg M. The era of crowds: Gustave Le Bon, crowd psychology and conceptualizations of mass-elite relations in China // The dynamics of transculturality: concepts and institutions in motion. Springer, 2014. P. 157–183.
18. Phillips A. Becoming Freud: The making of a psychoanalyst (Jewish Lives). New Haven: Yale university press, 2016. 192 p.
19. Sigmund Freud: A life from beginning to end. Hourly History. North Charleston, South Caroline: Create space independent publishing platform, 2018. 49 p.
20. Steinberg S. A fictional biography about Freud: the endless control of madness. North Charleston, South Caroline: Create space independent publishing platform, 2015. 666 p.

References

1. Gay P. Freud. M.: KoLibri, 2016. 960 p.
2. Ishmurzina M. R. Crowd psychology. Evolution of the idea from Le Bon to Fromm // Bulletin of Kurgan state university. Series: Physiology, psychology, medicine. 2017. № 9. P. 57–60.
3. Cahr B. Life lessons from Freud. M.: Eksmo, 2015. 160 p.
4. Quinodoz J. M. Reading Freud. The study of Freud's works in chronological perspective. M.: Cogito-center, 2014. 416 p.
5. Lepetukhin N. V. Life and «psychologies» of Dr. Gustave Le Bon // Issues of natural science and technique history. 2016. Vol. 37. № 4. P. 751–779.
6. Okatov A. V. Theories of collective behavior of G. Le Bon and G. Tarde in the context of a modern civil society // Tambov university review. Series: Social sciences. 2016. Vol. 2. № 2 (6). P. 5–11.
7. Rudinesko E. Sigmund Freud in his time and ours. M.: Kuchkovo Pole, 2018. 416 p.
8. Ryzhov B. N. System psychology. M.: T8 Izdatelskiye tekhnologii, 2017. 356 p.
9. Serdtseva N. P. Freud. Principles, ideas, destiny. M.: Eksmo, 2018. 192 p.
10. Yanovskiy M. I. The critical analysis of the Z. Freud's theory // Bulletin of the South Ural State University. Series: Psychology. 2015. Vol. 8. № 3. P. 11–20.
11. Csizsar S. N. The golden book about Sigmund Freud. North Charleston, South Caroline: Create space independent publishing platform, 2015. 60 p.
12. Crews F. Freud: The making of an illusion. N.Y.: Profile books, 2017. 768 p.
13. Bobkova E. M. The theoretical and methodological approach to the social development research // Labour and social relations. 2018. № 2. P. 200–209.
14. Florya V. M. Methodology of researching social changes // Contemporary problems of social work. 2016. Vol. 2. № 3 (7). P. 20–27.
15. Liebert D. In's not about Freud but it's all about Freud: development of a contemporary psychology. North Charleston, South Caroline: Create space independent publishing platform, 2017. 192 p.
16. Molodov O. B., Kaminskii V. S. Theoretical and methodological approaches to studying social reality // Economic and social changes: facts, trends, forecast. 2017. Vol. 10. № 2. P. 150–163.

17. **Ohlberg M.** The era of crowds: Gustave Le Bon, crowd psychology and conceptualizations of mass-elite relations in China // The dynamics of transculturality: concepts and institutions in motion. Springer, 2014. P. 157–183.

18. **Phillips A.** Becoming Freud: The making of a psychoanalyst (Jewish Lives). New Haven: Yale university press, 2016. 192 p.

19. Sigmund Freud: A life from beginning to end. Hourly History. North Charleston, South Caroline: Create space independent publishing platform, 2018. 49 p.

20. **Steinberg S.** A fictional biography about Freud: the endless control of madness. North Charleston, South Caroline: Create space independent publishing platform, 2015. 666 p.

Рецензии

УДК 159.9

DOI 10.25688/2223-6872.2019.30.2.09

A REVIEW ABOUT OLD AGE AND DISABILITY¹

(A review: A. A. Zych [red.]. *Encyklopedia starości, starzenia się i niepełnosprawności w 5 t.*²)

T. Aleksander,

WPU, Warsaw, Poland,
aleksander.tadeusz@gmail.com

Aleksander Tadeusz, Doctor of Andragogy (PhD), Full Professor. A Professor at the Institute of Philology and Pedagogy of the Wszechnica Polska University in Warsaw, Warsaw, Poland

E-mail: aleksander.tadeusz@gmail.com

The demographic phenomenon of the twentieth century, which is the rapid aging of societies of all continents and countries, has resulted in very significant changes in science. It gave birth to a scientific movement expressed in the emergence of extensive reflection on aging and old age, constantly multiplied in the proliferation of scientific institutions, emerging magazines on the subject, and more and more numerous books, and increasingly frequent syntheses of scientific knowledge about aging and old people. An example of the latter are gerontological glossaries and encyclopedias related to aging and old age — also often accompanied by disability.

As far as gerontological glossaries are concerned, one of the first was an American publication — issued in 1980 — *A Glossary of Aging Terminology* (edited by Steven Bell et al.). After it, in 1985, a multilingual *International Glossary of Social Gerontology* was published (edited by Mary Jo Story Gibson and Charlotte Nusberg). It was developed with the support of the International

Federation of Aging. In the following years similar glossaries appeared in many other countries.

A little later, gerontological encyclopedias were created. The beginning was also initiated by American works: Arthur F. Beringause's *The Encyclopedia of Aging...* from 1987, and the collective work — *The Encyclopedia of Aging and the Elderly* from 1992 (edited by James E. Birren) and others. In the similar activity, Germany was slightly delayed, publishing in 1988 *Das Alter. Kleine Enzyklopädie* (edited by Lothar Pickenhain and Werner Ries). This work has quickly found followers in other countries.

Also in Poland, at the end of the last century, there was an intense development of scientific reflection on the subject of aging and the old man. This movement was a consequence of the demographic aging of Polish society and this was expressed in a growing number of articles and books in the field of gerontology and then the development of glossaries and encyclopedias in this field. As early as in 1987, Lucyna M. Frąckiewicz and Bogna Żakowska-Wachełko published

¹ Translated by *Andrzej Diniejko*, PhD, Warsaw University, Poland, e-mail: asdiniejko@poczta.onet.pl

² *Encyklopedia starości, starzenia się i niepełnosprawności*. 1 T. / A. A. Zych [red.], Katowice: Stowarzyszenie Thesaurus Silesiae – Skarb Śląski, 2017. 598 s.; *Encyklopedia starości, starzenia się i niepełnosprawności*. 2 T. / A. A. Zych [red.], Katowice: Stowarzyszenie Thesaurus Silesiae – Skarb Śląski, 2017. 443 s.; *Encyklopedia starości, starzenia się i niepełnosprawności*. 3 T. / A. A. Zych [red.], Katowice: Stowarzyszenie Thesaurus Silesiae – Skarb Śląski, 2017. 560 s.; *Encyklopedia starości, starzenia się i niepełnosprawności*. 4 T. / A. A. Zych [red.], Katowice: Stowarzyszenie Thesaurus Silesiae – Skarb Śląski, 2017. 320 s.; *Encyklopedia starości, starzenia się i niepełnosprawności*. 5 T. / A. A. Zych [red.], Katowice: Stowarzyszenie Thesaurus Silesiae – Skarb Śląski, 2017. 498 s.

a terminological glossary *300 wiadomości o starości* (300 Entries About Old Age), in which they discussed selected problems of social gerontology, health and prevention of diseases of elderly and old people. In 2001, the first large lexicographical study in the field of gerontology was created in Poland. It was *Słownik gerontologii społecznej* (Glossary of Social Gerontology) by Adam A. Zych. A serious scientific achievement of this author is also *Leksykon gerontologii* (Lexicon of Gerontology) published in 2007 which — despite its size (about 1,200 entries) — was, in a short time, three times reprinted (2010, 2017, 2019).

Absolutely with no delay in relation to the West appeared in Poland the first *Encyklopedia seniora* (The Encyclopedia of the Senior). It was edited by Jerzy Piotrowski — a sociologist and demographer who, summing up his many years of scientific achievements on the subject of old man, contributed to the publication in 1986 of the mentioned encyclopedia together with his colleagues from the Polish Gerontological Society. One fat volume (862 p.) contains a comprehensive presentation of contemporary knowledge in the field of Polish gerontology. A slightly more extended title bears another Polish encyclopedic publication from the discussed area, i.e. *Encyklopedia seniora. Profilaktyka, leczenie, aktywność, prawo* (The Encyclopedia of the Senior. Prophylaxis, Treatment, Activity, Law), published in 2014. It is not so much an encyclopedia of knowledge about old age as a detailed and also extensive (448 p.) guide containing articles which provide seniors: tips, advice and information on how to live safely and happily.

In 2017, the next publication appeared. It contained a summary of well arranged and deepened up-to-date knowledge about aging and old age and the accompanying disability. It is *Encyklopedia starości, starzenia się i niepełnosprawności* (The Encyclopedia of Old Age, Aging and Disability), prepared under the scientific supervision of Professor Adam Alfred Zych. It is a monumental work (5 large volumes with a total of 2,410 pages, A4 format) of a specialized type, as it contains articles, tables, charts and illustrations basically from one field of science, i.e. the theory of old age and aging and accompanying disabilities.

The originator and editor of the reviewed encyclopedia is Professor Adam A. Zych, a psychologist and pedagogue, who has been specializing in social gerontology for many years, especially

in the pedagogy of aging and old age (geragogy). His scientific achievement includes significant works: *Sytuacja życiowa ludzi w podeszłym wieku w Polsce i w Republice Federalnej Niemiec* (Life Situation of Elderly People in Poland and in the Federal Republic of Germany) (Giessen 1988), *Człowiek wobec starości. Szkice z gerontologii społecznej* (The Man Towards Old Age. Sketches on Social Gerontology) (Warsaw 1995), the already mentioned *Słownik gerontologii społecznej* (Glossary of Social Gerontology) (Warsaw 2001), *Leksykon gerontologii* (Lexicon of Gerontology) (Cracow 2019, 4th edition), *Przekraczając "smugę cienia". Szkice z gerontologii i tanatologii* (Crossing the "Shadow Line". Sketches from gerontology and thanatology) (Katowice 2013, 2nd edition). For these publications and for the dissemination of knowledge about old and aging people, their author has received several scientific awards and also the honorary title of "Seniors' Friend".

In preparing this encyclopedia, Professor Adam A. Zych directed an invitation to high-class specialists, representatives of contemporary gerontology and disciplines dealing with disability, both theorists and practitioners engaged in activities for the care and help of old and disabled people. By proceeding in this way, he gained 280 specialists in the field of gerontology and disability disciplines. There were theorists among them, including eminent professors from the major academic centres in Poland. A lot of the authors of the entries in the encyclopedia, who co-operated with the Editor, are outstanding practitioners, employed in institutions of care and help for the elderly and disabled people. They are people devoted to their professional work and their specialty, being boundless enthusiasts of the activities they perform, perfectly motivated to perform them and present their professional and life experiences to others. Among them were psychologists, psychiatrists, sociologists, doctors of various specialties, especially geriatricians, pedagogues, demographers, sociologists, philosophers, religious scholars, naturalists, political scientists, publicists, writers and many others. Their professionalism, professional commitment and pro-social attitude have not remained without a positive impact on the extent and high quality of the encyclopedic entries.

The content of this encyclopedic publication (apart from, of course, the Foreword, The Message, Introduction and Preface in the first volume,

and the List of Authors, The List of Entries in each volume, and — from the second volume — the current Assessments and Opinions of the Reviewers on the subject added at the end, Editor's Final Notes, Final Reflections, Afterword, Concluding Remarks and Final Conclusion — in volumes 4 and 5), consists of over 1,200 entries in the field of gerontology and its specific disciplines (geriatrics, social gerontology, geragogy, gerodiethetics, gerontheology, environmental gerontology, pastoral gerontology and many others), as well as those related to disability associated with aging and old age. These entries contain the whole of modern knowledge on three major phenomena: aging, old age and disability; the knowledge, which is a sensible combination of scientific reflection and achievements of many sciences: andragogy, anthropology, demography, health sciences, philosophy, medical pathology, economics, social policy, social work, general and developmental psychology, sociology, theology for seniors, thanatology and other.

The entries in the *Encyclopedia of Old Age, Aging and Disability* can be easily divided into two categories. The first are biograms of theorists and practitioners, both Polish and foreign, representing various fields of science and practical activity, who have made the subject of their professional research the process of aging, the phenomenon of old age, and the multidimensional phenomenon of disability (its essence, etiology, prevention, and therapy). They describe activities in the above-mentioned areas of prominent doctors (including geriatricians and psychiatrists), social psychologists, gerontologists, social educators and educators, scholars, naturalists, social activists, reformers of social life, clergy, writers and social politicians, and others. A huge number of these biographies was prepared by Professor Adam A. Zych. The extent of the effort to prepare these entries and the Benedictine diligence in their elaboration is proved by the earlier publications of the scientific Editor, such as the mentioned *Glossary of Social Gerontology* or *Lexicon of Gerontology*. Through the reliable presentation in these biograms of the individuals from other countries, both active in the past and meritorious in the present, the Editor of this encyclopedia and other authors of biograms made it a transnational, European and even global work.

The second type of texts published in the discussed *Encyclopedia of Old Age, Aging and Disability* are subject entries. Their objective is defining and describing the essence of phenomena (e. g. “dyslexia”, “adulthood and old age”, “ethos of old age”, “speech therapy”, “mental health”), processes (e. g. “adaptation”, “acceleration of aging”, “gerontological education”, “human development”), activities (e. g. “qualitative research”, “nordic walking”, “counseling”, “retirement planning”, “social policy”), states of things and phenomena (e. g. “disability”, “digital exclusion of old people”, “life wisdom”, “disability”, “dementia syndrome”) that make up the life and activities of an old person, determine the quality of the aging process and condition the course, prevention and therapy of different disabilities. A lot of subject entries in this encyclopedia are about institutions (e. g. “social welfare home”, “hospice”, “social welfare center”, “third-age university”), and associations (e. g. “Polish Alzheimer's Association”, “The Polish Gerontological Society”, “The Society for the Protection of the Blind”), operating in the area of help and care for the elderly, aging and disabled people. The content of other entries have become methods, strategies and recommendations for the organization of various creative, preventive and therapeutic activities (e. g. “gerontological research”, “halotherapy”, “strengthening exercises”, “elderly nutrition”). Some entries inform about the content and course of various celebrations (e. g. Grandma's Day, Grandpa's Day, International Day of Older Persons, World Parkinson's Disease Day) in relation to the content of phenomena and processes to which this encyclopedic publication is devoted.

Individual entries have been developed using the latest theoretical knowledge on the issues, phenomena and processes to which they are related, as well as to the achievements of social practice, both Polish and foreign. This strategy of developing individual entries determined their substantive correctness and large application values. Many encyclopedia entries have been taken from previous publications of this type, but the authors gave them new, contemporary and current content. The work created by Professor Adam A. Zych has numerous new entries, unheard of in previously printed encyclopedias of aging and old age, for example: “Amyotrophy”, “Senior cohousing”,

“Halotherapy”, “Holistic medicine”, “Mentoring”, “Retirement planning”, “Poetry therapy”, “Silvotherapy”, “Organic triada”, “Age stratification”, and many others. These entries indicate a clear expansion of knowledge in the field of theories of old age, aging and disability in the discussed publication in relation to earlier encyclopedias and lexicons. They determine its unconventionality and originality. They also clearly indicate the culture-forming role of the encyclopedia.

All entries have been developed based on the latest scientific achievements in the areas they concern. As a result, they contain condensed and current (modern) knowledge about the issues signalled in their titles. The structure of the entries is well thought out and consistent with the methodology of constructing synthetic works. Most of them (if necessary) begin, in general, with clear definitions of individual phenomena, processes, institutions and activities. Then, almost all of them, contain a description of the specificity of the phenomena, processes and activities described, and, if possible, a forecast of their development trends in the future. A good illustration of these elements is provided in many entries by tables, charts, photos and drawings, and in some cases even maps. In other words, in individual entries of this encyclopedia, their authors described credibly, perceptively and in detail old age, aging and disability, adequately to the contemporary level of sciences of old age, aging and disability. The alphabetical arrangement of entries makes many of them integrated into categories in a comprehensive and undoubtedly exhaustive manner characterizing the most important phenomena, processes and activities described in the encyclopedia. Examples include counseling (types, scope, functions), rehabilitation (concept, types, scope), disorders (concept, types, prevention and therapy), or the phenomenon of old age (theories, conceptual range, types, philosophy, image in various areas of culture and art), whose description occupies 132 pages of the text in the discussed work. The didactic value of individual entries of the encyclopaedia is raised by the bibliography, the list of official documents and documents concerning the issues discussed in Poland, netography, links to entries with a similar content and congress terminology giving this encyclopaedia a global character. The advantage of this publication is also its correct scientific language. A careful

selection of words, expressions and language forms, in order to express the phenomena and processes presented, makes the encyclopedia a work of great popularizing value, which will not remain without a positive impact on the categories and sizes of its potential recipients.

The Encyclopedia of Old Age, Aging and Disability covers the whole of existing knowledge about old age, aging and disability presented in the new comprehensively arranged, updated, and modernized form. Due to the phenomena and processes described in it, not only Polish but also foreign, and due to the attached extensive bibliography (97 pages), containing foreign publications and an added list (47 pages) of congress terminology, this encyclopedia is a global work showing universal problems of existence and human activity in the last phase of life in an international context. It is a compendium containing an interdisciplinary (holistic) sensibly integrated, modern knowledge of three important and complex phenomena: old age, aging and related disability. It presents faithfully and reliably the contemporary level of knowledge about old age, aging and disability as well as numerous determinants and stimulators of human development in the last phase of life.

The cognitive and self-educational values of the discussed work are reinforced by the valuable supplements included in its last volume: the above-mentioned extensive international bibliography, a list of important prints and documents related to issues discussed in it, extensive filmography and considerable netography, and the mentioned congressional terminology plus an electronic version on CD. In each of these documents, Readers interested in deepening the knowledge about old age, aging and disability will find additional information about the issue in this field. These advantages indicate that this encyclopedia will be a necessary help for all those who work with an elderly and disabled person: doctors and nurses, psychologists, educational activists, therapists and physiotherapists, families and social workers. Exploring its content will also be a good form of professional preparation and improvement of new cadres of employees in institutions dealing with the help and support for old, aging and disabled people. Therefore, it should be included in the library collections

of these people and in every major library, both public and scientific. Due to the global values of this encyclopedia, it seems justified to make

efforts to translate it and print it in the congress languages (e. g. in English and Russian).

ОБЗОР ПРОБЛЕМЫ СТАРОСТИ И ИНВАЛИДНОСТИ³

(Рецензия на книгу: *A. A. Zych [red.]. Encyklopedia starości, starzenia się i niepełnosprawności w 5 t.*⁴)

Т. Александер,

ПВШВ, Варшава, Польша
aleksander.tadeusz@gmail.com

Александер Тадеуш, доктор педагогических наук, профессор, профессор Института филологии и педагогики Польской Высшей Школы Вшехница, Варшава, Польша.
E-mail: aleksander.tadeusz@gmail.com

Демографический феномен XX века, состоящий в быстром старении населения всех континентов и стран, повлек серьезные изменения в науке. Он породил научное движение, выражающееся в осмыслении проблем старения и старости, постоянно растущем количестве научных учреждений, журналов, посвященных этой тематике, все большем количестве книжных публикаций, а также все более частых попытках синтезировать научные знания о старении и пожилых людях. Примером последних служат словари и энциклопедии по геронтологии, проблемам старения и старости, а также часто сопровождающей их инвалидности.

Что касается геронтологических словарей, то одним из первых был появившийся в 1980 году американский «Глоссарий терминологии старения» (ред. Стивен Белл и др.). Вслед за ним, в 1985 году был издан многоязычный «Международный глоссарий социальной геронтологии» (ред. Мэри Джо Стори Гипсон и Шарлотта Нусберг), созданный при поддержке Международной федерации

старения. В последующие годы подобные словари выходили во многих других странах.

Немного позже начали появляться геронтологические энциклопедии. Пионерами здесь также были американские издания: «Энциклопедия старения» Артура Ф. Берингауза 1987 года, коллективная «Энциклопедия старения и пожилых людей», изданная в 1992 году под редакцией Джеймса Э. Биррена и др. Немного отстала от них Германия, в которой в 1988 году публикуется издание «Старость. Малая энциклопедия» (под ред. Лотара Пикенхайна и Вернера Риза). Эти работы быстро нашли последователей в других странах.

В Польше в конце прошлого века также стала интенсивно развиваться научное направление, изучающее вопросы старения и старого человека. Это движение было следствием демографического старения польского общества и выразилось в растущем количестве статей и книг в области геронтологии, а впоследствии — в составлении словарей и энциклопедий на эту тему. Уже в 1987 году

³ Перевод Олега Лещака, доцента, доктора филологических наук Университета Яна Кохановского, г. Кельце, Польша, e-mail: olegleszczak@o2.pl

⁴ Encyklopedia starości, starzenia się i niepełnosprawności. 1 T. / A. A. Zych [red.], Katowice: Stowarzyszenie Thesaurus Silesiae – Skarb Śląski, 2017. 598 s.; Encyklopedia starości, starzenia się i niepełnosprawności. 2 T. / A. A. Zych [red.], Katowice: Stowarzyszenie Thesaurus Silesiae – Skarb Śląski, 2017. 443 s.; Encyklopedia starości, starzenia się i niepełnosprawności. 3 T. / A. A. Zych [red.], Katowice: Stowarzyszenie Thesaurus Silesiae – Skarb Śląski, 2017. 560 s.; Encyklopedia starości, starzenia się i niepełnosprawności. 4 T. / A. A. Zych [red.], Katowice: Stowarzyszenie Thesaurus Silesiae – Skarb Śląski, 2017. 320 s.; Encyklopedia starości, starzenia się i niepełnosprawności. 5 T. / A. A. Zych [red.], Katowice: Stowarzyszenie Thesaurus Silesiae – Skarb Śląski, 2017. 498 s.

Люцина М. Фронцкевич и Богна Жаковска-Вашелко опубликовали глоссарий «300 фактов о старости», в котором обсуждались избранные проблемы социальной геронтологии, здоровья и профилактики заболеваний у пожилых людей. В 2001 году был составлен первый в Польше лексикографический компендиум по геронтологии. Это был «Словарь по социальной геронтологии» Адама А. Зыха. Значительным научным достижением этого автора был также его «Лексикон по геронтологии», изданный в 2007 году, который, несмотря на объем (около 1 200 статей), трижды переиздавался за довольно короткий отрезок времени (2010, 2017, 2019).

Очень скоро после западных изданий в Польше появляется первая «Энциклопедия пожилого человека». Ее составление — заслуга Ежи Пиотровского, социолога и демографа, который, подытоживая свои многолетние научные исследования пожилых людей, способствовал публикации в 1986 году упомянутой энциклопедии, подготовленной совместно с коллегами из Польского геронтологического общества. Это объемное издание (862 с.) содержит полное изложение актуальных на то время знаний в области польской геронтологии. Несколько более развернутое название носит еще одно польское энциклопедическое издание по оговариваемой тематике — «Энциклопедия пожилого человека. Профилактика, лечение, активность, законодательство», — опубликованное в 2014 году. Это не столько энциклопедия знаний о человеческой старости, сколько подробное и обширное (448 с.) руководство, предоставляющее пожилым людям указания, советы и информацию о том, как жить безопасно и счастливо.

В 2017 году выходит следующая публикация, содержащая упорядоченное и, несомненно, углубленное изложение современных знаний о старении и старости, а также сопутствующей им инвалидности. Это «Энциклопедия старости, старения и инвалидности», составленная под научным руководством профессора Адама Альфреда Зыха. Это фундаментальный (5 больших томов общим объемом 2410 страниц формата А4) труд специализированного характера, содержащий статьи, таблицы, диаграммы и иллюстрации практически

по одной дисциплине, т. е. по теории старости, старения и сопутствующим им типам инвалидности.

Автором идеи и редактором рецензируемой энциклопедии является профессор А. А. Зых, психолог и педагог, который много лет специализируется в области социальной геронтологии, особенно по педагогике старения и старости (геронтопедагогике). В списке его работ: «Жизненная ситуация пожилых людей в Польше и в Федеративной Республике Германии» (Гиссен, 1988), «Человек перед лицом старости. Очерки по социальной геронтологии» (Варшава, 1995), уже упоминавшийся «Словарь социальной геронтологии» (Варшава, 2001), «Лексикон геронтологии» (Краков, 2019, 4-е изд.), «Пересекая полосу тени. Очерки по геронтологии и танатологии» (Катовице, 2013, 2-е изд.). За эти публикации и популяризацию знаний о пожилых людях и стареющем обществе их автор получил несколько научных наград, а также почетное звание «Друг пожилого человека».

К работе над этой энциклопедией профессор А. А. Зых привлек высококлассных специалистов, представителей современной геронтологии и дисциплин, занимающихся изучением инвалидности, как теоретиков, так и практиков, занятых в работе по уходу и оказанию помощи пожилым людям и инвалидам. Это было в общей сложности 280 ученых — специалистов в области геронтологии и исследований инвалидности. Среди них были видные профессора из большинства академических центров Польши. Многие авторы энциклопедических статей являются выдающимися практиками, работающими в учреждениях опеки и помощи пожилым людям и инвалидам, люди, преданные своему профессиональному делу и научной специальности, безграничные энтузиасты деятельности, которую они выполняют, прекрасно мотивированные к тому, чтобы не только выполнять свою работу, но и передавать свой профессиональный и жизненный опыт другим. Среди них были психологи, психиатры, социологи, врачи разных специальностей (особенно гериатры), педагоги, демографы, социологи, философы, религиоведы, естествоведы, политологи, публицисты, писатели и многие

другие. Их профессионализм, профессиональная приверженность делу и гражданская позиция отразились на объеме и высоком качестве энциклопедических статей.

В содержание этой энциклопедической публикации¹ вошло более чем 1200 статей по геронтологии и ее частным разделам (гериатрии, социальной геронтологии, герагогике, геродиетике, геронтологической экологии, пасторской геронтологии и многим другим), а также по проблемам инвалидности, связанной со старением и старостью. Эти статьи содержат все актуальные знания о трех основных явлениях — старении, старости и инвалидности. Знания, изложенные в энциклопедии, представляют собой рациональное сочетание научной рефлексии и достижений многих наук: андрагогике, антропологии, демографии, науки о здоровье, философии, медицинской патологии, экономике, социальной политике, социальной работе, общей психологии и психологии развития, социологии, теологии (пожилых людей), танатологии и др.

Словарные статьи в «Энциклопедии старости, старения и инвалидности» можно легко разделить на две категории. Первыми являются биографии как польских, так и зарубежных теоретиков и практиков, представляющих различные области науки и практической деятельности, сделавших предмет своей профессиональной деятельности изучение процессов старения, феномена старости и многомерного явления инвалидности (ее сущность, этиологию, профилактику и терапию). Они освещают деятельность в вышеупомянутых областях выдающихся врачей (в том числе гериатров и психиатров), социальных психологов, геронтологов, социальных педагогов и воспитателей, ученых, природоведов, общественных деятелей, реформаторов общественной жизни, представителей духовенства, писателей, социальных

политиков и других. Большое количество этих биографий было подготовлено профессором Адамом А. Зыхом. Масштаб усилий по подготовке статей и тщательность их проработки подтверждаются более ранними публикациями научного редактора, такими как уже упоминавшиеся «Словарь социальной геронтологии» и «Лексикон геронтологии». Благодаря достоверному представлению в этих биографиях личностей из других стран, как действовавших в прошлом, так и активных в настоящем, редактор данного издания, а также и другие авторы биографических статей придали ей международный, европейский и даже глобальный характер.

Второй тип текстов, опубликованных в обсуждаемой «Энциклопедии старости, старения и инвалидности», — это собственно предметные статьи. Их содержание состоит в определении и описании сущности ключевых явлений (например, «дислексия», «взрослая жизнь и старость», «этос старости», «логопедия», «психическое здоровье»), процессов (например, «адаптация», «акселерация старения», «геронтологическое образование», «развитие человека»), видов деятельности (например, «качественные исследования», «скандинавская ходьба», «консультирование», «пенсионное планирование», «социальная политика»), состояний (например, «инвалидность», «цифровое исключение пожилых людей», «жизненная мудрость», «нетрудоспособность», «синдром слабоумия»), которые определяют жизнь и деятельность пожилого человека, качество процесса старения и обуславливают течение, профилактику и терапию различных нарушений.

Многие предметные статьи в энциклопедии посвящены учреждениям (например, «Приют», «Хоспис», «Центр социального обеспечения», «Университет третьего возраста») и общественным организациям (например, «Польское общество [болезни] Альцгеймера», «Польское геронтологическое общество», «Общество по уходу за слепыми»), действующим в сфере помощи и ухода за пожилыми, престарелыми и инвалидами. Содержанием ряда статей стали методы, стратегии и рекомендации по организации различных творческих, профилактических и терапевтических

¹ Кроме разделов «От редактора», «Посвящение», «Введение» и «Предисловие» в первом томе и «Списка авторов», «Словника» в каждом томе, а также размещенных в конце каждого тома, начиная со второго, «Оценок и мнений» рецензентов, «Примечаний редактора», «Заключительных замечаний», «Послесловия», «Заключительного слова» и «Окончания» — в 4-м и 5-м т.

мероприятий (например, «Геронтологические исследования», «Галотерапия», «Упражнения для укрепления мышц спины», «Питание пожилых и старых людей»). Есть статьи, информирующие о содержании и организации различных мероприятий (например, Дня бабушки, Дня дедушки, Международного дня пожилых людей, Всемирного дня борьбы с болезнью Паркинсона), связанных с содержанием явлений и процессов, которым посвящена данная энциклопедическая публикация.

Каждая статья создавалась с использованием новейших теоретических знаний о проблемах, явлениях и процессах, к которым они относятся, а также о достижениях социальной практики, как польской, так и зарубежной. Эта стратегия составления статей определила их теоретическую объективность и высокую практическую ценность. Многие статьи энциклопедии были взяты из предыдущих публикаций этого типа, но авторы придали им новое, современное и актуальное содержание. Работа, созданная профессором Адамом А. Зыхом обогащена качественно новыми словарными статьями, не встречавшимися в ранее издававшихся энциклопедиях старения и старости. Например: «Амиотрофия», «Кохазинг для пожилых людей», «Галотерапия», «Холистическая медицина», «Наставничество», «Пенсионное планирование», «Поэтическая терапия», «Дендротерапия», «Органическая триада», «Возрастная стратификация» и многие другие. Эти статьи демонстрируют явное расширение знаний в области теорий старости, старения и инвалидности в обсуждаемой публикации по отношению к практике создания предыдущих энциклопедий и лексиконов. Они определяют ее нетрадиционность и оригинальность. Они также явно указывают на культуuroобразующий характер обсуждаемой работы.

Словарные статьи содержат современные знания по проблемам, вынесенным в их название. Структура статей хорошо продумана и соответствует методологии построения работ синтезирующего характера. Большинство из них (там, где возникает такая необходимость) начинаются с четких в целом определений отдельных явлений, процессов, институтов и видов деятельности.

Далее почти в каждой из них содержится описание специфики хода описываемых процессов и видов деятельности и, по возможности, прогнозирование тенденций их развития в будущем. Иллюстрации этой информации служат включенные во многие статьи таблицы, диаграммы, фотографии и рисунки, а в некоторых случаях даже карты. Можно со всей ответственностью сказать, что в статьях этой энциклопедии их авторы описали изученные ими вопросы весьма достоверно, тщательно и подробно, т. е. вполне адекватно уровню современного состояния наук о старости, старении и инвалидности. Алфавитное расположение словарных статей удачно структурирует описываемые категории, что, несомненно, исчерпывающе характеризует наиболее важные явления, процессы и действия, описанные в энциклопедии. Примерами здесь могут служить следующие категории: консалтинг (его типы, сфера действия, функции); реабилитация (ее сущность, типы, область применения); расстройства (их сущность, типы, профилактика и терапия), или же феномен старости (теории старости; их концептуальный диапазон, ее типы, философия, образ в различных областях культуры и искусства), описание которого занимает в обсуждаемой работе 132 страницы текста.

Дидактическая ценность отдельных статей энциклопедии возрастает благодаря библиографии, списку официальных польских актов и документов, касающихся обсуждаемых вопросов, нетографии, ссылок на статьи с аналогичным содержанием, а также терминологические аналоги в основных международных языках, придающие энциклопедии глобальный характер.

Преимуществом представленной работы является также корректный научный язык. Тщательный отбор слов, выражений и языковых форм для определения представляемых явлений и процессов, придает энциклопедии популяризационную ценность, что может оказать положительное влияние на характер и количество ее потенциальных читателей.

Построенная таким образом «Энциклопедия старости, старения и инвалидности» представляет собой работу, по-новому упорядочивающую, обновляющую и модернизирующую,

расширяющую и углубляющую существующие знания о старости, старении и инвалидности. Энциклопедия, благодаря описанным в ней явлениям и процессам, свойственным не только польскому обществу, но и другим государствам, а также прилагаемой обширной библиографии (97 страниц), содержащей публикации на иностранных языках, и добавленному списку иноязычной терминологии (47 страниц), представляет собой глобальный труд, показывающий в международном контексте универсальные проблемы существования и деятельности человека на последнем этапе его жизни. Это компендиум, содержащий междисциплинарные (холистические), рационально интегрированные современные знания о трех важных и сложных явлениях: старости, старении и связанной с ними инвалидности. В нем верно и достоверно представлен современный уровень знаний о старости, старении и инвалидности, а также разнообразные условия и стимуляторы развития человека на последнем этапе его жизни.

Познавательные и самообразовательные достоинства обсуждаемой работы подкрепляются ценными приложениями, включенными в ее последний том: вышеупомянутая обширная международная библиография, список важных печатных изданий и документов,

связанных с обсуждаемыми в ней вопросами, большая фильмография и объемная нетография, а также упомянутая уже иноязычная терминология плюс электронная версия целой работы на компакт-диске. В каждом из этих документов читатели, заинтересованные в углублении знаний о старости, старении и инвалидности, найдут дополнительную информацию по проблемам в данной предметной области.

Перечисленные достоинства указывают на то, что эта энциклопедия станет необходимым пособием для всех тех, кто работает с пожилым человеком вообще и инвалидом в частности: для врачей и медсестер, психологов, работников сферы образования, терапевтов и физиотерапевтов, для семей и социальных работников. Ознакомление с ее содержанием также может стать хорошей формой профессиональной подготовки и совершенствования новых кадров для учреждений, занимающихся оказанием помощи и поддержки престарелым, пожилым людям и инвалидам. Энциклопедию следует включать как в личные библиотечные фонды всех заинтересованных, так и в фонды более менее крупных публичных и научных библиотек. Ввиду глобальных достоинств энциклопедии кажется вполне оправданным ее перевод и публикация на международных языках (например, на английском или русском).

УДК 159.9

DOI 10.25688/2223-6872.2019.30.2.10

ПСИХОЛОГИЯ, ЛИТЕРАТУРА И КИНО В ДИАЛОГЕ О ЧЕЛОВЕКЕ

(Рецензия на монографию: Литература на экране / под ред. А. А. Мелик-Пашаева, Н. Л. Карповой, Н. А. Борисенко, С. Ф. Дмитренко. Кн. 1–2. М.: РШБА, 2018)

З. Н. Новлянская,
ПИ РАО, Москва,
zinaidann@mail.ru

Новлянская Зинаида Николаевна, кандидат психологических наук, ведущий сотрудник Психологического института Российской академии образования, Москва.

E-mail: zinaidann@mail.ru

Визуальные, в первую очередь экранные, искусства, занимают все большее место в современном культурном пространстве, во многом определяя нравственно-эстетические ориентиры людей разных поколений. В многообразии их форм, жанров и направлений важное место неизменно сохраняет за собой экранизация произведений литературы. Наверное, для нас этот жанр киноискусства особенно значим. Едва ли нужно напоминать, что с художественной литературой связаны высочайшие, всемирно признанные достижения отечественной культуры последних двух столетий; и не случайно наш кинематограф, в отличие от западноевропейского, зародился и делал первые шаги именно на пути создания экранных версий произведений великих русских писателей. Но как же много острых, подчас неожиданных эстетических, психологических, воспитательных, образовательных и других проблем связано с этим направлением киноискусства — с экранизацией литературного первоисточника!

Случается, что, просматривая фильм, мы «не узнаем» любимого писателя, ни его стиль, ни ту картину мира, которая возникала, когда мы были наедине с книгой. А знакомые с детства персонажи повестей и романов! Сходя со страниц и обретая видимый облик, они в большинстве случаев тоже оказываются «не такими»; из-за этого иначе воспринимается и их характер, и сама личность. А, значит, иначе прочитывается и замысел писателя.

А как различны бывают экранизации одного и того же произведения! Это дезориентирует зрителя? Или, напротив, помогает воспринять всю многозначность и глубину литературного замысла? За всем этим стоят глубокие психолого-эстетические проблемы самой возможности адекватного перевода словесного образа в зрительный, особенностей их восприятия и многие другие.

Еще один распространенный предмет дискуссий: хорошо ли, если ребенок, подросток или юноша увидит экранизацию до того, как познакомится с произведением? Многие считают, что, удовлетворившись этим, он уже не станет читать ни «Анну Каренину», ни даже «Трех мушкетеров». Но жизнь показывает, что все не так просто. Существуют статистические данные о том, что после выхода экранизации заметно увеличивается спрос на первоисточник и в книжных магазинах, и в библиотеках. Каковы бы ни были мотивы этих покупателей и читателей, факт сам по себе положительный; очевидно, экранизация способна играть просветительскую роль, популяризировать классику. Кроме того, талантливый фильм может высветить в произведении многое такое, чего неискушенный читатель не «вычитал» бы в тексте длинного романа...

И это лишь немногие из числа больших и малых, художественных и технологических, организационных и образовательных, возрастных и воспитательных проблем, которые стали предметом обсуждения на Международной

научной конференции «Литература на экране: взгляд психологов, писателей и кинематографистов», которая прошла 6–7 декабря 2016 года в Психологическом институте Российской академии образования и была посвящена Году кино в России. Ее организаторами были Психологический институт РАО и Литературный институт имени А. М. Горького. Выступления участников этой конференции составили основу монографии¹.

Погружаясь в содержание монографии, можно выделить в его многообразии те основные точки зрения, с которых авторы, руководствуясь своими профессиональными интересами, видят и обсуждают обозначенные проблемы.

Одна из них — точка зрения кинематографистов, располагающихся, образно говоря, по разные стороны экрана. Это, во-первых, те, кто создает экранные версии литературных произведений, «переводит» литературу на язык кино: сценаристы, режиссеры, актеры, специалисты по кастингу. И, во-вторых, те, кто оценивает результаты их труда — киноведы и кинокритики.

Главное, что обсуждают кинематографисты-практики — та совокупность профессиональных, этических, образовательных, организационных факторов, которые помогают в создании полноценного экранного эквивалента литературного произведения или затрудняют его. Для киноведов и критиков главное другое: оценить полученный результат как самостоятельное явление искусства и сопоставить его с литературным первоисточником.

¹ Следует отметить, что подготовка монографии — не первый и не последний эпизод в сотрудничестве Психологического института РАО и Литературного института им. А. М. Горького. Еще в 2015 году, который был объявлен в России Годом литературы, прошла совместная конференция «Психология и литература в диалоге о человеке» и была издана книга с таким же названием под редакцией Н. А. Борисенко, Н. Л. Карповой, С. Ф. Дмитренко (М.: РШБА, 2016). А в 2019 году, который стал Годом театра, Психологический институт совместно с Литературным институтом и театральными вузами готовит конференцию «Психология, литература и театр в диалоге о человеке»; по ее итогам также планируется издание монографии.

Другая точка зрения представлена людьми, которые тоже, подобно киноведам и кинокритикам, находятся «по эту сторону» экрана, но не в качестве оценивающих специалистов и не в качестве рядовых зрителей. Это учителя, воспитатели, психо- и арт-терапевты. Для них работа с экранизацией — это средство решения «некинематографических» профессиональных задач: эстетического развития детей, обучения литературе, воспитания ценных человеческих качеств или оказания психологической помощи того или иного рода.

Представлена в книге и точка зрения психологов, исследователей закономерностей создания и восприятия художественного образа и зрительного образа как такового.

Книга состоит из двух частей. Первая из них включает четыре раздела. Хотя их содержание отчасти пересекается, каждый из них имеет ярко выраженную основную направленность.

Первый раздел — «Психологические, философские, литературоведческие проблемы экранизации литературных произведений». Он посвящен главным образом вопросам соотношения визуального и словесного образа, литературного текста и кинотекста, особенностям психологической позиции читателя и зрителя. В статьях этого раздела проблема литературы на экране выступает во всей своей многогранности, речь идет не только о художественной словесности (хотя в первую очередь, конечно, о ней), но и о научной и документальной литературе.

В статьях второго раздела — «Педагогические и психотерапевтические аспекты работы с экранизациями художественной литературы» — речь идет о том, какие образовательно-воспитательные возможности дает взаимодействие кино и литературы в работе с дошкольниками и подростками, со старшеклассниками и студентами, в условиях школьного урока и в дополнительном образовании. Ряд статей написан специалистами, которые привлекают ресурсы литературы и экранных произведений, в том числе мультфильмов, в психотерапевтической и коррекционной практике.

Авторы третьего раздела — «Художественная литература на экране» — преимущественно киноведы и кинокритики. Профессионально обсуждают экранизации как особый жанр киноискусства. Содержательно обсуждаются и оцениваются «этапные» экранные версии произведений русских и зарубежных классиков и современных российских писателей, принципиальные вопросы возможности и условий сохранения на экране духа литературного первоисточника и т. д.

Раздел четвертый — «Мастера кино об экранизации литературы» — включает в себя ряд интервью с известными режиссерами, актерами, сценаристами. В процессе беседы они приоткрывают такие стороны творческого процесса, которые бывают известны исключительно самим творцам из их личного опыта. Они откровенно рассказывают о значимых событиях, определявших их творческую биографию, об удачах и неудачах на поприще экранизации, о своем отношении к автору и авторскому тексту. В этом же разделе говорится о своеобразном телевизионном жанре рассказов о русских писателях, который создан на канале «Культура» и, по мнению составителей монографии, заслуживает и даже требует внедрения в образовательную практику массовой школы.

Вторая часть монографии — «Кино в зеркалах литературы» — включает произведения литераторов, принимавших очное и заочное участие в конференции.

В первой части кинематографисты и педагоги много говорили о том, какое значение имеет искусство слова — литература — для искусства кино. А на страницах второй части поэты и писатели по просьбе редакторов отвечают на другой вопрос: «Зачем кино литературе?». Ответы самые разные. Некоторые считают, что литература в экранизации вовсе не нуждается, они просто соседствуют в некотором общем художественном пространстве. Другие ценят их взаимовлияние, отмечают характерную для многих литературных текстов кинематографичность, говорят о киносценарии как особом жанре литературы и т. д. А главное — каждый из 32 авторов представлен стихотворным или прозаическим, или автобиографическим текстом, имеющим то или иное отношение к искусству кино.

Материалы монографии «Литература на экране» адресованы не только специалистам, но всем, кто любит кино и литературу. Они помогают с различных точек зрения увидеть каждое из этих явлений искусства, те проблемы и те возможности, которое несет их сосуществование в нашей культуре.

Информация

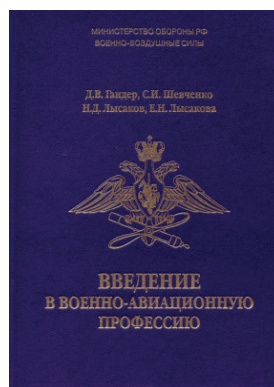
У ДМИТРИЯ ВЛАДИМИРОВИЧА ГАНДЕРА ЮБИЛЕЙ!

18 мая отметил 90-летний юбилей известный ученый, доктор психологических наук, профессор, военный летчик первого класса, исследователь психолого-педагогических основ подготовки кадров для авиации и космонавтики **Дмитрий Владимирович Гандер!**

Дмитрий Владимирович внес большой вклад в развитие педагогической психологии, психологии летного труда, авиационной педагогики, разработав методологические основы и прикладные аспекты исследования пространственной ориентировки, внутреннего мира и профессионально важных качеств личности летчика.

Дмитрий Владимирович — автор целого ряда книг и учебных пособий по военной и авиационной психологии, он является признанным авторитетом в этой области и с успехом сочетает педагогическую, теоретико-экспериментальную и научно-практическую деятельность.

Сердечно поздравляем ДМИТРИЯ ВЛАДИМИРОВИЧА ГАНДЕРА с юбилеем, желаем крепкого здоровья и долгих творческих лет!

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ ЖУРНАЛА
«СИСТЕМНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И СОЦИОЛОГИЯ», 2019, № 2 (30)

«SYSTEMS PSYCHOLOGY AND SOCIOLOGY» AUTHORS, 2019, № 2 (30)

РОМАНОВА Евгения Сергеевна — доктор психологических наук, профессор. Исполняющий обязанности директора Института психологии, социологии и социальных отношений МГПУ, заведующий кафедрой общей и практической психологии ИПССО МГПУ. Заслуженный учитель Российской Федерации. Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации. Лауреат премии Президента Российской Федерации 1998 в области образования, лауреат премии Правительства Российской Федерации 2009 в области образования. Почетный профессор МГПУ, член президиума УМО университетов Российской Федерации. Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации.

ROMANOVA Evgeniya Sergeevna — Doctor of Psychological Sciences, full professor. Acting director of the Institute of Psychology, Sociology and Social Relations of the MCU. Head of the Department of General and Practical Psychology at IPSSR of the Moscow City University. Honorary Teacher of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation. Laureate of the President of the Russian Federation Education Award in 1998. Laureate of the Russian Federation Government Education Award in 2009. Honorary Professor of the Moscow City University, member of the Presidium of Educational and Methodological Consolidation of the Universities of the Russian Federation. Honorary Worker of Higher School of the Russian Federation.

E-mail: RomanovaES@mgpu.ru

РЫЖОВ Борис Николаевич — доктор психологических наук, профессор. Заведующий кафедрой педагогической, возрастной и социальной психологии Института психологии, социологии и социальных отношений МГПУ. Лауреат премии Правительства Российской Федерации 2009 в области образования. Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации.

RYZHOV Boris Nikolayevich — Doctor of Psychological Sciences, full professor. Head of the Department of Pedagogical, Developmental and Social Psychology at the Institute of Psychology, Sociology and Social Relations of the MCU. Laureate of the Russian Federation Government Education Award in 2009, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation.

E-mail: RyzhovBN@mgpu.ru

КОГАН Борис Михайлович — доктор биологических наук, профессор. Заведующий кафедрой клинической и специальной психологии Института психологии, социологии, социальных отношений МГПУ.

KOGAN Boris Mikhaylovich — Doctor of Biological Sciences, full professor. Head of the Department of Clinical and Special Psychology at the Institute of Psychology, Sociology and Social Relations of the MCU.

E-mail: KoganBM@mgpu.ru

ДРОЗДОВ Александр Зосимович — профессор, доктор медицинских наук, профессор. Заведующий лабораторией НМИЦ ПН им. В. П. Сербского Министерства здравоохранения РФ.

DROZDOV Alexander Zosimovich — Doctor of Medical Sciences, full professor. Head of the Laboratory at the Serbsky NMRC PN.

E-mail: alex00582@yandex.ru

АРЗУМАНОВ Юрий Леонидович — доктор медицинских наук, профессор. Заведующий лабораторией клинической нейрофизиологии Национального научного центра наркологии — филиал НМИЦ ПН им. В. П. Сербского Министерства здравоохранения РФ. Заслуженный работник здравоохранения РФ.

ARZUMANOV Yuriy Leonidovich — Doctor of Medical Sciences (MD), full professor. Head of the Laboratory of Clinical Neurophysiology at the National Scientific Research Institute for Addictions — a Branch of the Serbsky NMRC PN. Honoured worker of health of the Russian Federation.

E-mail: arzumanov42@mail.ru

АБАКУМОВА Алла Алексеевна — кандидат биологических наук. Старший научный сотрудник Национального научного центра наркологии — филиал НМИЦ ПН им. В. П. Сербского Министерства здравоохранения РФ.

АБАКУМОВА Alla Alekseyevna — PhD (Biology). Senior scientist at the Laboratory of Clinical Neurophysiology at the National Scientific Research Institute for Addictions — a Branch of the Serbsky NMRC PN.

E-mail: abakumova46@mail.ru

КОРОТИНА Ольга Викторовна — научный сотрудник отдела психотерапии и медицинской реабилитации в амбулаторных и стационарных условиях, медицинский психолог высшей квалификационной категории ННЦН — филиал НМИЦ ПН им. В. П. Сербского Министерства здравоохранения РФ.

KOROTINA Olga Viktorovna — medical psychologist of the highest qualification category, researcher at the Department of Psychotherapy and Medical Rehabilitation in Outpatient Setting at the National Scientific Research Institute for Addictions — a Branch of the Serbsky NMRC PN.

E-mail: ole4ka_koroti4@mail.ru

ВАЛЯВКО Светлана Михайловна — кандидат психологических наук, доцент. Доцент кафедры клинической и специальной психологии Института психологии, социологии и социальных отношений МГПУ.

VALYAVKO Svetlana Mikhailovna — PhD (Psychology), docent. Docent at the Department of Clinical and Special Psychology at the Institute of Psychology, Sociology and Social Relations of the MCU.

E-mail: ValyavkoSM@mgpu.ru

ЗАХАРОВА Людмила Николаевна — доктор психологических наук, профессор. Заведующий кафедрой психологии управления НИНГУ им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород.

ZAKHAROVA Ludmila Nikolaevna — Doctor of Psychological Sciences, full professor. Head of the Department of Psychology of Management of the Lobachevsky NRSU, Nizhny Novgorod.

E-mail: zlnnov@mail.ru

САРАЛИЕВА Зарэтхан Хаджи-Мурзаевна — доктор исторических наук, профессор. Заведующий кафедрой общей социологии и социальной работы НИНГУ им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород.

SARALIEVA Zaretkhan Haji-Murzaevna — Doctor of Historical Sciences, full professor. Head of the Department of General Sociology and Social Work of the Lobachevsky NRSU, Nizhny Novgorod.

E-mail: zara@fsn.unn.ru

ЛЕОНОВА Ирина Сергеевна — кандидат социологических наук, докторант кафедры общей социологии и социальной работы факультета социальных наук НИНГУ им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород.

LEONOVA Irina Sergeevna — PhD (Sociology), doctoral student at the Department of General and Social Psychology of the Lobachevsky NRSU, Nizhny Novgorod.

E-mail: Irina.leonova@unn.ru

ЗАЛАДИНА Анна Сергеевна — ассистент кафедры психологии управления, аспирант кафедры психологии управления, НИНГУ им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород.

ZALADINA Anna Sergeevna — assistant at the Department of Psychology of Management, post-graduate student at the Department of Psychology of Management of the Lobachevsky NRSU, Nizhny Novgorod.

E-mail: zaladina.a.s@mail.ru

ДОБРИНА Ольга Александровна — кандидат социологических наук. Доцент кафедры социальной психологии и виктимологии НГПУ, Новосибирск.

DOBRINA Olga Aleksandrovna — PhD (Sociology), docent at the Department of Social Psychology and Victimology of the NSPU, Novosibirsk.

E-mail: dobrina-o@mail.ru

ТКАЧЕНКО Александр Владимирович — кандидат исторических наук, доцент. Доцент кафедры социологии и психолого-социальных технологий Института психологии, социологии и социальных отношений МГПУ.

TKACHENKO Alexander Vladimirovich — PhD (History), associate professor, docent at the Department of Sociology and Psychosocial Technologies at the Institute of Psychology, Sociology and Social Relations of the MCU.

E-mail: TkachenkoAV@mgpu.ru

АЛЕКСАНДЕР Тадеуш — доктор педагогических наук, профессор. Профессор Института филологии и педагогики ПВШВ, Варшава, Польша.

ALEKSANDER Tadeusz — Doctor of Andragogy (PhD), full professor. A professor at the Institute of Philology and Pedagogy of the Wszechnica Polska University in Warsaw, Warsaw, Poland.

E-mail: aleksander.tadeusz@gmail.com

НОВЛЯНСКАЯ Зинаида Николаевна — кандидат психологических наук. Ведущий сотрудник ПИ РАО.

NOVLYANSKAYA Zinaida Nikolayevna — PhD (Psychology). Principal researcher at the PI RAE.

E-mail: zinaidann@mail.ru

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Журнал «Системная психология и социология» публикует оригинальные теоретические работы и исследования по проблемам системных описаний в психологии и социологии.

В научном журнале размещаются следующие виды работ:

- методологические и теоретические статьи;
- статьи, описывающие новый метод, тест, опросник и т. д.;
- эмпирические исследования;
- информационно-аналитические материалы;
- рецензирование статей, книг и т. д.

В зависимости от жанра статья должна иметь определенную структуру. Если статья описывает эмпирические исследования, новые методические приемы, тесты, опросники и т. д., то структура статьи должна включать следующие разделы: «Введение», «Методика», «Результаты и их обсуждение», «Выводы», «Заключение», «Литература».

Информационно-аналитические статьи, методические и теоретические статьи предполагают наличие таких разделов, как «Введение», «Результаты», «Выводы», «Заключение», «Литература».

В редакцию принимаются материалы объемом до одного авторского листа (не более 40 тыс. знаков с пробелами). Объем статей, подготовленных по заказу редакции, не ограничивается. Текст должен быть набран шрифтом Times New Roman, 14 кеглем через 1,5 интервала с выравниванием по ширине. Поля: слева — 2 см, справа — 1 см, верхнее и нижнее — по 2 см соответственно. Все страницы рукописи должны быть пронумерованы.

Заголовки разделов статьи печатаются шрифтом Times New Roman, полужирным 14 кеглем без курсива, по центру столбца. В конце заголовков разделов точка не ставится (например, Результаты).

Заголовок статьи оформляется по образцу: название (по центру страницы, заглавными буквами, полужирным шрифтом, 14 кегль, не более 7 слов, без точки в конце названия).

Ниже инициалы и фамилия автора. Например: И. И. Иванов

Статья должна начинаться с расширенной аннотации (не менее 200 и не более 250 слов, или 1600–1850 знаков с пробелами), в которой полностью раскрывается структурная логика статьи, т. е. в аннотации формально должны быть включены следующие разделы: введение, методология и методика исследования, результаты исследования, заключение.

После аннотации указывается перечень ключевых слов (5–10 слов). Ключевые слова отделяются друг от друга точкой с запятой. Текст аннотации набирается прямым (без курсива) шрифтом с точкой в конце.

Название статьи, равно как и аннотация, ключевые слова, обязательно предоставляются с переводом на английский язык.

Библиографические ссылки при цитировании приводятся в конце статьи в алфавитном порядке на русском и английском языках. Ссылки на литературу оформляются в тексте в квадратных скобках.

Например: [15: с. 140], где первая цифра означает порядковый номер из списка литературы, а вторая — номер страницы источника (если это цитата). Упоминание всех персоналий в тексте статьи обязательно с инициалами.

В списке литературы желательно указывать **не менее 20 источников**. Из них, желательно, чтобы **половина была на английском языке**, при этом **цитируемые источники** (как русскоязычные, так и англоязычные, индексируемые в РИНЦ, Scopus и WoS) — это издания **за последние 5 лет**. Также следует указывать DOI для тех источников, у которых он есть (о наличии DOI можно узнать по ссылке: <http://search.crossref.org/>), и на которые есть ссылки

в тексте статьи. При упоминании (ссылке) источников более раннего года выпуска их библиографическое описание указывается в постраничной сноске (внизу листа со сквозной нумерацией), и в список литературы эти ссылки не включаются. Количество ссылок на работы автора статьи должно быть ограничено одним-двумя источниками, при ссылке на работы других авторов допускается упоминание двух-трех источников.

Рисунки, графики, схемы нельзя сканировать, они должны выполняться в графических редакторах, поддерживающих векторные и растровые изображения. К статье отдельно прилагаются файлы с рисунками, графиками в таком формате, чтобы легко можно было внести правки, согласно требованиям публикации. К статье необходимо приложить следующие сведения об авторе: фамилия, имя и отчество полностью; ученая степень и звание; место работы и должность; контактный телефон и адрес электронной почты, подписанное фото каждого автора 3 × 4 (в формате *.jpg). Сведения об авторе (кроме контактных данных) должны быть представлены на русском и английском языках.

Рецензирование проходит в период от одного до трех месяцев. Решение о публикации принимается на основе результатов рецензирования редколлегией. В случае положительного решения публикация происходит в порядке очередности поступления материалов в редакцию.

Материалы предоставляются как по электронной почте журнала: systempsychology@mgpu.ru, так и в распечатанном виде (+ копия статьи на диске в электронном формате *.doc. Word 2000, 2003 (и выше)) в Институт психологии, социологии и социальных отношений МГПУ.

Адрес редакции журнала: 127287, Москва, Петровско-Разумовский пр., д. 27.

E-mail: systempsychology@mgpu.ru

Телефон: 8 (495) 612 67 16

AUTHOR GUIDELINES

An article should ordinarily not exceed 40 000 of signs, including references and tabular material. It should be typed in standard Times New Roman 11 print, with 1 line spacing in MS Office files (Word 2000, 2003 and etc.). Exceptions may be made with prior approval of the Editor in Chief.

It is authors' responsibility to ensure their reviews are comprehensive and as up to date as possible so the data are still current at the time of publication.

Article Structure

Abstract

A concise and factual abstract is required (**not exceeding 200–250 words**). The abstract should state briefly the introduction, purpose of the research, research methods, the principal results and major conclusions. References here should be avoided.

Keywords

Immediately after the abstract, provide a maximum of **5–10 keywords**. Be careful with abbreviations: only abbreviations firmly established in the field may be eligible.

Introduction

Research methods

Results and discussion

Conclusion

Literature (**at least 20 references or more and over the last 5 years predominantly**). As the author of your research article, you should refer to your own works not more than twice, but in so doing every other authors of the works you need to refer should be cited not more than twice or three times.

Graphical abstract and Tables

A graphical abstract is optional, its use is encouraged as it draws more attention to the article. The graphical abstract should summarize the contents of the article in a concise, pictorial form designed to capture the attention of a wide readership. Graphical abstracts should be submitted as a separate file via email. The image should be readable using a regular screen resolution. Preferred file types: *tiff, *pdf or MS Office files. Please submit tables as editable text and not as images. Tables can be placed either next to the relevant text in the article, or on separate page(s) at the end. Number tables consecutively in accordance with their appearance in the text and place any table notes below the table body.

Every author should send the following information: his full surname, name, his academic status and degree; the place of his work and information about the post he takes; contact information, including e-mail and his photo 3 × 4 (Preferred file types: *tiff, *jpg).

Contact Details for Submission

Authors are requested to submit their articles and contact details electronically via e-mail: systempsychology@mgpu.ru. Authors also should remember to supply the names and contact details of all co-authors, mentioned in the article.

E-mail: systempsychology@mgpu.ru

Tel.: 8 (495) 612 67 16

ДЛЯ ЗАМЕТОК

СИСТЕМНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

Научно-практический журнал

2019

№ 2 (30)

Выходит 4 раза в год

Главный редактор выпуска:

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник *Т. П. Веденева*

Редактор:

И. Е. Посоха

Корректор:

К. М. Музамилова

Техническое редактирование и верстка:

О. Г. Арефьева

Научно-информационный издательский центр ГАОУ ВО МГПУ

129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, корп. 1.

Телефон: + 7 499 181 50 36.

Подписано в печать: 11.06.2019 г. Формат 70 × 108 ¹/₁₆.

Бумага офсетная.

Объем 7,5 усл. печ. л. Тираж 1000 экз.